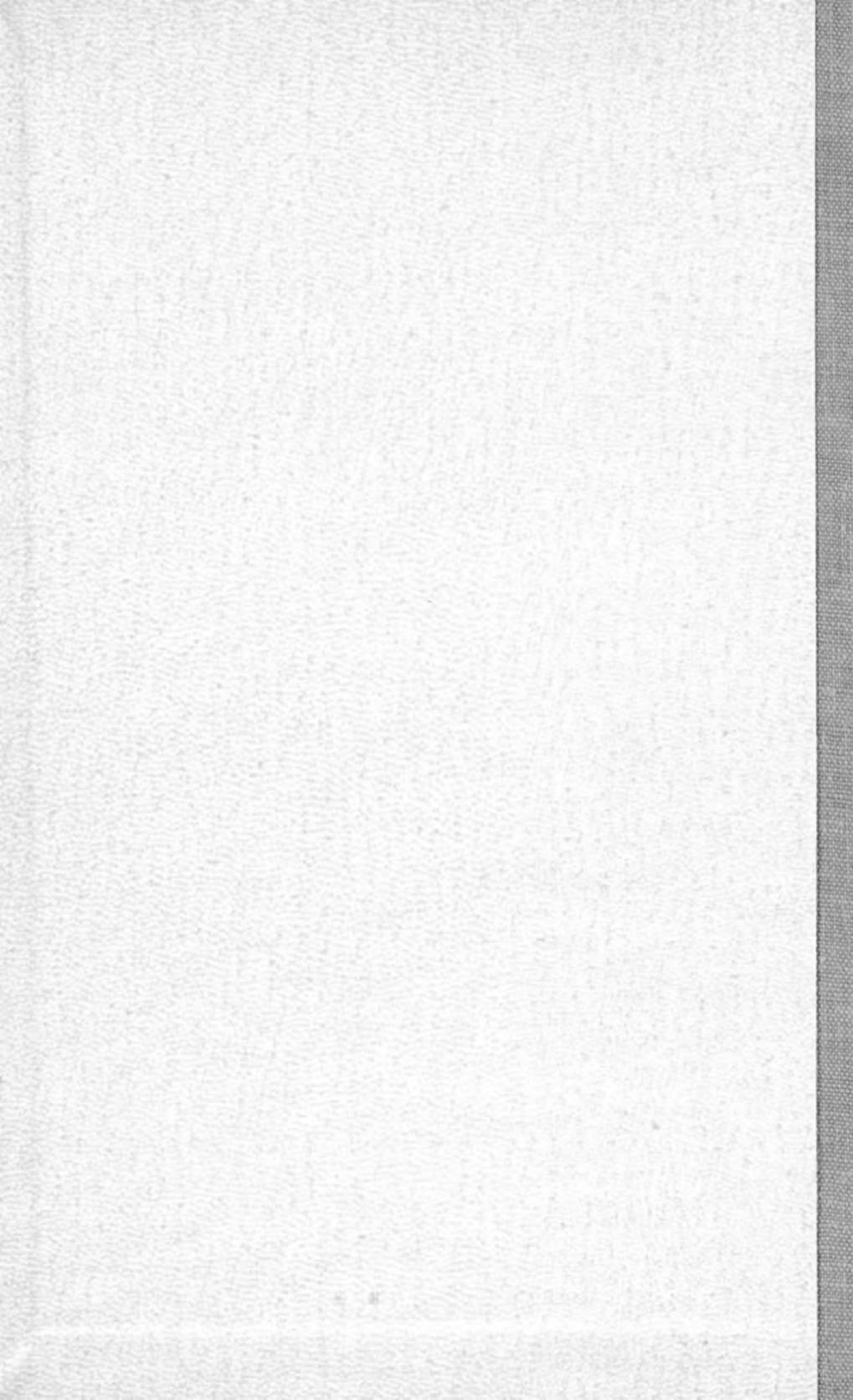

3873

ТРИ
РУССКИХЪ ОБЩЕСТВА

ВЪ ВОСТОЧНОЙ ВЕНГРИИ.

5585

(Изъ журнала: „ПРАВОСЛАВНОЕ ОВОЗРѢНИЕ“).

МОСКВА.

Въ Университетской типографії (Катковъ и Ко),
на Страстномъ бульварѣ.

1868.

ЛІЧЕРНЯХ ДІШЕТВА
І

06 + 930.26 + 82-1

Печатать позволяетъ. Москва, марта 16-го дня 1868 года.
Цензоръ Докторъ Богословія Протоіерей П. Терновскій.

ТРИ РУССКИХЪ ОБЩЕСТВА ВЪ ВОСТОЧНОЙ ВЕНГРИИ.

Въ послѣдніе годы между Русскими, населяющими восточную Венгрию (*), замѣтно народное пробужденіе: желаніе соединить свои силы и дѣйствовать для сохраненія и развитія народныхъ началъ вызвало между ними существованіе трехъ обществъ. Одно изъ этихъ обществъ находится въ Пряшевѣ и заботится преимущественно о воспитаніи молодаго поколѣнія; другое пребываетъ въ Ужгородѣ и имѣть своею цѣллю издание народныхъ книгъ, распространеніе общеполезныхъ съѣдѣній въ цѣлой массѣ населенія. Наконецъ теперь образуется третье общество, имѣющее въ виду объединить русскую интеллигенцію въ Венгрии, т. е. русское духовенство. Покровителемъ первого общества считается св. Иоаннъ Креститель, втораго св. Василій Великій, а третьаго св. Апостолъ Андрей Первозванный. Вотъ уставы этихъ обществъ:

I. Уставъ общества св. Иоанна Крестителя для вспомоганіи учащейся русской молодежи, въ богоспасаемой епархіи пряшевской.

І. Цѣль.

§ 1. Цѣль общества вспомогати скучныхъ, но вмѣстѣ честныхъ и трудолюбивыхъ русскихъ учениковъ гимназіальныхъ, особенно же снабжати ихъ по возможности столомъ и обиталищемъ.

(*) Напоминаемъ нашимъ читателямъ, что Русскихъ въ восточной Венгрии считается до 500.000. Они подѣлены на двѣ уніатскія епархіи: Пряшевскую и Мукачевскую. Города: Пряшевъ, Ужгородъ и Мукачъ — главные центры карпато-русской интеллигенціи. *Примѣч. редакціи „Прав. Обозр.”*

II. Члены.

§ 2. Общество состоит из членов основывающих и вспомогающихъ.

§ 3. Основывающимъ членомъ становится, кто или разомъ 50 или въ теченіи трехъ лѣтъ 60 золотыхъ австр. цѣнности, т. е. всякий годъ 20 зол. жертвуетъ на цѣль общества.

§ 4. Вспомогающимъ членомъ становится, кто обважается ежегодно по крайней мѣрѣ одинъ золотый (т. е. гульденъ или флоринъ) а. п. или тому соотвѣтствующее количество сѣйныхъ запасовъ жертвовать на цѣль общества.

§ 5. Каждый членъ обязанъ способствовать человѣколюбивой цѣли общества своевременнымъ точнымъ взношеніемъ подписываемой имъ жертвы въ пользу общества, собираючи доброхотныхъ подарковъ и приобрѣтеніемъ новыхъ членовъ.

§ 6. Кто изъ членовъ подписанную имъ жертву, не смотря на предварительное напоминаніе, не внесетъ по истечениіи пятимѣсячнаго срока, тотъ считается выступившимъ изъ общества, и перестаетъ быть его членомъ.

III. Средства.

§ 7. Доходы общества состоять: а) Изъ вышеупомянутыхъ жертвъ членовъ основывающихъ и вспомогающихъ. б) Изъ пособій собираемыхъ членами у иныхъ частныхъ лицъ и общинъ, или при семейныхъ праздникахъ и дружескихъ собраніяхъ, и иныхъ подобныхъ случаяхъ. в) Изъ пособій къ сей цѣли, преподобнымъ священствомъ въ церквяхъ собираемыхъ. г) Изъ денежныхъ или запасныхъ пособій тѣхъ школьнаго учениковъ, которые за умѣренную цѣну получать пропитаніе.

§ 8. Сими доходами будуть покрываемы издержки пропитанія школьнаго учениковъ, а изъ остатковъ будетъ составляться постоянный фондъ для той же цѣли.

IV. Управление.

§ 9. Дѣлами общества подъ надзираниемъ преосвященнѣшаго архіепископа управляетъ: а) Общее собраніе. б) Выборъ.

A.) Общее собраніе.

§ 10. Общее собраніе будетъ держатися ежегодно по крайней мѣрѣ разъ въ концемъ, или началомъ школьнаго года въ день, въ

тому благовременно-определенный, и оглашаемый въ присутствіи или самаго преосв. владыки, или имъ назначенаго епископскаго повѣренника.

§ 11. Рѣшающій голосъ на общемъ собраніи имѣютъ только основывающіе члены общества; вслѣдствиѳ же члены будутъ заступаемы посланниками духовныхъ намѣстническихъ соборовъ такъ, что всякий соборъ богоспасаемой епархіи пришевской на свое засѣданіи изберетъ всякий третій годъ двухъ посланниковъ, одного духовнаго, втораго мірскаго званія.

§ 12. Общее собраніе а) избираетъ изъ членовъ основывающихъ своего предсѣдателя, и трехъ подпредсѣдателей по половинѣ изъ духовныхъ, по другой половинѣ изъ мірскихъ лицъ. б) Избираетъ управляющій выборъ на три года и дополняетъ въ немъ мѣста въ промежуткѣ сего времени упорожненныя. в) Опредѣлить для управляющаго выбора дѣловый порядокъ, и начала касающіяся приниманія учениковъ въ пропитательное заведеніе, способа принима-
нія и домоводства вообще. г) Опредѣлить обязанности пропитываемыхъ, особенно при церковномъ богослуженіи. д) Разбирасть всѣ дѣйствія выбора управляющаго, особенно разсматриваетъ счеты прошлаго, и утверждаетъ сметы будущаго года. е) По требованію обстоятельствъ перемѣняетъ уставъ, къ чему однако требуется согласіе преосвященнаго архіерея.

§ 13. Письмоводителей для общаго собранія именуетъ предсѣдатель сего собранія.

§ 14. Дѣла на общемъ собраніи рѣшаются большинствомъ голосовъ присутствующихъ.

Б.) Выборъ (комитетъ).

§ 15. Выборъ управляющій состоится изъ предсѣдателя, подпредсѣдателя, тайника, казначея, вмѣстѣ и хозяина, да изъ шести иныхъ, и такъ вкунѣ изъ 8 присѣдателей, и двухъ предсѣдателей, которые, по предписанію вышепомянутой точки 12, изберутся изъ членовъ основывающихъ, или вслѣдствиѳющихъ такъ, чтобы одинъ изъ предсѣдателей, и половина присѣдателей принадлежала духовному, а другой предсѣдатель и другая половина членовъ мірскому званію. Какъ предсѣдатель выбора, такъ и присѣдатели обязаны жить въ городѣ Пришевѣ, или по крайней мѣрѣ близко Пришевна.

§ 16. Всѣ дѣла въ засѣданіяхъ управляющаго выбора рѣшаются большинствомъ голосовъ, какъ скоро присутствуютъ по крайней мѣрѣ одинъ изъ предсѣдателей и половина присѣдателей.

§ 17. Выборъ управляетъ всѣми дѣлами общества, поколику они по прежнему не предоставлены рѣшенію общаго собрания.

§ 18. Предсѣдатель выбора и въ случаѣ возпрепятствованія его, подпредсѣдатель, или предсѣдателемъ назначенный мѣсто-блеститель заступасть общество не только въ отношеніи къ третьимъ лицамъ, но и къ правительству духовному и мірскому,— онъ созываетъ членовъ выбора въ засѣданіе, и предсѣдательствуетъ въ немъ; онъ смотрить за дѣйствіемъ хозяина и за пропитательнымъ заведеніемъ вообще.

§ 19. Тайникъ (секретарь) обязанъ вообще управляти канцеляріей и счетоводствомъ общества, особливо: а) вести порядочно инвентарь, и годовые счеты всякаго рода, записныя книги, и всю переписку общества. б) Составить всякаго рода оглашенія, воззванія, смѣту, и всѣ для общаго собранія приготовляемыя доношенія.

§ 20. Казначай вмѣстѣ и хозяинъ заведенія обазанъ: а) сообразно съ цѣлью устроити пропитательное заведеніе, и наблюдать за опредѣляемымъ въ семъ заведеніи порядкомъ. б) Имѣть попеченіе о доходѣ и расходѣ не только денегъ, но и съѣстныхъ запасовъ, и точно записывать всѣ принимаемые взносы, и издержки по предписанію. в) Помогать тайнику во всѣхъ дѣлахъ касающихся инвентаря, или годовыхъ счетовъ, и смѣтовъ, особливо доставляти ко исполненію сихъ доказательства и приложения.

V. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОВЪ ИМѢНИ ОБЩЕСТВА ВЪ СЛУЧАѢ ЕГО РАЗВЯЗАНИЯ.

§ 21. По рѣшительному желанію двухъ третей голосовъ общаго собранія можетъ развязатися общество, и въ таковомъ случаѣ самохотнаго развязанія, общественнымъ имѣніемъ расположить тоже общее собраніе.

§ 22. Въ случаѣ же, если бы общее собраніе по какимъ-либо препятствіямъ не могло расположить общественнымъ имѣніемъ: сіе достанется всесчастнѣйшей консисторіи прашевской для употребленія къ цѣлямъ человѣколюбивымъ, преимущественно же къ спомоществованію учащейся русской молодежи, по ея благоравсужденію.

Составиль учрежденный преосвященнѣйшимъ архіереемъ владыкою, по дѣлѣ семъ, комитетъ: Михаилъ Герберій, с. р. прото-іерей, Александръ Духновичъ, с. р. архидіаконъ, Іосифъ Шолтисъ, с. р. пѣвецъ-крылошанъ, Михаилъ Старецкій, с. р. школьній крылошанъ.

Выше начертанный уставъ, какъ во всѣхъ точкахъ съ правилами церкви сообразный, и человѣколюбивой задачѣ христіанства, особенно соборной церкви во воспитаніи молодежи поспѣшестную-

щій за благо принимаемъ и данною намъ властю подтверждаемъ.
Въ Прашевѣ днія 14 (26) июля 1862. Іосифъ, с. р. епископъ пра-
шевскій свѣт., ордена Франца Іосифа императ. австр. командоръ.

Печатано въ Будинь въ печатни к. ут. всеучилища.

Общество Іоанна Крестителя имѣло 5-го сентября прошлаго
года свое пятое годичное засѣданіе, при чмъ постановлено обра-
зововать стипендію въ память одного изъ основателей общества
А. В. Духновича, бывшаго ревностнѣйшимъ патріотомъ между
русскими въ Венгріи. Въ львовской газетѣ «Слово» и ужгород-
ской «Свѣтъ» печатаются приглашенія отъ имени этого общества
ко всѣмъ желающимъ поддержать русскую народность въ Венгріи
съ просьбою о пожертвованіяхъ. Общество Іоанна Крести-
теля имѣть свою школу, въ которой воспитывалось въ прош-
ломъ году на счетъ общества 37 учениковъ, не считая приходя-
щихъ. Общество имѣть свой домъ съ двумя садами въ самомъ
Прашевѣ. Въ кассѣ общества въ день годичнаго засѣданія счи-
талось 15,189 гульденовъ 59 крейцеровъ.

II. Уставъ Подкарпатскаго литературнаго общества восточныхъ соединенныхъ католиковъ.

1 §. Восточно-католическое литературное общество, будучи со-
ставляемо для произведенія духовно-нравственного образованія во-
сточныхъ соединенныхъ католиковъ епархій мukачевской и пра-
шевской, сверхъ покровительства Непорочной Дѣви, какъ главной
покровительницы общества, вручаясь покровительству трехъ вели-
кихъ учителей и святителей восточной Церкви, именно: Василію
Великому, Григорію Богослову и Іоанну Златоусту, отъ имени стар-
шаго изъ сихъ трехъ святителей принимаетъ наименование «обще-
ства св. Василія.»

2 §. Цѣлю и задачею будетъ общества сего: сочиненіе, состав-
леніе, именно издаваніе, награжденіе, и распространеніе книгъ
школьныхъ, приспособленныхъ потребамъ школъ вышепомянутыхъ
двухъ епархій; вообще же составленіе въ языкахъ русскомъ и
мадьярскомъ всякихъ такого рода познательныхъ и полезныхъ
книгъ, образовъ, и часописей, которыя бы, по содержанію и духу
своему, съ успѣхомъ произвели духовно-нравственное образованіе
восточныхъ соединенныхъ католиковъ, съ тѣмъ прибавленіемъ,
чтобы касательно нормальныхъ книгъ свѣтскаго содержанія почти-
талось и не нарушилось исключительное издательское право пе-
чатни всеучилища угорско-царскаго, такожде и располагающее

право высокославнаго мѣстодержательного совѣта угорско-царскаго; подобно же относительно и книгъ составляемыхъ и издаваемыхъ обществомъ для употребленія въ среднихъ училищахъ, по смыслу высочайшихъ расположений, надо будетъ въ каждомъ случаѣ выпросить особенного позволенія у высокославнаго мѣстодержательного совѣта угорско-царскаго; разумѣется въ самомъ дѣлѣ, что всѣ книги издаваемы обществомъ подвергаются расположению настоящихъ печатничьихъ правилъ.

3 §. Осуществленіе сей назначеннай цѣли и задачи надѣется общество достигнуть посредствомъ дѣятельности и самовольныхъ жертвованій членовъ общества.

4 §. Покровители, вмѣстѣ же и начальные водители общества епископы мukачевскій и пряшевскій.

5 §. Членомъ общества можетъ быть вообще всякий духовный и мірскій мужъ безиорочнаго права, принадлежащій къ которой нибуль изъ двухъ поманутыхъ епархій; не включая и иныхъ духовныхъ и мірскихъ, находящихся въ епархіяхъ всего государства австрійскаго, которые цѣль и задачу общества производить намѣряютъ равно членамъ вышепомянутыхъ двухъ епархій.

6 §. По мѣрѣ дѣйствительныхъ жертвованій члены общества — раздѣляются на учредительные и порядочные.

Учредительными членами могутъ быть тѣ, которые сплатятъ значительнѣйшее количество,—которое на всякий случай меньшимъ не можетъ быть 80 австрійскихъ золотыхъ — разомъ или въ ежегодовыхъ 16-ти золотовыхъ частяхъ.

Порядочными членами могутъ быть и признаются обществомъ всѣ тѣ, которые, записавшись въ члены общества, для произведенія цѣли общества заплатятъ ежегодно 2 зол. австр. въ казну общественную, или, какъ писатели, для цѣли общества содѣйствовать будутъ безъ всякой награды. Замѣтивъ: а) что принятіе въ учредительные и порядочные члены принадлежать будетъ къ выбору общества. б) Порядочные члены принимаютъ обязанность въ отношеніи къ обществу на 5 годовъ, и если выступить желаютъ, одолжаются намѣреніе свое выбору объявити письменно въ первомъ мѣсяцѣ года 5-го, сдѣлавъ сіе увольняются отъ обязанности, относящейся къ обществу, вирочемъ: в) плату въ двухъ золотыхъ постановленную одолжаются сплатити въ двухъ полугодовыхъ частяхъ. г) Противъ членовъ же замедлившихъ плату или нехотящихъ платить, общество посредствомъ собственнаго правоводца (стричнаго) по опредѣленію всенароднаго собранія или выбора будетъ пользоваться порядочнымъ путемъ права.

Со взоромъ же тѣхъ, которые засвидѣтельствуютъ особенную

прикленность, благопріятствованіе, реяность и покровительство къ обществу; общество такъ будетъ усиливаться объянить признательность, именно же благодарность свою, что ихъ на всенародныхъ собраниахъ на внесение предсѣдателя или котораго будь члена общества общимъ большинствомъ голосовъ избереть въ члены почетные.

7 §. Веденіе дѣлъ общества—кромѣ покровительствующихъ двухъ епископовъ — ввѣрается двумъ предсѣдателямъ старшему и младшему подтверждаемымъ высокославнымъ мѣстодержитѣльнымъ соѣдѣтомъ угорско-царскимъ, которыхъ мѣсто въ случаѣ препятствованія занимаетъ подпредсѣдатель или второй подпредсѣдатель; сверхъ сего содѣйствующи подпирати будеть предсѣдательство въ веденіи дѣлъ чиновничество, именно же одинъ головный повѣренный заступающій повременно и чинъ управителя, даље одинъ головный и два подказнача, одинъ или больше правоводцовъ (стряпчихъ) записчиковъ, писарей и областные повѣренные.

8 §. Должность предсѣдателя: а) созываетъ выборныя засѣданія, и въ отсутствіе покровителей засѣдаеть въ нихъ. б) Онъ ведеть переписки въ дѣлахъ общественныхъ съ начальствомъ поль печатию общества, о которой общество позднѣе распорядить. в) Онъ даетъ письменный видъ (ассигнацію) на представление головнаго повѣреннаго, какъ управителя, на получение денегъ изъ казны общественной, причисля сюда и награды писателямъ. г) Подписываетъ всѣ договоры, заключенные въ имени общества при скрѣденіи (contrasignatio) головнаго повѣреннаго, какъ управителя. д) Право имѣть чиновниковъ въ случаѣ неточности, послѣ двукратнаго письменного напоминанія и междувременно до всенароднаго собранія, отрѣшишь отъ должности, о чѣмъ однакожъ долженъ въ ближайшемъ засѣданіи увѣдомить выборъ. е) Въ ежегодныхъ всенародныхъ собраніяхъ въ отсутствіи покровительствующихъ архіереевъ онъ предсѣдательствуетъ; онъ будеть лаконецъ: ж) представлять общество предъ третьими лицами или начальствомъ.

Въ случаѣ если откажется чиновства или помрѣть, мѣсто его заполнится на всенародномъ собраніи.

9 §. Безпосредственное стараніе при изданіи книгъ ввѣрается головному повѣренному, который вмѣсть и какъ управитель дѣйствуетъ довременно.

Должность его какъ управителя: а) съ согласіемъ предсѣдательства избираеть издаваемыя сочиненія. б) Располагаетъ о исправленіи и печатаніи рукописей. в) Надзираеть надъ точнымъ разосланіемъ выпечатанныхъ сочиненій, а именно занимается разсыпаваніемъ сочиненій, какъ головный повѣренный. г) Торгуетъ съ ти-

пографщиками, переплетчиками и писателями, и посъѣдствіе для заключаемаго договора представить предсѣдателю.

10 §. Деньги приходящія обществу принимать будуть два подказначе избираемы по нуждѣ изъ выборовыхъ членовъ, изъ которыхъ одинъ въ Ужгородѣ, а другой въ Прашевѣ пребывать будетъ. Сіи подказначе должны передать принятія деньги при точныхъ счетахъ головному казначею, живущему въ Ужгородѣ, который руководствуетъ казну общественную.

Способъ руководствованія казны: а) Всякія деньги приходящія подъ какимъ нибудь титуломъ принимать будетъ надлежащій казначеи, и то записавъ въ ручную книгу, при концѣ каждого мѣсяца долженъ передать головному казначею при распискѣ и противо распискѣ. Головный казначей долженъ ежегодно отдать счетъ выборовому собранію. б) Головный казначеи, какъ скоро будетъ имѣть въ рукахъ большее количество денегъ, нежели сколько требуется къ настоящимъ издержкамъ общества, одолжается излишнія деньги сейчасъ передать чиновству руководствованія учреждованія епархіи мучачевской, и выборъ о томъ на ближайшемъ засѣданіи увѣдомивъ, будетъ ожидать опредѣленія его касающагося выдаванія денегъ на лихвы, и въ смыслѣ решения выдается. в) Платежи посредствомъ главнаго казначея бывають, и обыкновенно по расположению выбора назначаются предсѣдателемъ, изъявивъ постоянныхъ и на всегда непрерывно опредѣленныхъ. г) При концѣ каждого гражданскаго года счеты предлагаемы головнымъ казначеемъ чрезъ счето-расмотрителя разбираемы будутъ, и особенно приходящія платы, платимыя членами, книги проданныя повѣрочностью, о которыхъ головный повѣренный особенно отдаетъ счеты — и иные общественные доходы могутъ передаваемы быть и особенному повѣрочности для разсмотрѣнія. д) Пересмотрѣніе доказательствъ счетовыхъ должностію будетъ особеннаго повѣрочности; назначенаго выборомъ, или опредѣленного контролера.

11 §. Зачѣмъ общество для узаконенія сохраненія литературныхъ и иныхъ собственности своихъ въ поединокъ проявляющихся случаяхъ, равно и для веденія вскихъ случайныхъ законныхъ тажбъ, требуетъ правовѣдца (стрипчаго) для того общество избереть себѣ одного или двухъ правовѣденъ изъ числа членовъ общества.

12 §. Для веденія протокола общественнаго и для переписокъ предсѣдателя изберутся записчики и писари.

13 §. Общество на больши мѣстахъ объихъ епархій имѣть будетъ повѣренныхъ, задачею которыхъ будетъ распродавать и передавать

изданныя книги, принимать подписи появляющихся новых членовъ, и о томъ уведомлять Общество.

14 §. Предсѣдательство въ дѣлахъ своихъ подпирамо будеть однимъ постояннымъ выборомъ пребывающимъ въ Ужгородѣ.

Члены выбора избираются изъ членовъ общества на одинъ годъ общимъ большинствомъ голосовъ въ всенародномъ собраніи, и число ихъ не можетъ превышать 24. Выборъ держить засѣданія каждого мѣсяца; но въ случаѣ нужды можетъ созванъ быть предсѣдателемъ чрезвычайно и больше разовь.

Предметомъ засѣданій сихъ будетъ совѣтованіе, рѣшеніе о текущихъ общественныхъ дѣлахъ; но для узаконенія рѣшений требуетъся присутствіе 10-ти, а вмѣстѣ съ предсѣдателемъ 11-ти членовъ выбора, и общее большинство голосовъ.

15 §. Общество ежегодно въ день имъ самимъ назначенный держать всенародное собраніе, которое при извѣшченіи о предметахъ совѣтованія предсѣдательствомъ посредствомъ чиновственныхъ часописей Угорщины, всегда предварительно обнародовится, и надлежащимъ начальствамъ извѣстится. Члены учредительные призваны будутъ на сie собраніе особеннымъ письмомъ предсѣдательства, порядочные члены кромѣ обнародованія въ чиновственныхъ часописахъ, посредствомъ часописей общества, касательно же посредствомъ повѣренныхъ. Время засѣданій выборовыхъ извѣщается членамъ въ Ужгородѣ живущимъ въ имени предсѣдательства записчиками.

16 §. Предметъ всенароднаго собранія: а) предложеніе касательныхъ чиновниковъ о всемъ годовомъ дѣйствованіи общества. б) Представленіе выказа головнымъ казначеемъ доходовъ и расходовъ года прошлаго, вмѣстѣ и сметовъ на годъ слѣдующій; разсмотрѣніе счетовъ совершаеть всенародное собраніе чрезъ высылаемое имъ повѣрничество состоящее изъ пяти членовъ, которое повѣрничество исполнивъ повѣренное себѣ подъ теченіемъ собранія, предложить разсмотрѣніе счеты вмѣстѣ съ мнѣніемъ и случайными примѣчаніями своими всенародному собранію для одобренія. в) Измѣненіе и дополненіе определеній общества. г) Избираніе предсѣдателей и подпредсѣдателей, членовъ выбора, повѣренныхъ и прочихъ чиновниковъ; или подтвержденіе давніхъ, равно же и избираніе членовъ почетныхъ; замѣтить, что какъ предсѣдатели, подпредсѣдатели и члены выбора, такъ повѣренные и прочие чиновники избираются общимъ большинствомъ голосовъ; сie общее большинство голосовъ требуется и для всякаго обнізывающаго рѣшенія всенароднаго собранія. д) Всенародное собраніе имѣть право решать о дѣлахъ касающихся всего общества.

Въ томъ случаѣ, еслибы всенародное собраніе рѣшило перемѣнѣе устава, въ отношеніи сего перемѣнѣнія надо будетъ поступать всегда по законамъ и высшимъ указамъ, именно же выпросити высочайшаго удобренія у его кесаро-апостольскаго величества.

17 §. Веденіе совѣтованій всенароднаго собранія въ отсутствіи покровителей общества принадлежить предсѣдательству.

Если во всенародныхъ собраніяхъ и выборовыхъ засѣданіяхъ несть общаго согласія между присутствующими членами, то рѣшаеть общее большинство голосовъ присутствующихъ помануто въ 14 §, именно въ четвертой точкѣ 16 §.

Въ томъ случаѣ же, если и послѣ трикратнаго голосованія голоса раздѣлились на двѣ равныя части, то мнѣніе будетъ принято въ рѣшеніе, которое усвоилъ предсѣдатель, однакожъ ни всенародное собраніе, ни выборовое засѣданіе не будетъ впускатися ни въ какіе споры политическихъ вопросовъ.

18 §. Въ засѣданіяхъ выборовыхъ кромѣ членовъ выбора имѣютъ право голосовать и члены учредительные.

Во всенародныхъ собраніяхъ рѣшаютъ присутствующіе члены, причисленія сюда и почетныхъ; для того же, чтобы рѣшенія обвязующую силу имѣли, требуется присутствіе по крайней мѣрѣ 30-ти членовъ общества.

Протоколы засѣданій выборовыхъ предназначиваются въ головныхъ точкахъ записчиками общества, и будучи составлены скрѣпляются на засѣданіи слѣдующемъ.

Для скрѣпленія протокола всенароднаго собранія уполномочивается выборъ избранъ для той цѣли изъ среди всенароднаго собранія; который протоколъ подпишется предсѣдателемъ и записчикомъ.

19 § Порядочные члены общества изъ сочиненій издаваемыхъ обществомъ будутъ ежегодно награждаемы больши книгиами, которыхъ количество и обширность позднѣе точно опредѣлится.

Учредительные члены получаютъ изъ тѣхъ же книгъ по два экземпляра.

Покровителямъ отошлеется одинъ экземпляръ изъ каждого сочиненія.

20 §. Учредительные члены могутъ переписать экземпляры сочиненій имъ приходящіе по учрежденію и на наследниковъ своихъ, но права иѣть, которыми пользуются въ выборовыхъ и всенародныхъ засѣданіяхъ общества.

21 §. Ужгородъ—средоточное мѣсто общества; здѣсь сбываются всенародное собраніе и выборовый засѣданія.

22 §. Касательно тяжбъ и жалобъ, происходящихъ изъ отношений общества: а) если общество имѣть противъ кого-либо законное исканіе, то если инымъ мирнымъ способомъ не разрѣшится, можетъ приведено быть въ дѣйствіе путемъ законнымъ чрезъ правоводца (стричаго) общества въ слѣдствіе опредѣленія выбора; равно: б) еслибъ иной кто нибудь, либо членъ общества, либо иѣть, имѣть исканіе противъ общества, и оаго по сужденію своему у предсѣдателя общества и выбора не могъ взыскати можетъ себѣ добывать удовлетворенія порядочнымъ судебнымъ путемъ, въ случаѣ семъ должностію будетъ предсѣдателя заступати общество въ отношеніяхъ къ третьимъ лицамъ и къ начальствамъ; в) разговоры повставшіе между членами общества выравниваются будутъ судіями избранными изъ членовъ общества дотычными спорящими; замѣтивъ, что число судей избираемыхъ спорящими можетъ состоять изъ двухъ или четырехъ, которые тоже могутъ избрать себѣ предсѣдателя.

23 §. Въ случаѣ развязанія общества деньги и иныя имущества общества употреблены будутъ для общаго добра обѣихъ епархій, а еслибъ это не могло статися, то соразмѣрно раздѣлятся на частные добродѣтельныя учрежденія, которое рѣшеніе, именно раздѣленіе уставить всенародное собраніе; но еслибы не могло собратися, то консисторіи обѣихъ сихъ епархій по общему согласію, съ тѣмъ прибавленіемъ, что рѣшеніе о раздѣленіи, вмѣстѣ и планъ распоряженія о имѣніи остальному да представится высокославному мѣстодержителльному совѣту угорско-царскому.

24 §. Для уживанія права надзирательства правительствомъ будетъ назначенъ красвецарскій поѣбренный, который право будетъ имѣти, когда нибудь посмотрѣти протоколы, переписки и всѣ письма общества, надзирати надъ точнымъ сохраненіемъ устава, являться въ каждыхъ собраніяхъ общества, и еслибы тѣхъ рѣшенія не соглашались съ уставомъ и общими интересами, исполненіе ихъ до вышаго расположения въ дѣлѣ семъ выпрошаемаго отсрочити.

Василій Поповичъ
Епископъ Мукачевскій.

Іосифъ Гаганецъ
Епископъ Пряшевскій.

Указъ высокославнаго мѣстодержителльнаго совѣта угорско-царскаго, силою котораго предыдущій уставъ одобряется, Числ. 93.969.

Сей уставъ удобряется, подъ тѣмъ условиемъ, что: а) члены общества могутъ быть лишь дорослые и самостоятельные мужи; б) и засѣданія выборовъ должно предварительно извѣстити касатель-

иому начальству; в) общество вступити не можетъ какъ общественное тѣло въ иное общество.

Дано въ Будинѣ отъ высокославнаго мѣстодержательного совета угорско-царскаго. Декабря 15, года 1864.

Сигн. подп Губерб.

Годичное засѣданіе этого общества происходило 1 октября и главнымъ вопросомъ при обсужденіяхъ былъ вопросъ объ очищении русскаго языка, употребляемаго въ восточныхъ комитатахъ Венгрии, отъ всякихъ постороннихъ примѣсей. Съ этой цѣллю общество еще въ прошломъ году выдало пособіе карпато-русскому писателю Сабову, который и напечаталъ «Грамматику русскаго языка», лучшую изъ вышедшихъ въ Австріи. Въ нынѣшнемъ году, при содѣйствіи общества св. Василія Великаго, стала выходить въ Ужгородѣ литературная газета «Свѣтъ». Это общество обратилось въ послѣднее время къ славянскому благотворительному комитету въ Москвѣ съ просьбою прислать ему учебныхъ книгъ, грамматикъ, хрестоматій, письмовниковъ, сборниковъ пѣсень и т. п. Всѣ лица, сочувствующіе духовному развитію своихъ единоплеменниковъ, могутъ обращаться съ своими приложеніями въ комитетъ.

Наконецъ теперь ходить по рукамъ между русскими въ Венгрии уставъ новаго общества. Вотъ его содержаніе:

III. Уставъ Общества Св. Андрея Первозваннаго, состоявшагося между любимыми сынами Угорской Руси съ цѣллю утверждать самихъ седя и другихъ въ православіи и приводить соплеменниковъ своихъ на сіе убѣжденіе, чтобы они впредъ православную и народность свою русскую паче всего любили навыкли.

Преподобныи братьяи нашимъ, и всѣмъ православнымъ живущимъ въ Венгерской Руси, миръ и всея блага о Господѣ!

Настоящій вѣкъ, въ которомъ мы живемъ, можно называть временемъ метаморфозы т.-е. такимъ временемъ, которому судбою поручено снять личину съ гусеницы, и привести ее въ составъ летучихъ насѣкомыхъ, чтобы такимъ образомъ, летя свободно на воздухѣ, она міръ Божій украшала, и превращенiemъ своимъ намъ бѣднымъ русскимъ намекала, что и намъ должно возвратиться, и прийти въ свое совершенство. Кто сравнивая события минувшаго десятилѣтія съ прежнимъ временемъ, не изумится, и не воскликнетъ

словами, произнесенными въ самое мгновение распятія Христова иѣкимъ пустыножителемъ африканскимъ: «или природа хвора, или самъ Богъ страждеть?!» Правда, братья мои, намъ солнце не затмилось вакъ иногда, оно вопреки ярче блестаетъ, да хочетъ озарити сияющихъ; церковная завѣса не раздирается, поелику она уже и не находится въ храмахъ нашихъ;—мертвые не возстаютъ, но они въ гробахъ чувствуютъ какую-то невольную болѣзнь, и скрежетъ зубовъ обладаетъ ими, когда видѣть, что потомство ихъ стало измѣникомъ самому себѣ;—земля не трясется, но надобно было бы потрясти на ней толпу нагубныхъ волковъ, и самозванныхъ лженастырей, губящихъ стадо Христово и отнимающихъ намъ ту свободу, которую самъ Спаситель нашъ далъ намъ на крестѣ въ залогъ любви Своей. Какъ мотыльку предстоитъ или погибнуть въ видѣ еще несовершенномъ подъ личиною на древесномъ пѣтѣ, или достигнуть полного созрѣнія своего: такъ и мы, или погибнемъ (но токмо на время), или пойдемъ впередъ къ достижению нравственной цѣли нашей. Народное пробужденіе, слава Богу, уже и между нами показалось, и солнечные лучи еще глубоко подъ небосклономъ, только слабо озаряютъ сумрачную горницу нашу, однакожъ спящее въ колыбели дѣти пробудится, и хочетъ проговорить: не можетъ, такъ что же? только улыбается и какъ бы невольно радуется, что настаетъ для него свѣтлый день, день воскресенія, день совершенного возраста,—но и чортъ не спить, ибо сварливая мачиха часто кричитъ: «спи» и часто угрожаетъ пеленками повитому ребенку, чтобы ему не захотѣлось съ одра своего подняться, «спи, еще не пора вставать.» Такъ, мы видимъ, любезные братья, передъ собою малочисленный, робкій, лишенный всякой помощи русскій народъ нашъ, который въ ребаческихъ лѣтахъ становится подъ гремушкою угрюмой мачихи, который народъ много терпитъ отъ властныхъ, во недостойныхъ сыновей своихъ, по той причинѣ обращаюсь къ вамъ, любезные браты, которыми начинается новая эра русской жизни. Вы, какъ наставники вѣры Христовой, двигатели и просвѣтители смиренныхъ, должны подать руку помощи вашему бѣдному народу. Но какъ же начать сіе важное дѣло? Такъ: заключить между собою дружество, или союзъ единомыслія, и воевать противъ враговъ, по дѣлу вѣры и народности какъ вѣрные рабы Христовы, паstryri словеснаго стада, вожди народа, чтобы различиться отъ лженастырей-учителей, самозванцевъ да наемниковъ!!!

Цѣллю нашего дружества будетъ—вѣру отцовъ нашихъ православную въ чистотѣ и щѣлости сохранати, ее отъ христіанского по-

твества и равнодушія очищати, да народъ нашъ рускій просвѣщеніемъ къ достиженію народныхъ правъ его, привести, словомъ: поднести душевное и тѣлесное благо народа. Потому, зачѣмъ должности наши въ отношеніяхъ своихъ раздѣляются: А) на должности, которыя касаются вѣры и церкви нашей. Б) На должности, касательно правительства епархіального, епископа и крилошанского собора. В) На должности власти гражданской касающейся. Г) На отношенія и обязательства къ пароду. Д) На должности членовъ въ отношеніяхъ другъ ко другу.

А.

Касательно вѣры и церкви святой, слѣдующее наблюдать должно:

1) Члены, не только въ воскресенье и праздникъ, но и въ субботу, да въ день предпразднства вечернее богослуженіе по прелписанному уставу будуть совершати. 2) Въ недѣлю и праздникъ, всѣ члены, утреннее богослуженіе, литургію и вечерни, такъ какъ св. отцами повелѣно не опускай ничего, особенно же изъ ектей—ноюще все, не медленнымъ и протяжнымъ, но средне-громкимъ гласомъ, по словоудареніямъ и внятно слуху предстоящихъ людей, чтобы мы не были подобными этимъ, которые будучи измѣнившими вѣры и народности, по собственной лѣнности, невѣжествѣ и равнодушію, святое не свято, да легкомысленно совершаютъ. 3) Какъ при богослуженіи, такъ при подаяніи божественныхъ тайнъ, словомъ: при совершенніи какихъ-либо духовныхъ требъ, никогда въ кафтанѣ, но въ священническую одежду: риску да одѣваются члены. 4) Члены, всесѣло должны устранить вкравшіяся въ нашъ священный обрядъ латинскія интрузы, и всякия нашему обряду не-пристойные обычаи, которые, по большей части наши предшественники, «чтобы тѣмъ ближе къ латинизму приближаться—латыниамъ приспособитьсь» святотатственно и своевольно ввели. Словомъ, истребить чужое, и ввести въ своей чистотѣ и лѣнотѣ свое! 5) Не будетьвольно членамъ въ воскресенье или праздникъ, какъ это густо широко въ обыкновеніе пришло, отложить на страну священническія должности (вечерню, катихисъ), посѣщенія сосѣдовъ и тому подобныхъ многоразныхъ поездокъ ради, такожде и на полевую работу въ воскресныхъ и праздничныхъ дняхъ, кроме крайней нужды да не будетьвольно разрѣшати. Чтобы члены, какъ пастыри и предводители словеснаго стада, ему въ празднованіи за священныхъ дней примѣръ были, они не иначе, какъ только по совершенніи своихъ должностей, въ сосѣдніи деревни вылазку сѣвать могутъ.

Б.

Должности касательно правительства епархиального епископа и соборныхъ крилошановъ-канониковъ.

1) Члены одолжаются по божественнымъ словамъ Св. Писания церковную власть, касательно начальниковъ, какъ епископа и весь соборъ канониковъ почитати, ихъ честь противо клеветниковъ защищати, и тайные пороки ихъ кому-нибудь не изъявляти. 2) Одолжаются члены на соблазнительныя выступки священниковъ, какъ то: пьянства, хулы, прелюбодѣянія и иные пороки, мужественно нападать о сихъ, если они наединѣ не могутъ истребиться, касательное правительство извѣстити; сверхъ сего, всякий членъ долженъ беречись отъ скверностяжанія, лихоимства, въ первыхъ самъ, посему, если нѣкто изъ сиященаго сана великихъ прибытковъ ради, вышемѣрно, и ни человѣчески стяжателей, тогда надобно епархиальной власти донести. 3) Переписка наша съ епархиальнымъ чиновствомъ и со всѣми людьми нашей народности, исключительно по-русски да течеть.

В.

Должности, власти гражданской касающіяся.

1) Мы, всѣ вѣрноподданные царя, поиже всякая власть отъ Бога, поэтому мы должны молиться о всѣхъ, иже суть оправданы царствовати на землѣ, дабы имъ Богъ даягъ глубокій и не отъемлемый миръ, дабы Богъ возглаголаъ въ сердца ихъ благая о церкви своей и всѣхъ людей своихъ—чтобы мы, въ тишинѣ ихъ тихое и безмолвное житіе пожили, во всякому благочестіи и чистотѣ. Когда царю повинуемся и почитаемъ его, слѣдуєть, чтобы мы и его посланиковъ-чиновниковъ почитали, само-собою разумѣется. 2) Если бы приключилось это непріятное обстоятельство, что люди забывъ несправедливость и клятву, которую обовязались правду судити, въ своемъ управлениі чиновническую власть въ погибель народа употребляли, къ такому случаю жестокихъ и несправедливыхъ свѣтскихъ чиновниковъ въ высшей власти ихъ суду донести;—зачѣмъ нашъ народъ многочастій отъ мірскихъ чиновниковъ, особенно же мадяроновъ, обидѣ и гнетеній терпить, мы, на сколько можемъ, и въ томъ отношеніи должны въ пользу мужика ополчаться. 3) Переписка наша съ гражданскими властями, по мѣстному требованію: русскимъ, мадярскимъ, нѣмецкимъ, словацкимъ (нарѣчіемъ) языкомъ да ведется.

Г.

Должности касающіяся народа.

1) Мы, простый, убогий, но очень добрый русский народъ нашъ любить и почитать одолжаемся, потому съ народомъ всегда человѣколюбиво должно обходиться; далеко да будуть отъ каждого члена, грубыя слова и неразсудныя упреки, которыми намъ народъ, къ самосознанию и почитанію себя самого, нельзя привести. 2) Народъ прилежно обучать, ему удобопонятно истолковать вѣру православную отпovь нашихъ. Особенно вниманіе да имѣтъ каждый членъ не то, дабы народъ нашъ исторію священнаго греческаго обрада, по крайней мѣрѣ въ главнѣйшихъ чертахъ зналъ. Надобно толковать народу вечерню, утреню, чаты, литургию и пр. У мѣста будетъ и то, если священникъ, хотя истребить латынскіе обычай изъ нашего обрада, ему прежде всего предварительное поученіе подастъ, ибо, въ противоппь случаѣ народъ станетъ обвинять священника, будто онъ новизны установляетъ, иной вѣрѣ учить. 3) Одолжаемся цародныя школы въ порядкѣ держать, мальчиковъ наставлять, и потому именно надобно школу, по крайней мѣрѣ раза три еженедѣльно посѣщать, неукаго учителя обучать, а неспособнаго, или по злобному духу успѣхъ *impedientem*, и добронамѣренному священнику, въ дѣлѣ школьнаго наставенія, (нинацъ) по рукѣ пти нехотящаго, въ первыхъ обличити, а если упрамствовать будетъ, такового касательной власти какъ неспособнаго описати, чтобы народное просвѣщеніе, отъ неспособныхъ и неукихъ учителей вреда не терпѣло. 4) Добрымъ правамъ въ селѣ надобно остро наблюдать, вкравшися пороки очищать и истреблять, въ томъ отношеніи нужно честнѣйше молодежи большаго возраста на память приводити слова св. апостола Павла: *дабы жили такъ, яко же подобаетъ святымъ, т.-е. христіанамъ, не въ пьянствѣ (пьянства и чревобѣсіе—обжорство обыкновенно въ кудѣльныхъ избахъ въ неописанно-скверной мѣрѣ обыкли дѣятися), въ немъ же есть блудъ, нечистота, свары.... и козлоласованіе!* Надобно крестьянамъ напоминати, чтобы они чистоту, опрятность такъ касательно тѣла, такъ и избъ своихъ, всегда предъ очами имѣли. При будоваѣ избъ должно мужиковъ руководити, имъ добрый совѣтъ подавать. Въ судіи села (вию), въ кураторы церквей, и надзиратели школъ, да изберутся честнѣйшие люди;—хорошо было бы учредить повсюду общественные сыпанцы (*Községi magsávok*). Наши люди много разъ, не отъ плохаго урожая, да отъ великаго нерадѣнія голодъ терпѣть: потому нужно имъ поученіе дати, какъ имъ слѣдуетъ своимъ домоустройствомъ, плодами и иными доходками въ свою пользу распоряжаться. На развращенныхъ, свары споющихъ, пьяницъ и нечистотныхъ, члены особенное вниманіе да

имѣютъ, и съ ними въ чѣмъ частѣйшее обращеніе деходить, Пастырь добрый оставивъ 99 добрыхъ овѣцъ, ищеть погибшую! Членамъ не только не соѣтвенно, но и нужно много разъ идти туда, гдѣ по слухаю свадьбы, крестинъ и пр. народъ стекается, и тамъ свои свойства добрая или худыя обнаруживаетъ, послику спиртнаго напитка вкусить. При сихъ и иныхъ случаяхъ можно и многие пороки вызнати. 5) Члены, не будуть называться панами, но отцами духовными, не панами превелебными, а честными отцами. Члены въ перепискахъ своихъ, да не будутъ педантными и фарисейскими въ титулaturaхъ, да не пишутъ такъ, какъ пишутъ наши отцы: Admodum Rdé Dnë. Dnë ac fratre in Xto colendte optimatissime...! Альбо по-русски: Превелебный пане брате по Христѣ и пр.—но кратко: Честный братъ во Христѣ Михаилъ или Василій. 6) Члены будутъ привѣтствовать другъ друга, и своихъ вѣрныхъ словами Христосъ посреди насъ и отвѣтчатъ: Есть и будетъ. Во всю Пятидесятницу не иначе какъ: Христосъ воскресе—«воистину воскресе». Такимъ образомъ легко введемъ древній обычай христіанского привѣтствованія—и оставимъ нехристіанское и раболѣбное: покорный слуга—nlá szolgája—služebník ponižení и пр.

Д.

Должности членовъ въ отношеніи другъ къ другу.

1) Члены должны между собою, союзъ истинной любви имѣти, дабы побужденіемъ чистой любви, и доброжелательства, вспомогали другъ друга, то соѣтвомъ благоразумнымъ, то по требованію обстоятельствъ и вещественными пособіями, если напр., случилось вѣкоторому изъ членовъ въ иѣкую узкость по материальному отношенію прийти, Члены такового союза, всечѣю должны стараться объ этомъ, чтобы отъ ихъ общества прогонялось зло и несчастья, а произвѣдлось всякое благополучіе. 2) Каждый членъ своего брата-сочлена, еслибы уклонился отъ правды, и сталъ на путь нечестивыхъ, отъ заблужденія исключески на путь правый да направить,—еслибы братъ-сочленъ въ своемъ худомъ иправѣ неудобо-исправимымъ показывался, объ этомъ должно вѣдать прочимъ членамъ общества, лабы знали отъ жалкаго брата-сочлена, какъ порчи общества, хранитися. 3) Всакъ, кто въ наше общество внести хочетъ, долженъ обовязаться «словомъ чести» и искренно волю свою открыть, что онъ никогда, даже и тогда, когда бы ему случилось изъ общества самонъльно выйти, или по иѣкой винѣ вынужденному быть, братіямъ сочленамъ не измѣнить. Всакій членъ общества долженъ новыхъ членовъ образовать, пріобрѣтать, что-

бы тако дружество наше и въ числѣ успѣвало, множилося. Если кто изъ сочленовъ хотѣлъ бы кого-то, какъ нового члена обществу пріобрѣсти, пусть такою прежде всего своего прозелита іезуистически испытуетъ, и не вдругъ по первомъ убѣдительномъ разговорѣ, его членомъ сдѣлается; наилучше будетъ, еслиъ обѣ приятіи кого-нибудь въ члены общества, прежде всего будь все общество, будь благоразумнѣшіе токмо члены разсуждали, дабы симъ видомъ поступавши, худые люди въ составъ общества не входили. 4) Члены, позаботятся о остальныхъ женахъ и спротахъ усопшихъ сочленовъ своихъ, и подадутъ имъ по силамъ запомогу. Сверхъ сего, всякий членъ нашего общества, долженъ основывающій членовъ общества Св. Иоанна Крестителя въ Прашевѣ, быть. 5) Члены да владѣютъ мужескимъ характеромъ, да пребываетъ между ними взаимная любовь, братство, и мужеская постоянность;—потому члены не иначе будутъ называть себя, какъ: ты, братъ мой!.. сестрица моя! и будутъ другъ друга какъ братья, да, не какъ гости посѣщать. 6) Каждый членъ если приходъ получиль альбо по возможности и скорѣе, да отложить суету свѣтскую, и великаго смиренія ради послѣду Христу апостоламъ и богоодновененнымъ отцамъ, да не бреТЬ бороду свою; но, бородоношеніе требуетъ, чтобы мы, чисто и важно одѣвалися, одѣвалися всегда такъ, дабы нась за евреевъ, или какихъ-либо барикадои не познавали, и по таможнямъ (мытамъ) нашу священническую честь и достоинство не оскорбляли. Цвѣть нашей одежды, всегда да будетъ темный—не пестрый, не мельничій, да тѣмъ менѣе бѣлый, чтобы уже самый цвѣтъ не рѣзко выдающійся, но скроменъ быль. Касательно края, должны быть наши одежды длинны, и желается очень отъ членовъ, дабы короткихъ, и едвани до колѣнъ досягающихъ «parigok-ohъ» возгнушались и ихъ длинными, по важными замѣнили (*). Непристойно священику хотяй это отъ талухъ dive требуется, носить такъ зовомый: «vitéz-Kötés» пусть носить міране, но мы, а на сколько можно наши супруги и дѣти всякую легкомысленность въ уборахъ откинимъ, и одѣваемся такъ, чтобы наши одежды и скромны и не переплачены были. 7) Всякий членъ одолжается свою супругу, дѣтей, сродниковъ, и служащихъ на посѣщеніе храма Божіяго побуждать; ибо общеноизвѣстно есть, что въ священническихъ семьяхъ и домахъ наименѣе благочестія и богоугоднія обрѣтается.

(*) Весною должно бы рѣску поверхъ реверенды надѣть, зимою же мантію, или такъ званную вѣрхнюю реверенду безъ пуговицъ съ нѣсколько спурками сверху, какъ она у сербскихъ священниковъ носится.

«A capite foetet piscis». Изъ приходскихъ домовъ вынашиваются въ село всякия соблазнительныя и развратныя бесѣды и дѣла. Служащій, или служанка, прежде ревные по вѣрѣ и прилежные въ посѣщеніи домовъ Божіихъ, пребывъ илькое время у приходскаго священника на службѣ, (съ малымъ весьма изъятіемъ), ставаются ходными и равнодушными по вѣрѣ—это изъ еженедѣльнаго опыта знаемъ. Дабы жизнь священническихъ семействъ относительно къ вѣрѣ истинно образцовою быти могла для служащихъ въ приходскомъ домѣ лицъ, и всѣхъ прихожанъ, надобно по воскресеніямъ педѣлямъ) и праздничнымъ днямъ свою семью и служащихъ, соизъятіемъ одного члена, на слушаніе утрени, литургіи и вечерни побуждать и попуждать. 8) Члены должны другъ друга о приключающихся всякихъ событияхъ уведомляти, то посредствомъ взаимной переписки только статися можетъ. Еслибы намъ съ временемъ топографичное положеніе благопріятствовало, можно бы и на засѣданія сходиться. Предметъ нашей переписки будуть составляти дѣла достоинатныя (*), и все что въ епархіи буде то на нашу пользу или ало случится. Посредствомъ переписки нашей, можемъ точно узнать то: кто нашъ врагъ, и на которую страну намъ стремлениѳ наше направлять. Наша переписка, еслибъ пришлось въ единоспасительный Р. или центральную Вѣну просьбу альбо протестъ писати, въ дѣлѣ собранія подпищиковъ, много пользовати можетъ. 9) Наша сила не физическая не матеріальная, но на нравственномъ согласіи основанная. Потому, далеко да будетъ отъ каждого члена: надменность, ревнованіе, льстивость и раболѣпное челобитье. Мы должны побуждать другъ друга на христіансскую и мужественную постоянность, тогда и самые враги наши будутъ почитать насть. 10) Каждый членъ долженъ подвизатися въ чтеніи полезныхъ и назидательныхъ книгъ, и часописей, чтобы мы усовершались въ наукахъ, ибо, токмо такъ можемъ противостоять врагамъ нашимъ и боротися съ ними. Нужно и политическій ставъ Европы, по крайней мѣрѣ, въ главнѣйшихъ дѣлахъ, и иныхъ странъ свѣта, знать—не менѣе и отношенія нашей народности къ прочимъ знать нужно. Какъ и то: кто нашъ братъ, или врагъ, где наше спасеніе, альбо погибель?? 11) Покровителемъ нашего дружества да будетъ св. апостолъ Андрей Первозванный, проповѣдавшій иногда братьямъ нашимъ русскимъ Слово Божіе!

Любезные братья! Дружества нашего пользу, не нужно толковать, ибо она сама собою разумѣется, якъ она будетъ на поди-

(*) По дѣлу православія и народности.

сеніе душевнаго и тѣлеснаго блага, угнетеннаго народа нашего, действовать словомъ, якъ забетегить нашу будущность, то мы и теперь соображать можемъ; а если сіе дружество какъ, ни вѣрѣ, ни здравому разуму, а тѣмъ менѣе добромъ порядку противлящеся, укрѣпится, оно неодолѣмы мъ станется такъ, что западные христіанскіе псеудо-цивилизаторы, новаторы вмѣстѣ съ пагубными волками-самозванцами нашими, намъ въ ничемъ не повредить! *Не суть бо ихъ Бози лко же Богъ нашъ!* Намъ нечего бояться, когда за правду ополчаемся; если мы будемъ правыми, если правда будеть въ нась, тогда, всѣ навѣты вражie и злобныя козни враговъ нашихъ разобьются какъ бы о камень. Потому, когда сіе посланіе получите, пріимите его сердечно и привѣтствуйте его съ дружескимъ благоволеніемъ, прочтите его дружескою и христіанскою любовию. Доброму подражатели бывайте, какъ пишеть небошестіенный Павель, лихое исправляйте, злое еже исправити невозможно прочь откиньте, и о лучшей будущности не сомнѣвайтесь, не малодушествуйте! *Будите благи, ибо орудіе тупо если нѣть добродѣтели въ сердце, и сильніи поибаютъ за пороки своя, а кто бо гатъ въ добродѣтели, и духа своею дасть за брата, той велий наречется.* Такъ братья! Мы, видѣвъ жалкое состояніе мужика нашего, который въ потѣ лица своего питасть нась насущнымъ хлѣбомъ, не будемъ неблагодарными, но спѣшимся согласно, чтобы одна мысль нась сосредоточила въ одно дѣло и стремленіе, чтобы мы, радостно взависши за руки, составили юный хороноль, помни слова великаго апостола: «вы есте тѣло Христово, и уды отъ части, аще страждеть единъ удь, съ нимъ страждуть всѣ уды, аще ли же славится единъ удь, съ нимъ радуются всѣ уды» (*1 Корине. гл. 12, ст. 26, 27.*)

Въ предѣлахъ греко-русскої епархіи Пришевской.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ привести здѣсь новѣйшее, сообщенное газетами, извѣстіе о Русскихъ въ Венгрии.

Въ «Словѣ» напечатанъ текстъ любопытнаго постановленія представителей Угорской Руси, составленного на собраніи ихъ въ Севлюшахъ (въ угочанскомъ комитатѣ). Желанія народа, заявленныя въ этомъ постановленіи, заключаются въ слѣдующихъ главиѣшихъ чертахъ. Относительно церкви требуется свобода самоуправлениія ея при участіи гражданъ, возведеніе епископства мukачевскаго въ митрополію, учрежденіе для православныхъ

мадьяръ особой епискоції, возстановленіе русскаго епископства мармарошскаго, учрежденіе при пештскомъ всеучилищѣ (университетѣ) русской церкви и русскаго катехизического класса. Относительно комитатовъ: организація комитатовъ по народностямъ, для избѣжанія памятныхъ всѣмъ смутъ, отнятіе у членовъ администраціи права голоса въ комитатахъ и предоставленіе избирательной комиссіи собирать голоса по деревнямъ. Относительно народности: «Да имѣтъ нашъ пресвѣтѣйший король и его престолонаслѣдникъ, яко то было въ древнѣйшихъ временахъ, и теперь титутъ *oz oroszok* (русскій) *vezere* (воевода). Народность русская да будетъ признана равноправною, политическою народностью въ угорцинѣ и кромѣ мадьярскаго знаемни, да будетъ намъ свободно употреблять и наше, желто-синее. Въ русскихъ комитатахъ да будетъ русский языкъ офиціальнымъ, и да будетъ возможно писать на немъ повсюду, даже до всесвѣтѣйшаго короля.» Такой же равноправности требуютъ представители народа и въ судахъ и въ войскахъ, гдѣ должны быть учреждены русскіе полки съ русскими священниками. Относительно народнаго просвѣщенія—заявляется желаніе самоуправлениія подъ контролемъ правительства, введенія русскаго языка органомъ преподаванія съ одновременнымъ учрежденіемъ каѳедры русскаго языка и литературы въ пештскомъ университѣтѣ, разрѣшенія организовать собранія народныя по дѣламъ просвѣщенія и народности во всякое время. Въ заключеніе выражается надежда на постепенное прекращеніе различныхъ остатковъ феодализма и панщини, регалій, десятинъ и т. д. Это постановленіе передано было, въ видѣ петиціи, венгерскому сейму членомъ его, предводителемъ карпаторусскихъ патріотовъ, А. И. Добрянскимъ. Несмотря на то, всѣ эти желанія еще ждутъ благопріятнаго времени для своего исполненія.

~~Collegia adhuc habet dicitur
addest vos et unicam
dicitur vox eorum adhuc.~~

ЗНАЧЕНИЕ КУРГАНОВЪ, КАКЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ИСТОЧНИКОВЪ.

(Ст. Д. Самоквасовъ.)

До новѣйшаго времени предполагалось въ нашей ученой литературѣ, что между множествомъ древнихъ земляныхъ насыпей, сохранившихся въ предѣлахъ Россіи, нѣтъ возможности отличить курганы и городища нашихъ предковъ. Въ 1868 году г. Котляревскій слѣдующими словами формулировалъ господствующее въ средѣ русскихъ историковъ воззрѣніе на значеніе древнихъ земляныхъ насыпей въ качествѣ историческихъ источниковъ: «какъ младшій побѣгъ — говорить онъ — индоевропейской семьи, славяне ужешли по готовой, торной дорогѣ; многочисленныя вѣтви ихъ сѣли на насиженныхъ гнѣздахъ, на остаткахъ цивилизацій предшественниковъ, народовъ иногда безъ имени, безъ роду и племени; нѣть, кажется, мѣста, гдѣ славяне заняли бы еще дѣвственную, неистощенную стадами кочевниковъ и плугомъ пахарей землю, гдѣ они явились бы первыми, древнѣйшими населенными.. Принимая въ соображеніе эти обстоятельства

исторического водворенія славянъ въ Европѣ, зная, что и послѣдующія судьбы ихъ благопріятствовали не столько сосредоточенію ихъ народности, сколько раздробленію и смѣшенію ея съ чужеродными племенами, можно ли надѣяться отыскать могилы славянскихъ праотцовъ при помощи и руководствѣ историко-географическихъ свидѣтельствъ; думаемъ, что вообще едва ли¹⁾). Мы видимъ, что отрицательный выводъ о возможности опредѣлить народность древнихъ земляныхъ насыпей основанъ только на предположеніяхъ; фактическихъ основаній этого воззрѣнія авторъ сочиненія «О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ» не могъ указать потому уже, что до новѣйшаго времени не было произведено систематическихъ раскопокъ въ предѣлахъ земель древнихъ славянъ. При отсутствіи специальныхъ систематическихъ раскопокъ кургановъ въ земляхъ русскихъ славянъ, очевидно, невозможны и выводы о народности этихъ кургановъ и значеніи для исторіи вещей въ нихъ находимыхъ. Печальная послѣдствія влекли за собою равнодушіе ученыхъ историковъ къ древнимъ землянымъ насыпямъ и историческому материалу въ нихъ сокрытому.

— Не придавая важности курганамъ и городищамъ, какъ историческимъ источникамъ, считали ненужнымъ принимать какія-либо мѣры къ ихъ сохраненію. И что-же? При полномъ почти отсутствіи систематическихъ раскопокъ въ земляхъ русскихъ славянъ людьми

¹⁾ Котляревскій. О погреб. обыч. языч. слав., стр. 160.

свѣдущими въ исторіи, множество кургановъ раска-
пывалось помимо научныхъ цѣлей. Ихъ во множествѣ
раскалывали искатели кладовъ, при возведеніи по-
строекъ, при проведеніи дорогъ, при распашкѣ полей,
при добываніи глины, песку, мѣлу, камня и пр. Часто
находили въ курганахъ разныя вещи, но эти находки
или бросались, какъ гнилья, ненужныя, или переда-
вались дѣтямъ для забавы и пропадали въ ихъ рукахъ,
или перековывались и переплавлялись въ орудія новаго
времени; рѣже они поступали къ помѣщиковъ и со-
хранились ими, какъ рѣдкости, игрушки; сравнитель-
но, малая часть доставлялась «по начальству» и дости-
гала древлехранилищъ. Но и эти послѣднія въ боль-
шинствѣ случаевъ представляютъ собою ненужный для
науки хламъ, потому что поступали въ музеи безъ
точнаго обозначенія мѣстностей, гдѣ онъ найдены и
условій, при которыхъ онъ найдены. Однимъ словомъ,
находки въ курганахъ и ихъ утраты до новѣйшаго
времени не возбуждали въ нашемъ обществѣ ни ин-
тереса, ни сожалѣнія.

Въ шестидесятыхъ годахъ замѣтно пробуждается
въ нашемъ обществѣ стремленіе къ сохраненію и серъ-
езному изученію вещественныхъ памятниковъ отече-
ственной исторіи¹⁾. Однимъ изъ важнѣйшихъ слѣдовъ

¹⁾ При этомъ нельзя не вспомнить съ признательностью заботы
Императора Николая I и его министра гр. Л. А. Перовскаго, благо-
даря которымъ было снаряжено нѣсколько ученыхъ экспедицій
въ Южную и Среднюю Россію, для сохраненія вещественныхъ
памятниковъ отечественной исторіи.

такого стремлениј было начало соотвѣтственныхъ требований современной науки, систематическихъ, научныхъ изслѣдований древнихъ земляныхъ насыпей, сохранившихся въ предѣлахъ древне-русскихъ славянъ. Такія изслѣдованія начаты въ началѣ нынѣшняго десятилѣтія, почти въ одно время, въ трехъ пунктахъ: членомъ петербургскаго археологического общества Л. К. Ивановскимъ въ предѣлахъ земли славянъ-ильменскихъ; членомъ московскаго археологического общества М. Ф. Кусцинскимъ въ предѣлахъ земли кривичей смоленскихъ; мною въ предѣлахъ земли сѣверянъ; съ 1873 года профессоромъ варшавскаго университета А. И. Павинскимъ начато изысканіе славянскихъ могилъ въ царствѣ польскомъ; съ 1874 года профессоръ университета Св. Владимира В. Б. Антоновичъ принялъ на себя трудъ изслѣдованія земляныхъ насыпей въ предѣлахъ земли полянъ. Рефератъ г. Ивановскаго объ открытияхъ въ землѣ славянъ ильменскихъ, читанный на киевскомъ съездѣ археологовъ, вызвалъ всеобщій интересъ. О важности для науки результата изслѣдованія г. Кусцина заявлено въ отчетѣ московскаго археологического общества за 1872 — 1873 годы, гдѣ сказано: «рефераты гг. Кусцина и Самоквасова, нынѣ представленные обществу вмѣстѣ съ вещами найденными въ разрытыхъ курганахъ и городищахъ, показываютъ, что посредствомъ раскопокъ, сдѣланныхъ этими изслѣдователями, на первый же разъ получены результаты чрезвычайно важные

для первоначальной истории славяно-русскихъ народностей, которая до сихъ поръ была покрыта неизучаемымъ мракомъ»¹⁾.

Изслѣдованіе древнихъ земляныхъ насыпей начато мною въ 1871 году и продолжалось въ теченіи лѣтъ пяти мѣсяцевъ до настоящаго времени. Всего изслѣдовано мною, путемъ раскопки, 22 городища и около 500 кургановъ въ губерніяхъ: черниговской, курской, полтавской и кievской. Подробное описание мѣстностей изслѣдованныхъ мною, способа раскопки, обрядовъ погребенія и устройства могилъ въ различныхъ мѣстностяхъ изслѣдованныхъ кургановъ уже сдѣлано мною въ статьѣ, напечатанной въ Трудахъ Кіевскаго съѣзда археологовъ. Въ настоящемъ докладѣ я остановлюсь только на самыхъ важныхъ результатахъ, добытыхъ моими раскопками, а именно: на вопросѣ о народности изслѣдованныхъ мною кургановъ и значеніи для науки исторического материала въ нихъ пайденнаго. Результаты моихъ раскопокъ даютъ возможность доказать, что сложившееся въ нашей ученой литературѣ мнѣніе о невозможности отличить въ массѣ сохранившихся кургановъ могилы славянскія — неосновательно. Курганы, изслѣдованные нами въ губерніяхъ черниговской, курской, полтавской и кievской, обнаружили два существенно различные способы похоронъ: погребеніе и сожженіе труповъ. Въ

¹⁾ Труды Моск. Арх. Общ. 1874 г. т. IV, вып. I, стр. 46.

курганахъ погребенія покойниковъ не было найдено несомнѣнныхъ признаковъ или вещей, при посредствѣ которыхъ можно было бы рѣшить положительно вопросъ о народности этихъ кургановъ. Напротивъ, курганы скрывавшие въ себѣ кострища и сосуды со жженными человѣческими костями, представили факты, которые при сопоставленіи съ извѣстіями нашей начальной лѣтописи и сказаніями иностранныхъ писателей о погребальныхъ обычаяхъ славянъ до принятія ими христіанства, мнѣ кажется, положительно рѣшаютъ вопросъ о народности этихъ кургановъ. Потому, предоставляемъ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ рѣшеніе вопроса о народности кургановъ со всѣми видоизмѣненіями обычай погребенія, мы остановимся здѣсь только на вопросахъ о народности кургановъ съ остатками трупосожженія и значеніи для науки исторического материала въ нихъ открытаго.

Изслѣдованные нами курганы съ остатками трупосожженія представляютъ два вида: курганы большой величины, прикрывающіе собою кострища, и курганы малой величины, заключающіе въ себѣ сосуды со жженными человѣческими костями. Обрядъ похоронъ въ томъ и другомъ видѣ кургановъ, на основаніи сдѣланныхъ раскопокъ, можетъ быть вполнѣ восстановленъ.—При похоронахъ въ курганахъ большой величины, сначала приготавлялась насыпь, отъ одного до шести аршинъ отвѣсной высоты, съ обширнымъ основаніемъ, отъ 50 до 200 арш. въ окружности. На этой

насыпи устраивали костеръ изъ различного дерева (въ Черной Могилѣ можно различить угли дуба, березы, сосны и ольхи). Костеръ сколачивали желѣзными гвоздями. На величину костра указываютъ испепелившіяся и расплавившіяся золотыя, серебряныя и мѣдныя вещи, а также толщина кострища, состоящаго изъ пепла, угля и жженыхъ костей, толщиною, въ разныхъ курганахъ, отъ двухъ вершковъ до двухъ четвертей. Положивъ въ парадномъ костюмѣ покойника на кострѣ, клали туда же разныя вещи: вооруженіе (ратные доспѣхи), оружіе, сбрую, разныя домашнія орудія, игорныя принадлежности, монеты, зерновой хлѣбъ, домашнихъ животныхъ. Въ Черной Могилѣ и Гульбицѣ явственно можно было различить два сожженныхъ трупа: характерныя человѣческія кости (зубы, кости пальцевъ, позвонки) попадались въ двухъ частяхъ кострища, отстоявшихъ на разстояніи около трехъ аршинъ одна отъ другой, при чемъ въ первой части были находимы преимущественно принадлежности мужскаго костюма (ноясныя пряжки и бляхи, грудныя застежки, массивныя пуговицы) и вооруженіе (стрѣлы, копья, мечи, шашка, два щита), а въ другой части преимущественно принадлежности женскаго костюма и туалета (серьги, бусы, кольца, дутыя серебряныя пуговицы, гребенки). Судя по разстоянію, отдѣляющему кости, при которыхъ встрѣчались преимущественно мужскія вещи отъ костей, при которыхъ были находимы преимущественно женскія вещи, можно думать, что оба трупа

клались на костеръ не рядомъ, а въ разстоянії около двухъ аршинъ одинъ отъ другаго. Послѣ сожжения, чепелища закрывали слоемъ земли, по различію кургановъ, отъ двухъ четвертей до пяти аршинъ толщиною. На этомъ слоѣ, въ центрѣ кургана, ставили со судъ съ костями принесеннаго въ жертву животнаго, при которомъ иногда клали вооруженіе покойника: шлемы, кольчуги, щиты, мечи, копья и стрѣлы. Жертву сожигали не въ центрѣ кургана, а гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, въ курганѣ она становилась уже сожжен пою; ни въ одномъ курганѣ не было замѣчено слѣдовъ сожжения жертвенныхъ вещей и животнаго на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ находили. Въ Черной Могилѣ, въ жертвенной части, между вещами несомнѣнно сожженными (обугленныя кости и шерсть барабана, два шлема, двѣ кольчуги, два длинныхъ ножа), найдены два окованыя серебромъ рога и двѣ золотыхъ монеты, на которыхъ не видно слѣдовъ огня. Жертвенный слой кургана въ свою очередь закрывался слоемъ земли, по различію кургановъ, отъ двухъ до шести аршинъ толщиною. На вершинѣ Черной Могилы обнаружены явные слѣды памятника, разрушенаго временемъ. По сооруженію кургана, подошва его обносилась охраннымъ рвомъ, отъ двухъ до десяти аршинъ шириной и отъ одного до пяти аршинъ глубиною. Обрядъ похоронъ, раскрытый раскопками кургановъ, содержащихъ сосуды со жжеными человѣческими костями, значительно отличается отъ обряда похоронъ съ

кострищами. Покойниковъ въ этомъ случаѣ сожигали не въ курганахъ, гдѣ найдены ихъ сожженные остатки, а гдѣ-то на сторонѣ. Можетъ быть каждому покойнику дѣлали особый костеръ возлѣ похороннаго кургана, а можетъ быть бѣдняки сожигались гдѣ-либо въ общей трупосожигательницѣ. Вмѣстѣ съ трупомъ человѣка сожигали мелкихъ животныхъ. Почти въ каждомъ сосудѣ различаются кости человѣка и животныхъ. Послѣ сожженія собирали недогорѣвшія кости, клали ихъ въ глиняный сосудъ, ставили сосудъ въ приготовленный земляной холмъ, отъ одного до двухъ аршинъ высоты, и засыпали его слоемъ земли отъ двухъ четвертей до полутора аршина толщиною. Покойниковъ сожигали одѣтыми, какъ видно по находимымъ между костями украшеніямъ. Иногда въ одномъ курганѣ были находимы два, даже три сосуда со жжеными человѣческими костями, рядомъ стоящіе. Можетъ быть въ этихъ случаяхъ вмѣстѣ съ покойниками были сожигаемы жены ихъ, на что имѣется указаніе въ источникахъ. Въ такомъ случаѣ въ однихъ сосудахъ могли быть кости мужей, въ другихъ женъ. Часто рядомъ съ сосудами, наполненными костями, попадались пустые, т. е., наполненные только землею. Обрядъ похоронъ, открытый въ курганахъ, содержащихъ въ себѣ сосуды со жжеными человѣческими костями, вполнѣ соответствуетъ обряду похоронъ, господствовавшему у русскихъ славянъ въ эпоху, предшествовавшую эпохѣ принятия ими христіанства. Въ «Повѣсти времен-
2

ныхъ лѣтъ», въ извѣстномъ описаніи правовъ и обычаевъ русскихъ славянъ языческой эпохи, между прочимъ сказано: «Радимичи, Вятичи и Сѣверъ одинъ обычай имѣяху... Аще кто умираше, творяху трывну надъ нимъ и посель творяху кладу велику и възложахуть и на кладу мертвѣца, сожыжаху; а посемь, собравше кости, вложаху въ судину малу и поставляху на столпѣ, на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ. Си же творяху обычай Кривичи и прочие поганіи, не ведуще закона Божія, но творяще сами себѣ законъ». Свидѣтельство арабскаго писателя X вѣка Ибнъ-Дасты о сожжении мертвыхъ у славянъ поясняетъ памъ, въ какомъ смыслѣ должно быть понимаемо слово «столпъ» въ приведенномъ свидѣтельствѣ нашей лѣтописи. «Страна славянъ», говоритъ арабскій писатель, «страна ровная и лѣсистая... Когда умираетъ кто либо изъ нихъ, они сожигаютъ трупъ его. На слѣдующій день по сожжению покойника, отправляются на мѣсто, где оно происходило, собираютъ пепель и кладутъ его въ урну, которую ставятъ затѣмъ на холмъ». Въ виду полной тождественности обряда похоронъ, открытаго въ курганахъ, содержащихъ въ себѣ сосуды со жженными человѣческими костями, съ обрядомъ похоронъ у русскихъ славянъ языческой эпохи, записаннымъ нашимъ лѣтописцемъ и арабскимъ писателемъ, едва ли возможно сомнѣваться въ славянской народности этихъ кургановъ.

Мало того, наша лѣтопись дасть возможность опре-

дѣлить, какому именно изъ племенъ русскихъ славянъ принадлежать курганы, содержащіе сосуды съ человѣческими костями, разрытые нами въ черниговской, курской и харьковской губерніяхъ.

Междуди славянскими народами, сожигавшими своихъ покойниковъ и ставившими остатки сожженныхъ труповъ на холмъ, наша лѣтопись именуетъ сѣверянъ. Границы сѣверянской земли въ той же лѣтописи точно обозначены: «а друзіи (словѣни) говорится въ пей — «сѣдоша по Деснѣ, и по Семи и по Сулѣ, и нарекоша «ся сѣверъ». Въ виду этого извѣстія, графъ Уваровъ основательно замѣчаетъ слѣдующее: Въ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» находятся точныя топографическія свѣданія о поселеніяхъ сѣверянъ: «сѣдоша по Деснѣ и по Семи и по Сулѣ и нарѣкоша сѣверъ». Всѣ три рѣки тутъ обозначенныя, составляютъ съ лѣвымъ берегомъ Днѣпра, естественные границы, замыкающія пространство, занятое теперь слѣдующими уѣздами: по Деснѣ, въ черниговской губерніи,—остерскимъ, борзнянскимъ, кролевецкимъ и новгородсѣверскимъ; по лѣвому берегу Днѣпра, въ полтавской губерніи,—переяславскимъ, золотоношскимъ; по Сейму, въ курской губерніи—старооскольскимъ, южною частью курскаго, рильскимъ, суджанскимъ и путивльскимъ; въ черниговской — конотопскимъ, по Сулѣ въ полтавской губерніи — кременчугскимъ, хорольскимъ, лубенскимъ, лохвицкимъ и роменскимъ; въ губерніи харьковской—сумскимъ. Эти свѣданія еще точнѣе опредѣляются из-

вѣстіями изъ лѣтописи и Константина Багрянороднаго о древнѣйшихъ городахъ сѣверянъ: о Любечѣ на Днѣпѣ-рѣ и о Черниговѣ на Деснѣ. Всѣ курганы, содержащіе въ себѣ сосуды со жженными человѣческими kostями, изслѣдованные нами, находятся въ границахъ сѣверянской земли, обозначеныхъ лѣтописью.

Итакъ, въ лѣтописи находимъ точное обозначеніе границъ земли, занятой сѣверянами языческой эпохи, и точное описание господствовавшаго у нихъ обычая похоронъ покойниковъ; нынѣ во многихъ мѣстностяхъ сѣверянской земли, обозначеныхъ лѣтописью, открыты могилы, въ которыхъ обнаружены языческій обычай похоронъ, вполнѣ соответствующій обычаямъ похоронъ сѣверянъ язычниковъ, описанному лѣтописцемъ; следовательно, могилы, содержащія въ себѣ сосуды со жженными человѣческими kostями, разрытыя нами въ 10 мѣстностяхъ сѣверянской земли, принадлежать сѣверянамъ — язычникамъ. Нѣть никакаго сомнѣнія, что дальнѣйшія изслѣдованія откроютъ такія могилы и во множествѣ другихъ мѣстностей сѣверянской земли, остающихся еще не изслѣдованными. Необыкновенно счастливое стеченіе обстоятельствъ раскопки кургановъ Черной Могилы и Гульбища въ Черниговѣ даетъ полную возможность не только опредѣлить народность этихъ могилъ, но даже обозначить время, къ которому они относятся. Если бы мы имѣли возможность доказать, что Черная Могила и Гульбище насыщены не ранѣе послѣдней четверти IX вѣка, что эти

могилы насыпаны не пришлымъ народомъ на Руси, варягами-русью, а туземнымъ; наконецъ, что эти могилы были насыпаны въ центральномъ городѣ сѣверянской земли,—то тѣмъ самимъ мы имѣли бы возможность доказать эпоху насыпки этихъ кургановъ и ихъ народность, а вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли бы возможность доказать народность всѣхъ другихъ кургановъ съ костищами, разрытыхъ нами, какъ совершенно сходныхъ съ Черной Могилой и Гульбищемъ по внѣшнимъ формамъ, обряду похоронъ и вещамъ въ нихъ найденнымъ. Дѣйствительно, мы имѣемъ возможность доказать неопровержимо слѣдующіе тезисы.

1. Черная Могила и Гульбище относятся ко времени не ранее послѣдней четверти IX вѣка.

Въ Черной Могилѣ найдены двѣ цѣлыхъ византійскихъ монеты и половина третьей. Въ Гульбищѣ найдены серебряный саманидскій диргемъ. Очевидно, курганы не могутъ быть старше найденныхъ въ нихъ монетъ. На цѣлыхъ византійскихъ монетахъ, съ одной стороны мы видимъ изображеніе двухъ императоровъ и вокругъ надпись: «Basilios et Constant. Augg»; на другой сторонѣ изображенія Спасителя и вокругъ надпись: «ihs xps rex regnantium». Василій и Константинъ занимали совмѣстно престолъ въ Византіи два раза: съ 869 по 870 г. (Василій I и сынъ его Константинъ IX) и съ 972—1065 г. (Василій II и братъ его Константинъ XI). Является вопросъ: къ какому царствованію должны быть отнесены монеты найден-

ная въ Черной Могилѣ? Сомнѣніе разрѣшается въ пользу царствованія Василія I и сына его Константина IX на основаніи слѣдующихъ справокъ: 1) эти монеты отнесены къ царствованію Василія I и сына его Константина IX въ сочиненіяхъ Sabatier: «Description g n rale des monnaies byzantines» (т. II, р. 107; № 5, таблица XLIV, № 22). 2) Sabatier утверждаетъ, что при второй парѣ одноименныхъ императоровъ золотые солиды чеканились по другому типу и другихъ размѣровъ: они дѣлались гораздо больше и тоньше (Sabatier, т. II, р. 146), величина ихъ достигала, между тѣмъ какъ даннаго монеты имѣютъ только величину 4 и толщину стараго византійскаго солида. 3) Saulcy указываетъ еще другое отличіе. Василій I былъ отпомъ Константина IX, потому на ихъ монетахъ (въ томъ числѣ на рассматриваемыхъ) одно изображеніе старше и больше другаго. Между тѣмъ Василій II и Константинъ XI были братья, почти однолѣтки (17 и 20 лѣтъ вступили на престолъ) и потому ихъ изображенія равны по величинѣ и возрасту (Saulcy, р. 201 — 202, 252 — 253). На половинѣ третьей монеты, съ одной стороны, видно изображеніе императора, безъ бороды, en face, въ тiarѣ и часть креста, который онъ держалъ вмѣстѣ съ другимъ императоромъ, изображенными на недостающей половинѣ монеты, съ надписью вокругъ: «Roman augg»; на другой сторонѣ изображеніе половины бюста Христа на крестѣ въ сяннѣ съ надписью: «regnantium». Конечно, по половинѣ монеты

трудно определить ее, но сличивъ данный отрѣзокъ съ монетами, на которыхъ вторымъ императоромъ называнъ Романъ, она почти тождественно совпадаетъ съ монетою Константина X и сына его Романа II (948—959 г.), описанной у Sabatier (т. II, стр. 129, № 14, tab. XLVI, № 18). Серебряный саманидскій диргемъ, найденный въ курганѣ Гульбищѣ, настолько сожженъ, что прочесть на немъ всю надпись неѣть никакой возможности. Тѣмъ не менѣе удалось на одной изъ сторонъ монеты очистить два слова, одно изъ которыхъ возвзваніе къ Аллаху, по заключенію извѣстнаго знатока восточныхъ монетъ г. Тизенгаузена, ручается, что эта монета относится ко времени не рапѣе послѣдней четверти IX вѣка, когда впервые на саманидскихъ монетахъ стали помѣщать сказанное возвзваніе. Итакъ, Черная Могила и Гульбище насыпаны не рапѣе послѣдней четверти девятаго вѣка.

Кажется, нижеслѣдующія соображенія даютъ намъ право ограничить эпоху насыпки черниговскихъ кургановъ съ костищами и съ другой стороны. По извѣстію нашей лѣтописи въ 988 году Князь Владиміръ Святославичъ, крестивъ кievлянъ, «повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идѣже стояху кумири... и нача ставити по градомъ церкви, и попы и люди на крещеніе приводити, по всемъ градомъ и селомъ». Хотя лѣтописецъ не означаетъ въ какихъ именно городахъ св. Владиміръ насыжалъ вѣру Христову, но само собою разумѣется, что слова лѣтописца не

могутъ не относиться къ Чернигову, ближайшему изъ городовъ русскихъ славянъ къ столицѣ великаго князя, Киеву. Уже черезъ четыре года по введеніи христианства въ Киевъ, оно распространилось въ земль черниговской въ такой мѣрѣ, что тамъ нужно было открыть епархію и она была открыта. По лѣтописи, въ 992 году «взя Володимеръ у патріарха митрополита Киеву Леонта и того же лѣта постави Леонть митрополитъ Чернигову Неофита»¹⁾. На соборѣ въ 1667 г. за песомицкое считали, что древность черниговской каѳедры простирается гораздо далѣе 600 лѣтъ²⁾). Въ первой четверти XI вѣка Черниговъ дѣлается резиденцией христіанскаго князя Мстислава Владимировича, который въ 1036 году «изыде на ловъ, разболѣся и умре и положиша и въ церкви св. Спаса, юже бѣ самъ заложилъ»³⁾). И въ настоящее время Спасскій соборъ въ Черниговѣ стоитъ на фундаментѣ заложенному Мстиславомъ Владимировичемъ. Съ раздѣленiemъ Россіи на удѣлы по смерти Ярослава Владимировича, черниговская земля досталась въ удѣль второму сыну Ярослава и Черниговъ дѣлается постояннымъ мѣстомъ пребыванія Святослава Ярославича и его старшихъ потомковъ. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что въ первой половинѣ XI в. Черниговъ былъ уже христіанскимъ городомъ, мѣстомъ пребыва-

¹⁾ Ник. Спис. т. I, стр. 105.

²⁾ Патр. грам. Лазарю въ Черн. губ. вѣд. 1858 г. № 25.

³⁾ П. С. Р. Л. т. I, стр. 65.

нія епископа и христіанского князя. Въ Черной Могилѣ и Гульбицѣ открыть языческій способъ похоронъ мертвыхъ, посредствомъ сожжения труповъ. Кромѣ того, эти могилы такъ громадны, что могли быть насыпаны только большимъ обществомъ, цѣльимъ городомъ; чтобы разрыть Черную Могилу потребовалось около трехъ мѣсяцевъ времени, при чемъ ежедневно работало отъ 15 до 20 человѣкъ. Всенародное отправление языческаго обряда похоронъ, въ центрѣ христіанской земли, передъ лицомъ христіанского князя и христіанского духовенства едва ли могло быть допущено. Такой вѣротерпимости не знаетъ исторія христіанства среднихъ вѣковъ. Византійское духовенство, распространяя на Руси вѣру Христову, конечно, въ самомъ началѣ, выставляло обрядъ сожженія покойниковъ, по ихъ понятіямъ, противнымъ вѣрѣ Христовой. Въ описаніи нравовъ русскихъ славянъ нашей древнѣйшей лѣтописи обычай сожженія труповъ выставленъ въ числѣ звѣрскихъ обычаевъ «поганыхъ, невѣдущихъ закона Божія». Проповѣдь христіанского духовенства была такъ успѣшиа, что къ началу XII вѣка, если вѣрить лѣтописцу, обычай сожженія труповъ удержался только въ лѣсахъ вятичей, отдаленныхъ отъ главнѣйшихъ политическихъ центровъ того времени, Киева и Чернигова. Въ политическихъ центрахъ конечно онъ долженъ былъ исчезнуть гораздо ранѣе, вѣроятно, тотчасъ по введеніи христіанства. На основаніи изложенныхъ фактовъ и соображеній, эпоха насыпки чер-

ниговскихъ кургановъ съ кострицами, ограниченная съ одной стороны концомъ IX вѣка, мы думаемъ, можетъ быть ограничена съ другой стороны началомъ XI вѣка.

2. Черниговскіе курганы съ кострицами не принадлежатъ варягамъ-руси.

Извѣстія лѣтописи даютъ основанія къ заключенію, что въ X вѣкѣ въ черниговской землѣ смѣшались двѣ народности: туземная — славяне и пришлая — варяги-русь. Народность варяговъ-руси остается до сихъ поръ вопросомъ спорнымъ въ наукѣ. Но кто бы ни были призванныя варяги-русь, норманы или славяне или сборные дружины изъ разныхъ народовъ, во всякомъ случаѣ черниговскіе курганы съ кострицами имъ не принадлежатъ.

Если допустить, что курганы съ кострицами могли принадлежать варягамъ-руси, то такие курганы должны встречаться не только въ Черниговѣ, но во всѣхъ пунктахъ, занятыхъ варягами-русью въ языческую эпоху. Раскопки, сдѣланныя до настоящаго времени, не открыли такихъ кургановъ возлѣ городовъ, занятыхъ варягами-русью въ IX и X вѣкахъ, гдѣ варяги-русь поселились ранѣе, нежели въ Черниговѣ и оставались долѣе язычниками; именно возлѣ городовъ Ладоги, Новгорода, Бѣлоозера, Ростова, Смоленска и Киева.

Въ то время, какъ въ городахъ и областяхъ, занятыхъ варягами-русью, ранѣе Чернигова, курганы съ

кострицами встречаются какъ чрезвычайно рѣдкое исключение, съ другой стороны въ Черниговѣ и черниговской области, занятыхъ варягами-русью позже, нежели Ладога, Новгородъ, Полоцкъ, Ростовъ и Киевъ, курганы съ кострицами далеко не рѣдки. Въ самомъ Черниговѣ ихъ найдено шесть, въ мѣстечкѣ Сѣдневѣ до настоящаго времени сохранилось около сорока, подъ Стародубомъ десять. Конечно, они сохранились и въ другихъ мѣстахъ черниговской области, въ которой еще не были произведены изслѣдованія. На кievскомъ съѣздѣ археологовъ одинъ изъ членовъ, г. Константиновичъ, заявилъ, что ему известны во многихъ мѣстностяхъ черниговскаго уѣзда курганы, подобные разрытымъ мню въ Черниговѣ курганамъ съ кострицами.

На основаніи изложенныхъ фактовъ мы имѣемъ полное право считать черниговскіе курганы съ кострицами принадлежащими не пришлому племени, варягамъ, а туземному-славянамъ.

3. Черниговскіе курганы съ кострицами принадлежать сѣверянамъ.

Когда доказано, что Черная Могила и Гульбище насыпаны не ранѣе конца IX вѣка, не пришлымъ элементомъ на Руси, а туземнымъ, тогда народность ихъ не можетъ подлежать спору. Туземнымъ элементомъ въ X вѣкѣ въ области черниговской было славянское племя сѣверяне. Константинъ Багрянородный, писатель половины X вѣка, именуетъ Черниговъ въ числѣ

славянскихъ городовъ, съ которыхъ собирали дань киевские князья первой половины X в.¹⁾). Черниговъ же Х вѣка и Черниговъ нашего времени, въ которомъ разрыты Черная Могила и Гульбище, не только лежать въ границахъ сѣверянской земли языческой эпохи, обозначенныхъ лѣтописью, но и тождественны по мѣсту нахожденія. Подъ 1074 годомъ въ лѣтописи сказано: «Святославъ... поя Онтонія къ Чернигову и возлюби Болдины горы и, ископавъ пещеру, ту ся всели»²⁾; въ Патерикѣ Печерскомъ въ житіи Антонія, сказано: «возлюби мѣсто близь града Чернигова въ горѣ Болдинѣ». Курганъ Гульбище разрытъ на Болдиной горѣ, въ разстояніи 400 шаговъ ближе къ Чернигову отъ пещеры Антонія, донынѣ сохранившейся. Подъ 1148 годомъ въ лѣтописи сказано: «пойде Изяславъ къ Чернигову... и пришедъ ста на Ольговѣ поли»³⁾). Название Ольгово поле до сихъ поръ сохранило одно изъ урочищъ въ западной сторонѣ Чернигова, между Черной Могилой и курганами Гульбищемъ и Княжны Чорны съ одной стороны и дорогой, ведущей изъ Чернигова на Любечъ, съ другой. На основаніи изложенныхъ фактовъ и соображеній, сѣверянская народность черниговскихъ кургановъ съ кострищами не можетъ подлежать сомнѣнію, а вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ подлежать сомнѣнію и важное историческое

¹⁾ De adm. imp. ed. Bonn. стр. 79 и слѣд.

²⁾ II. С. Р. Л. IX. 105.

³⁾ Тамъ же, т. II, стр. 37.

значеніе обширнаго матеріала, въ этихъ курганахъ открытаго.

Что намъ извѣстно было до настоящаго времени о бытѣ русскихъ славянъ языческой эпохи вообще и сѣверянъ въ частности, на основаніи лѣтописныхъ источниковъ? Что вносятъ новаго въ наши понятія о языческомъ бытѣ русскихъ славянъ находки, сдѣланныя до настоящаго времени въ курганахъ? Отвѣтомъ на эти вопросы мы укажемъ необыкновенную важность для исторіи находокъ въ курганахъ земли сѣверянъ и курганныхъ изслѣдований вообще.

Сѣверяне всѣми историками считались грубѣйшимъ изъ племенъ русскихъ славянъ языческой эпохи, потому что къ нимъ непосредственно относится классическое извѣстіе лѣтописи: «живяху въ лѣсѣ якоже всякий звѣрь, ядуще все нечисто». Сколько мнѣ извѣстно, между всѣми учеными юристами только И. Д. Бѣлиевъ, сопоставляя сказаніе лѣтописи о дикости нравовъ сѣверянъ, съ одной стороны, съ указаніями той-же лѣтописи и иностраныхъ писателей на сѣверянскіе города и торговыя сношенія съ отдаленными странами, съ другой, старался доказать, «что лѣтописецъ, христианскій монахъ, односторонне смотрѣлъ на бытъ язычниковъ, обычай поганыхъ, невѣдущихъ закона Божія, что сѣверяне языческой эпохи не стояли на степени рыболововъ и звѣролововъ, что они имѣли общественные союзы, вели торговыя сношенія съ отдаленнымъ востокомъ, вообще, стояли на несравненно высшей

ступени цивилизації, нежели обыкновенно думаютъ¹⁾). Но доказательства Бѣляева, основанныя, главнымъ образомъ, на извѣстномъ сказаниі о руссахъ арабскаго писателя Ибнъ-Фодлана, не имѣли достаточной убѣдительности. Историки до Бѣляева въ руссахъ Фодлана видѣли не славянъ, а норманновъ. Предположивъ въ руссахъ Фодлана славянъ, а именно, сѣверянъ, Бѣляевъ не доказалъ своего предположенія фактически, почему не были приняты въ наукѣ и его воззрѣнія на условія быта сѣверянъ языческой эпохи²⁾, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мнѣніе о первобытной грубости этого племени оставалось въ наукѣ господствующимъ. Къ счастію славянская земля сохранила памятники быта своихъ древнихъ обитателей, городища и курганы, на которые споряще стороны до сихъ поръ мало обращали вниманія.

Изслѣдованіе древнихъ земляныхъ насыпей представляетъ намъ бытъ сѣверянъ языческой эпохи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, бытъ славянъ язычниковъ вообще въ совершеніи новомъ свѣтѣ. Фактъ существованія во многихъ мѣстностяхъ сѣверянской земли городищъ, остатковъ общественныхъ укрѣплений, а при нихъ общественныхъ кладбищъ (состоящихъ изъ сотенъ насыпей, до нынѣ сохранившихся, между которыми встрѣчаемъ могилы, громадныя сооруженія, обязан-

¹⁾ Временникъ моск. общ. ист. и древ. рос. 1850 г., кн. VIII, стр. 14 и слѣд.

²⁾ Опис. населен. мѣсть, т. XX, стр. XII.

ный своимъ возникновенiemъ труду многихъ лицъ), указываетъ на существование у сѣверянъ языческой эпохи политическихъ обществъ. Однаковый обрядъ погребенія, открываемый въ курганахъ одной группы и въ курганахъ разныхъ группъ, удаленныхъ другъ отъ друга на сотни верстъ, доказываетъ существование на всемъ пространствѣ земли сѣверянъ общихъ пародныхъ обычаевъ. Различная величина могильныхъ насыпей одной группы кургановъ и различное богатство погребенныхъ, выражющееся въ большемъ или меньшемъ количествѣ, въ лучшемъ или худшемъ качествѣ вещей, найденныхъ въ томъ или другомъ курганѣ, доказываютъ неравенство общественныхъ классовъ въ сѣверянскихъ обществахъ. Найдимыя въ курганахъ монеты указываютъ на отдѣленія торговыя сношенія.

Другіе находки въ курганахъ даютъ возможность восстановить домашнюю жизнь-язычника сѣверянина, его одежду, костюмъ, вооруженіе, занятія, домашнюю обстановку и тѣрованія. Найдены остатки холстяныхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ тканей; принадлежности костюма: разной формы и различного состава серьги, ожерелья, привѣски, кольца, бляхи, пряжки, пуговицы, застежки, булавки и пр.; принадлежности вооруженія: шлемы, кольчуги, щиты, мечи, копья, дротики, кинжалы, стрѣлы; вещи домашняго быта: глиняные, желѣзные, бронзовыя сосуды, кубки, замки, ключи, ножи, оселки, гребенки, иглы, гвозди, долота, присады

ца, игральные кости; удила, стремена; серпы и три сорта хлебныхъ зеренъ, указываютъ на земледельческій бытъ сѣверянина, а остатки принесенныхъ въ жертву животныхъ и другія частности погребенія рисуютъ его вѣрованія.

Мало того, дальнѣйшія изслѣдованія кургановъ даютъ возможность опредѣлить границы земель, занятыхъ въ древности различными племенами. Въ нынѣшнемъ году изслѣдованы мною подъ Варшавой два древнихъ кладбища, въ могилахъ которыхъ найдены глиняные сосуды со жженными человѣческими костями, а въ сосудахъ нѣсколько вещей, совершенно подобныхъ вещамъ, найденнымъ въ могилахъ сѣверянъ. Гг. Павицкимъ и Почепинскимъ открыты шесть кладбищъ, подобныхъ варшавскимъ, въ разныхъ уѣздахъ царства польскаго. Несомнѣнно, что могилы, содержащія въ себѣ сосуды со жженными человѣческими костями, открытые въ царствѣ польскомъ, и курганы съ такимъ же содержаніемъ, открытые въ черниговской, курской и харьковской губерніяхъ, относятся къ одной исторической эпохѣ и принадлежать народамъ родственнымъ, но не одному и тому же племени. Общій обрядъ похоронъ тамъ и здѣсь — трупосожиганіе въ могилы — значительно разнится въ частностяхъ. Въ сѣверянскихъ курганахъ сожженные остатки ставились на холмѣ; въ царствѣ польскомъ — въ неглубокую могилу; въ сѣверянскихъ курганахъ сосуды всегда находятся непокрытыми, въ царствѣ поль-

скомъ сосудъ съ костями закрывался глиняной тарелкой, въ величину его отверстія, и сверхъ того, закрывался большимъ толстымъ сосудомъ, обращеннымъ дномъ вверхъ. Нѣть никакого сомнѣнія, что дальнѣйшія изслѣдованія откроютъ различія въ частностяхъ обряда похоронъ у различныхъ племенъ русскихъ славянъ.

Наконецъ, изслѣдованіе кургановъ рѣшаєтъ загадочный вопросъ о народности руси арабскихъ писателей, особенно руси Ибнъ-Фодлана.

Записку Фодлана причисляютъ къ числу самыхъ важныхъ литературныхъ произведений арабовъ о восточной Европѣ. Но «самый важный вопросъ, возникающій при чтеніи Ибнъ-Фодлана о руссахъ, именно, кто были эти руссы-норманны или славяне? до сихъ поръ не решенъ»¹⁾. Въ настоящее время, когда народность черниговскихъ кургановъ съ костищами не можетъ подлежать сомнѣнію, вопросъ о народности Фодлановыхъ руссовъ рѣшается простымъ сопоставленіемъ его описанія обрядовъ погребенія, господствовавшихъ у руссовъ въ X вѣкѣ, съ обрядомъ погребенія, открытымъ въ курганахъ земли древнихъ славянъ. Въ общемъ и въ частностяхъ обрядъ, описанный Фодланомъ, и обрядъ черниговскихъ кургановъ сходны до такой степени, что несомнѣнно принадлежать одному народу. По Фодлану, господствующимъ

¹⁾ Гаркави. Сказ. мусуль. писат., стр. 82, 84, 110.

способомъ похоронъ у руссовъ Х вѣка, пріѣзжавшихъ для торговли въ Булгарь, было сожженіе труповъ, при чёмъ различаются похороны бѣдныхъ людей, похороны богатыхъ людей и похороны начальниковъ или князей.

Тремъ видамъ погребенія руссовъ по Фодлану соответствуютъ въ землѣ сѣверянъ три вида кургановъ, различающихся по величинѣ и содержанію. Курганы, заключающіе въ себѣ сосуды со жженными человѣческими костями, не превышающіе трехъ аршинъ высоты и сорока аршинъ окружности основанія—очевидно могилы людей не знатныхъ, не богатыхъ. Черниговскіе, сѣдневскіе и стародубскіе курганы съ кострищами, въ которыхъ не было найдено военныхъ доспѣховъ, не превышающіе восьми аршинъ отвесной высоты и ста аршинъ окружности основанія, соответствуютъ могиламъ знатныхъ ляцъ; наконецъ, Черная Могила, курганы Гульбище и Княжны Чорны, соответствуютъ могиламъ начальниковъ. Обрядъ сожженія начальниковъ руссовъ въ Булгарѣ какъ будто списанъ съ обряда погребенія, открытаго въ этихъ курганахъ. Если мы прибавимъ, что до настоящаго времени нигдѣ, кромѣ земли сѣверянъ, не встрѣчено кургановъ, которые бы съ такою точностью соответствовали описанію Фодлана, то сѣверянская народность фодлановыхъ руссовъ дѣлается намъ очевидно.

Сказаннымъ о значеніи курганныхъ изслѣдований мы пока ограничимся, но и сказаннаго довольно. Степ-

пень культуры даннаго народа выражается въ формахъ и условіяхъ его домашняго и общественнаго быта, но объ этихъ формахъ въ отношеніи сѣверянъ языческой эпохи лѣтописные источники не сообщаютъ почти никакихъ свѣдѣній. Въ противоположность тому, древнія земляныя насыпи представляютъ богатый и бесспорный материалъ къ возстановленію формы политического быта сѣверянъ языческой эпохи, ихъ общихъ обычаевъ, количества поселеній, образа жизни, домашней обстановки, занятій, костюма, вооруженія, торговыхъ сношеній, вѣрованій. И смѣемъ предположить, что чѣмъ болѣе будутъ продолжены изслѣдованія древнихъ земляныхъ насыпей, тѣмъ богаче и положительнѣе будутъ знанія наши о бытѣ славянъ языческой эпохи, о древнѣйшемъ періодѣ нашей истории. Если у сѣверянъ языческой эпохи находимъ остатки укрѣплений, а при нихъ общественные кладбища, могилы начальниковъ, общіе обычай погребенія, множество разнообразныхъ вещей, положимъ даже пріобрѣтенныхъ торговлею, то они уже не «живяху въ лѣсѣ якоже всякий звѣрь, ядуще все нечисто», не были дикимъ, звѣроподобнымъ народомъ, какимъ ихъ представляли себѣ Гебгарди, Шлецеръ, Карамзинъ, а за ними и новѣйшіе историки. Это былъ народъ съ политическими союзами, земледѣльческій, культурный. Славяне языческой эпохи представляются намъ не разсѣянными, полудикими племенами, а сплоченными въ политические союзы. Отсюда понятнымъ дѣлается из-

вѣстіе нашей лѣтописи о княженіяхъ языческой эпохи у полянъ, древлянъ, дреговичей, новгородцевъ, поло-чанъ, кривичей, сѣверянъ, о народныхъ собраніяхъ изначала у новгородцевъ, смольянъ, кievлянъ, полочанъ и другихъ древнеславянскихъ волостяхъ, о князьяхъ славянскихъ языческой эпохи, «иже держаху избравшую ихъ землю».

Сказанное убѣждаетъ насть: во первыхъ, что мнѣніе о невозможности отличить между древними земляными насыпями насыпи славянскія не основательно; во вторыхъ, что древнія земляныя насыпи являются важнымъ историческимъ источникомъ познаній быта нашихъ предковъ въ ту эпоху, о которой мы не имѣмъ до сихъ поръ почти никакихъ свѣдѣній.

Отсюда, по нашему мнѣнію, для современныхъ историковъ, по отношенію къ городищамъ и курганамъ, вытекаютъ слѣдующія требования.

I. Должны быть приняты мѣры къ сохраненію городищъ и кургановъ. Россія единственная страна въ Европѣ, обладающая богатствомъ исторического материала, могущихъ освятить для науки историческую эпоху, остающуюся до сихъ поръ покрытою непроницаемымъ мракомъ, материала, сохранившагося только благодаря меньшей заселенности востока Европы сравнительно съ западомъ. Но съ каждымъ годомъ этотъ материалъ уменьшается путемъ распашки и раскопки кладоискателями и людьми, неимѣющими возможности произвести раскопку научнымъ путемъ, точно описать

и оцѣнить значеніе найденныхъ вещей. Будемъ ли ждать, пока древнія могилы и селитбы сдѣлаются у насъ такъ рѣдки, что не будутъ въ состояніи отвѣтить на тѣ вопросы, какіе мы теперь можемъ имть предъявить? До новѣйшаго времени по невѣденію не принимали мѣръ къ сохраненію древнихъ земляныхъ насыпей, сохранившихся въ предѣлахъ земель древнерусскихъ славянъ и не знали, что онѣ интересны для нашей исторіи,— черниговскія раскопки показали ихъ дѣйствительное значеніе, а слѣдовательно, если и нынѣ не примемъ мѣръ къ сохраненію городищъ и кургановъ, то будемъ виновны въ сознательной растратѣ драгоценнѣйшаго изъ національныхъ имуществъ, національныхъ древностей.

II. Должны быть начаты систематическія раскопки кургановъ и городищъ людьми свѣдущими въ исторіи, подготовленными для раскопокъ и снабженными подробными и обязательными для нихъ инструкціями. Каждая земляная насыпь, разрытая съ соблюденіемъ правилъ, требуемыхъ наукою, сохраняется для науки; каждая насыпь, распаханная плугомъ, раскопанная ради пустаго любопытства или кладоискателемъ уничтожается безслѣдно. Раскопка кургановъ подобна изданію писаннаго памятника, съ тою разницею, что ошибки въ изданіи писаннаго памятника могутъ быть исправлены при его второмъ изданіи, такъ какъ оригиналъ сохраняется въ архивѣ. Раскопкою кургановъ оригиналъ уничтожается, а слѣдовательно, неполнота

въ описаніи раскопки или ошибки въ этомъ описаніи, въ большинствѣ случаевъ, уже не могутъ быть исправлены. А между тѣмъ, точное описание устройства могиль и обрядовъ погребенія, открываемыхъ раскопкою кургановъ данной мѣстности, болѣе важно для решенія вопроса о народности кургановъ, нежели вещи въ нихъ находимыя, такъ какъ одинаковыя вещи могутъ принадлежать различнымъ племенамъ одной эпохи. Я вполнѣ убѣжденъ, что если до 1873 года не было разрыто въ предѣлахъ Россіи ни одного кургана съ опредѣленными признаками славянской народности¹⁾, то это было только потому, что при раскопкахъ обращали вниманіе больше на вещи, нежели на устройство могиль и обряды погребенія и не сличали результатовъ раскопки съ указаніями письменныхъ памятниковъ.

III. Должны быть приняты мѣры къ сохраненію матеріаловъ находимыхъ при раскопкахъ и сравнительному изученію. Въ настоящее время масса находокъ пропадаетъ безследно для науки. Но и сохранимые вещи приносятъ наукѣ, сравнительно, не много пользы. Множество находокъ хранится въ частныхъ и общественныхъ коллекціяхъ, безъ точнаго обозначенія мѣстности и условій находокъ, а потому не имѣть значенія историческаго матеріала. Для сравнительного изученія было бы очень полезно сосредоточить, если не въ оригиналахъ, то въ копіяхъ и снимкахъ, кур-

¹⁾ Труды Моск. Арх. Общ. 1873 г., т. III, в. III. Ст. тр. Уварова.

ганныя находки по крайней мѣрѣ важнѣйшія гдѣ либо въ одномъ древнеграхилищѣ, напримѣръ, въ строющемся въ Москвѣ историческомъ музѣ.

IV. Наконецъ, по крайней мѣрѣ, главнѣйшія курганныя находки должны быть точно изданы, съ приложениемъ точныхъ описаний устройства могилъ и обрядовъ погребенія, обнаруженныхъ раскопками кургановъ, въ которыхъ найдены издаваемыя вещи. Изданіе курганныхъ находокъ, во первыхъ будетъ способствовать ихъ ученой разработкѣ, во вторыхъ сохранить отъ потери. Послѣднее особенно важно по отношенію къ частнымъ коллекціямъ. Ни одинъ частный владѣлецъ не можетъ ручаться, что послѣ его смерти его собраніе древностей не будетъ распродано вразброда или расхищено, подобно, напримѣръ, коллекціямъ гг. Томилина, Карницкаго, графа Тышкевича и пр.

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго
Археологическаго Общества.

Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

ЕПИЧЕСКАЯ ПОЕЗИЯ.

Изъ Иліады Гомера.

1.

Песнь II.

Греки выступают напротив Троиц к сражению.
(455 — 483).

Словно огонь истребительный, вспыхнувъ на горныхъ вершинахъ,
Лѣсь безпредѣльный палигъ, и далеко заревомъ свѣтить:
Такъ при движениіи воинствъ, отъ пылиной ихъ мѣди чудесной
Блескъ лучезарный кругомъ восходилъ по сюнру до неба.
Ихъ племена, якъ птицъ перелетныхъ несчетныя стаи,
Дикихъ гусей, журавлей, иль стада лебедей долговѣйныхъ,
Въ злачномъ Азійскомъ лугу, при Каністрѣ широко текущемъ,
Вются туда и сюда, и плесканіемъ крылья веселятся;
Съ крикомъ садятся противу сидящихъ, и дугъ оглашаютъ:
Такъ Аргиванъ племена, отъ своихъ кораблей и отъ кущей,
Съ щумомъ неслись на долину Скамандра, земля подъ толпами
Страшно крутомъ застогнала отъ топота коней и воевъ.
Сталъ Ахеанъ сыны на лугу Скамандра цвѣтущель,
Тмы, якъ листы на деревахъ, якъ цветы на долинахъ весною.
Словно якъ мухъ неисчисльныхъ рои собираясь густыи
Въ сельской пастушеской кущѣ, по ней беспрестанно кружатся,
Въ весній дни, якъ злеко изобильно струится въ сосуды;
Такъ неисчисльны противу Троицъ бранноносцы Данай
Въ полѣ стояли, и боемъ дыша, истребитъ ихъ горѣли.

Ихъ же, якъ пастыри козъ, межъ бродящихъ стадъ необъятныхъ,
Скоро своихъ отлучаютъ отъ чуждыхъ смышавшихъ въ пасть:
Такъ предводители ихъ, въ переди, позади учреждая,
Стройли въ бой; и межъ нихъ возвышался герой Агамемнонъ,
Зевсу метатель трома главой и очами подобный,
Станомъ Арею великому, персами Енноситею.
Словно якъ быкъ среди стада стонть, передъ всѣми отличный,
Гордый телецъ: возвышается онъ межъ телицъ превосходный:
Въ день сей такимъ сотворилъ Агамемнона Зевсъ Олимпіецъ,
Такъ отличиъ между многихъ, возвысилъ средь сонма героевъ! —

2.

Песнь IV.

*Начало битвы между Греками и Троянами.
(422 — 456).*

Словно ко брегу гремучему быстрыя волны морскія
Идутъ, гряда за грядою, клубимыя Зефиромъ вѣтромъ;
Прежде средь моря они воздымаются; послѣ нахлынувъ,
Съ громомъ о берегъ дробятся ужаснымъ, и выше утесовъ
Волны понурмы скачутъ, брызжутъ соленую пѣни:
Такъ непрестанно толпа за толпою, Данаевъ фаланги
Въ бой устремляются; каждой изъ нихъ отдастъ повелѣнья
Вождь; а воины идутъ въ молчаніи; всякий спросилъ бы:
Столько народа идущаго въ персяхъ имѣеть ли голосъ?
Вои молчатъ почитая начальниковъ: пишина на всѣхъ ихъ
Пестрыя збури сяютъ, подъ кони шествуютъ стройно.
Но Трояне, якъ овцы, богатого мужа въ овчарнѣ
Стоя тмочисленныя, и млекомъ наполня дойницы,
Всѣ непрестанно блеютъ, отвѣчая блеянію агнцовъ:
Крикъ такій у Троянъ раздавался по рати великой,
Крикъ сей и звукъ ихъ рѣчей не у всѣхъ одинаковы были,
Но различный языкъ разноземныхъ народовъ союзныхъ.
Ихъ возбуждаетъ Ареѣ, а Данаевъ Памлада Аенина,
Ужасъ насильственный, Страхъ и несътая бѣшенствомъ Распра,
Бога войны, мужегубца Арея сестра и подруга:
Малая въ самомъ начальѣ, она пресмыкается; послѣ
Въ небо уходить главой, а стопами касается дола.
Распра, на гибель взамину, сяла яростъ межъ ратей,
Рыча кругомъ по толпамъ, упрающихъ стоить умножая.

Рати, одна за другою идущія, чуть соступились;
Разомъ сразилися кожи, сразилися коня и силы
Воиновъ мѣдью одѣянныхъ; выпукло — блашный разомъ
Сшибись щиты со щитами; громъ раздался ужасный.
Виѣтъ смигались побѣдныи крики и смертныи стоны
Воевъ губящихъ и гибнущихъ; кровью земля заструилась.
Словно когда двѣ рѣки наводненнныи, съ горъ низвергаясь,
Обѣ въ долину единую бурныя воды сливаются,
Обѣ изъ шумныхъ истоковъ бросаясь въ пучинную пропасть;
Шумъ ихъ далеко пастырь съ утеса нагорного слышитъ:
Такъ отъ сразившихся воинствъ и громъ розлился и ужасъ. —

3.

Пѣснь VI.

Прощаніе Гектора съ Андромахою. (369 — 502).

Такъ говоря, удалился шеломомъ сверкающій Гекторъ,
Скорѣ достигнуль герой своего благозданного дома;
Но въ дому не нашель Андромахи лилейнораменной.
Съ сыномъ она и съ одною корылицей пышноодежной
Вышедъ, стояла на башнѣ, печально стена и плача.
Гекторъ, въ дому у себя не нашедъ непорочной супруги,
Сталь на порозѣ, и такъ говорилъ прислужницамъ женамъ:
„Жены прислужницы, вы мнѣ скорѣе повѣдайте правду:
„Гдѣ Андромаха супрута, куда удалилась изъ дома?
„Вышла ль къ золовкамъ^{*)} своимъ, иль къ невѣсткамъ пышноодежнымъ?
„Или ко храму Аѳинѣ поборницы, гдѣ и другія
„Жены Троицъ благородныя грозную молять богиню?“

И ему отвѣчала усердная ключница дома:
„Гекторъ, когда повелѣлъ ты, тебѣ я повѣдаю правду.
„Нѣтъ, не къ золовкамъ своимъ, не къ невѣсткамъ пошла Андромаха,
„Или ко храму Аѳинѣ поборницы, гдѣ и другія
„Жены Троицъ благородныя грозную молять богиню:
„Къ башнѣ пошла Иlionской великой: встревожилась вѣстью,
„Будто Троицъ угаснѣть могучая сила Ахеянъ;
„И къ стѣнѣ городской, торопивая, ринулась бѣгомъ
„Словно умомъ изступленна; съ ней и корылица съ сыномъ.“

Такъ отвѣчала; и Гекторъ стремительно изъ дома вышелъ
Прежней дорогой назадъ, по красivoустроеннымъ стогнамъ.
Онъ приближался уже, протекая обширную Трою
Къ Скейскимъ воротамъ: (чрезъ нихъ былъ выходъ изъ города въ поле);
Тамъ Андромаха супрута, бѣгущая въ стрѣчу предстала,
Отрасль богатого дома, прекрасная дочь Гетиона:
Сей Гетионъ обиталъ при подошвахъ южнаго Плака,
Въ Оивахъ Плакийскихъ, мужей Киликианъ властитель державный;
Онаго дочь сочеталась съ Гекторомъ мѣднодоспѣшнаго.
Тамъ предстала супрута; за нею одна изъ прислужницъ
Сына у персей держала, безсловного вовсе младенца,
Плодъ ихъ единый, прелестный, подобный звѣздѣ лучезарной,
Гекторъ его называлъ Скамандрѣемъ; граждане Трои
Астіянаксомъ: единый бо Гекторъ защитой быль Трои.
Тихо отецъ улибнулся, безмолвно взырая на сына.
Подъ него Андромаха стояла, дющая слезы;
Руку пожала ему, и такія слова говорила:

„Мужъ удивительный, губить тебе твоя храбрость! ни сына
„Ты не жалѣшь младенца, ни бѣдной матери скоро

^{*)} Золовка, золвица, сестра мужа.

— 6 —

„Буду вдовой я несчастна! скоро тебе Аргивяне,
„Виѣтъ напавши убить! а тобою покинутой, Гекторъ,
„Лучше мнѣ въ землю сойти: піjakой мнѣ не будетъ отрады,
„Если постигнутый рокомъ, мене ты оставишь: уѣхъ мой
„Горести! Нѣть у мене ни отца, ни матери нѣжной!
„Старца отца моего умертвилъ Ахиллесъ быстроногий
„Въ день, якъ и градъ разорилъ Киликійскихъ народовъ цвѣтущи,
„Они высковоротны, Сать онъ убиль Гетиона,
„Но не смѣль обнажити: страшился нечестія сердцемъ:
„Старца онъ предалъ сожженію вмѣтъ съ оружіемъ пышнымъ,
„Создалъ надъ прахомъ могилу; и окрестъ могилы той ульмы
„Нимфи холмовъ насадили, Зевеса великого дщери.
„Братья мои однокровны: семь оставалось ихъ въ домѣ:
„Всѣ и въ единый день преселились въ обитель Анда:
„Всѣхъ злополучныхъ избіль Ахиллесъ, быстроногий ристатель,
„Въ стадѣ застingнувъ тяжелыхъ тельцовъ и овецъ бѣлорунныхъ.
„Матерь мою, при долинахъ дубравного Плака царицу,
„Плѣнницей въ станъ свой привлекъ онъ, съ другими добычами бранн;
„Но даровалъ ей свободу, принявъ несчислимый выкупъ;
„Феба жъ и матерь мою поразила въ отеческомъ домѣ!
„Гекторъ, ты все мнѣ теперъ, и отецъ и любезная матерь,
„Ты и брагъ мой единственный, ты и супругъ мой прекрасный!
„Сжался же ты надо мною, и съ нами останься на башнѣ,
„Сына не сдѣлай ты сирымъ, супруги не сдѣлай вдовою;
„Воинство наше поставь у смоковницы: тамъ напиache
„Городъ приступенъ врагамъ, и восходъ на твердыню удобенъ:
„Трижды туда приступая, на градъ покушались герой,
„Оба Аяксы могучі, Идоменей знаменитый,
„Оба Атрея сыны и Тидій, дерзновеннѣйший воинъ:
„Вѣрно о томъ имъ сказать прорицатель якій любомуздрый,
„Или, быть можетъ, самыхъ устремляло ихъ вѣщее сердце.“

Ей отвѣчалъ знаменитый, шеломомъ сверкающій Гекторъ:
„Все я мене то, супруго, не меньше тревожить; но страшный
„Сгѣдъ мнѣ предъ каждымъ Троянцемъ и длинноодежной Троянкой.
„Если, якъ робкій, остану я здѣсь, удаляясь отъ боя.
„Сердце мнѣ то запретить; научился я быти безстрашнымъ,
„Храбро всегда, межъ Троянами первыми, битись на битвахъ,
„Доброй славы отцу и себѣ салону добывалъ!
„Твердо я вѣдаю саль, убѣждась и мыслью и сердцемъ,
„Будеть нѣкогда день, и погибнетъ священная Троя,
„Съ нею погибнетъ Пріамъ и народъ кошенона Пріама.
„Но, не столько мене сокрушаетъ грядущее горе
„Троя, Пріама родителя, матери дрихлой Гекубы,
„Горе тѣхъ братьевъ возлюбленныхъ, юношей многихъ и храбрыхъ,
„Кои полагутъ, во прахъ подъ руками враговъ розаренныхъ,
„Сколько твое! якъ тебе Аргивянинъ мѣдью покрытый,
„Слезы ліощую, въ плѣнь повлечетъ и похититъ свободу!
„И невольница, въ Аргосѣ, будешь ты ткагъ чужеземцѣ,

„Воду носити съ ключей Мессенса иль Гипперея,
„Съ ропотомъ горькимъ въ душѣ ; но заставить жестокая нужда !
„Льющую слезы тебе — кто нибудь тамъ увидить и скажеть :
„Гектора ото жена, превышавшаго храбростю въ битвахъ
„Всѣхъ конеборцевъ Троянъ, якъ сражались вкругъ Илона !
„Скажеть ; и тъ сердцѣ твоемъ пробудится новая горесть :
„Вспомниши ты мужа, который тебе защитилъ бы отъ рабства !
„Но, да погибну, и буду засыпаш я перстю земною
„Прежде, чѣмъ пѣть твой увижу и жалобный вонь твой услышу !“

Рекъ — и сына обиати стремился блестательный Гекторъ ;
Ио младенецъ назадъ, пышноризой кормилицы къ лону
Съ крикомъ припалъ, устрашая любезного отчаго вида ;
Ярко мѣдью престрѣшъ, и гравой косматого гребня
Грозно надъ плечомъ отца всколебавшися конскою гравой.
Сладко любезный родитель и южная мать усмѣхнулись.
Шлемъ съ головы не медля снимаетъ божественный Гекторъ ,
Наземь кладетъ его пышноблестящий ; и на руки взявши
Милого сына, цѣуетъ, качаетъ его, и поднявши,
Такъ говоритьъ, умоляя и Зевса и прочихъ безсмертныхъ :

„Зевсъ и безсмертныи боги ! о, сотворѣте, да будетъ
„Сей мой возлюбленный сынъ, якъ и я, знаменій среди гражданъ ;
„Такъ же и силою крѣпокъ, и въ Трои да царствуетъ мощно.
„Да о немъ нѣкогда скажутъ, изъ болѣдущаго вида :
„Онь и отца превосходитъ ! И пусть онъ съ кровавой корыстью
„Входитъ, враговъ сокрушитель, и радуетъ матери сердце !“

Рекъ — и супружъ возлюбленной на руки онъ полагаѣтъ
Милого сына ; дитя къ благовонному лону прижало
Мать, усмѣхаясь сквозь слезы. Супругъ умилился душевно ,
Обнѣять ю, и рукою ласкающій, такъ говорилъ ей :

„Добрая! сердца себѣ не круши неумѣренной скорбью.
„Противъ судьбы человѣкъ мене не пошлетъ къ Аидесу ;
„Но судьбы, якъ я мню, не избѣгъ ни одинъ земнородный,
„Мужъ ни отважный, ни робкій, якъ скоро на свѣтъ онъ родится.
„Шествуй, любезная въ домѣ : озабочься своимъ дѣлами ;
„Тканьемъ, пряжей займися, приказывай желанье домашнинъ
„Дѣло свое исправляти; война же — мужей озаботить
„Всѣхъ, а вайболыше мене, въ Илона священномъ рожденыхъ.“

Рѣчи окончивши, подняла съ земли бронеблещущій Гекторъ
Гравистый щелель ; и пошла Андромаха безмолвная къ дому ,
Часто назадъ озираясь, слезы ручьемъ проливая.
Скоро достигла она устроеніемъ славного дома
Гектора мужегубителя ; въ ономъ служительница многихъ ,
Собранныхъ вмѣстъ нашла, и къ плачу ихъ всѣхъ возбудила :
Ними заживо Гекторъ былъ въ своемъ дому оплаканъ.
Нѣть, они помышляли, ему изъ погибельной браны
Въ дому не прйті, не избѣгнути руки и свирѣпства Данаевъ.

6.

Пѣснь XXII.

Жаль вѣ Троя надѣ смертію Гектора (376 — 515).

Но его между тѣмъ обнаживъ Ахиллесь быстроногій,
Сталь средь Ахеянъ, и къ низъ устремилъ онъ крылатыя рѣчи:

„Други, герои Ахейцы, безстрашны слуги Арея!

„Мужа сего побѣдити въ концѣ даровали мнѣ боги.

„Зла сотворившаго болѣе, нежели всѣ Илонцы.

„Нынѣ, съ оружiemъ мы покусимся на градъ крѣнкостѣнныи;

„Гражданъ Троянскихъ извѣдаемъ помыслы: якъ полагають,

„Бросити ль замокъ высокій, сраженному сыну Пріама;

„Или держатись дерзаютъ, когда и вожди ихъ не стало?

„Но якимъ помышленіемъ сердце мое предается!

„Мертвый лежить у судовъ, не оплаканный, не погребенный.

„Другъ мой Патроклъ! Не забуду его, не забуду, пока я

„Между живыми влачусь и стопами земли прикасаюсь!

„Если жъ умерший смергныи память теряютъ въ Аидѣ;

„Буду я помнити тамъ моего благородного друга!

„Нынѣ побѣдный Пеанъ воспойте Ахейскіи мужи;

„Мы же пойдемъ, волоча и его, къ кораблямъ быстролетнымъ.

„Лобыши слѣтлой мы славы! поверженъ божественный Гекторъ;

„Гекторъ, которого Трои сыны величали якъ бога!“

Рекъ, и на Гектора онъ недостойное дѣло замыслилъ:

Самъ на обѣихъ ногахъ прокололъ ему жилы сухія,

Сздѣ отъ пять до глезы²⁾), и продѣвшіи ремни, къ колесницѣ

Тѣло его привязалъ, а главу волочитись оставилъ;

Сталъ въ колесницу, и пышный доспѣхъ возвращенный поднявшіи,

Коней бичемъ поразилъ; полетѣли послушныи кони.

Ирахъ отъ влекомого вѣтется столпомъ; но земль рострепавшись,

Черныи кудри крутятся; глава Пріама по праху

Бѣтесь, прекрасная прежде: а нынѣ врагамъ Олимпіецъ

Даля опозорити ю на родиной земль Илонской!

Вся голова почериѣла подъ перстю. — Мать увидала,

Рвѣть сѣдны волосы, дорогое съ себѣ покрывало

Мечеть далеко, и горестный вопль подымаеть о сынѣ.

Горько рыдалъ и отецъ престарѣлый; кругомъ же граждане

Подняли плачь; раздавались воціи по цѣлому граду.

Было подобно, якъ будто отъ края до края, высокій

Весь Илонъ отъ своихъ оснований въ огнь розсыпался!

Мужи держали съ трудомъ изступленного горестью старца,

Рвавшагося въ поле вратами Дарданскими выйти изъ града.

Онъ умолкалъ ихъ тоскующій, онъ розстыдался по праху,

Онъ говорилъ; называя по имени каждого мужа:

„Други, пустите мене одного, не заботяся пустите
„Выйти из града! Однѣ я пойду къ кораблямъ Мирмидонскій;
„Буду молити губителя, мрачного сердцемъ злодѣя:
„Можеть онъ лѣта почтить и можетъ падь старостью дряхлой
„Сжалится: онъ человѣкъ, отца онъ такогожъ имѣть,
„Старца Пелей, который его породилъ и взмѣялъ
„Къ горю Троянѣ, и стократъ къ жесточайшему горю Пріама!
„Сколько сыновъ у мене огнъ похитилъ во цвѣтъ ихъ жизни!
„Но обо всѣхъ скрутишася я менѣ, чѣмъ о единомъ!
„Горесть о немъ неутѣшила скоро сведетъ мене къ гробу,
„Горесть о Гекторѣ! О, хотѣ на сихъ бы рукахъ онъ скончался!
„Мы бы хотѣ душу насытили плачемъ надъ нимъ и рѣданьемъ,
„Я, безотрадный отецъ, и его злополучная матерь!“

Такъ говорилъ онъ рыда; и съ старцемъ стенали Трояне.
По межъ Троянокъ Гекуба плаченнѣйшій вопль подымается:
„Сыну мой, мнѣ злополучной почто еще жити для бѣствій,
„Все потерявши съ тобою! Мосю и дни ты и ночи
„Славою бытъ въ Иліонѣ, всеобщей надеждою въ царствѣ
„Женѣ и мужѣ Иліонскихъ! Тебѣ, якъ хранителя бога,
„Всюди встрѣчали они; величайшею бытъ ты ихъ славой
„Въ жизни своей; и тебе, памъ безцѣнного, смерть обымаетъ!“

Плакала мать. Но еще ничего не слышала супруга
Въ долѣ о Гекторѣ; вѣстникъ еще не явился къ ней вѣрный
Вѣсть объивити, что мужъ за вратами въ полѣ остался.
Ткала одежду она въ отдѣленѣйшемъ теремѣ дома,
Яркую ткань, и цвѣты по ней розсыпала узоры.
Прежде жь дала повелѣніе прислужницамъ пышноволосымъ,
Огнь развести подъ величіемъ треногомъ, да будѣтъ готова
Гектору теплая ванна, якъ съ боемъ огнъ долѣ возвратится:
Бѣдна! думъ не имѣла, что Гекторъ далеко отъ дома
Палъ подъ рукой Ахиллеса, смиренъ свѣдоюкай Аѳиной.
Вдругъ Андромаха услышала крики и вопли на башнѣ,
Вздрогнула вся и членокъ изъ руки на почостъ уронила;
Встала и къ двоюмъ говорила прислужницамъ пышноволосымъ:

„Встаньте, идѣте за мною; посмотрю и, что совершилось?
„Смышу почтенной свекрови и крикъ: подымается сердце;
„Бѣется, якъ вырвѣтися хочетъ; колѣна мои цѣпенѣютъ!
„Близкая вѣроно бѣда Дарданіда сыномъ угрожаетъ?...
„О! удалися отъ слуха подобная вѣсть! Но отъ страха
„Я трепещу... Не безстрашного ль Гектора богу подобный
„Въ полѣ, отрѣзавъ отъ стѣнъ, Ахиллесъ одинокого гонитъ?
„Боги! уже не смиришь ли храбрость его роковую,
„Коїй онъ дышетъ! Въ толпѣ никогда не останется Гекторъ;
„Первый впередъ полетитъ, никому не уступитъ въ геройствѣ!“

Такъ произнесши, изъ терема кинулась, будто Менада,
Съ сильно трепещущимъ сердцемъ, и обѣ прислужницы слѣдомъ;
Быстро на башню взошла, и сквозь сонцѣ пролѣтѣши народный,

Стала, со стъигъ оглянулась кругомъ, и его увидала
Тѣло, влажное въ праху; безжалостно бурны кони
Полемъ сго волокли къ кораблямъ быстролетнымъ Ахеянъ.
Темная ночь Андromахинъ лесны очи покрыла;
Навзничъ упала она и, казалось, духъ испустила.
Спала изъ нея и далеко розыпалась пышная повязъ,
Ленты, прозрачная сѣть, и прекрасно плетены тасьмы;
Спала и покровъ, блестательный даръ золотой Афродиты,
Данный въ день онъ царевнѣ, якъ Гекторъ ю мѣднолатный
Изъ дома взялъ Гетиона, отдавши несмѣтное вѣно.
Вокругъ Андromахи невѣстки ся и золовки толкалися,
Бѣдную долго держали, казалось, убитую скорбю.
Въ чувство пришедшія она, и дыханіе въ персахъ собравшій,
Горько на взыдъ зарыдала, и такъ среди женѣ говорила:

„Гекторъ, о горе мнѣ бѣдной! Мы съ одинакой обое
„Долей родилися: ты въ Иліонѣ, въ Пріамовомъ домѣ,
„Я злополучна въ Оивахъ, при скатахъ лѣсистого Плака,
„Въ доля царя Гетиона; мене возрастилъ онъ отъ дѣтства
„Смертный несчастный несчастную. О, для чего я родилась!
„Ты, мой супружъ, въ Аидовы дому, въ подземныя безды
„Сходиша на вѣкъ, и мене къ неутѣшилой тосцѣ покидаешь
„Въ домѣ вдовово; а сыпъ, злополучными вами рожденный,
„Бѣдный и сирый младенецъ! Увы, ни ему ты не будешь
„Въ жизни отрадою, Гекторъ: ты паль! ни тебѣ онъ не будетъ!
„Ежели онъ и спасется въ погибельной браннѣ Ахейской,
„Трудъ безпрерывный его, безконечное горе въ грядущемъ
„Ждугъ безпокровного: чуждый захватить сиротскія нивы.
„Съ днемъ сиротства сирота и товарищей дѣтства теряетъ;
„Бродитъ одинъ, съ головою пониклой, съ заплаканымъ взоромъ.
„Въ цуждѣ приходитъ ли онъ къ отцевымъ друзьямъ, и просащій,
„То одного, то другого смрено касается ризы;
„Сжалась, иный сиротливому чару сдва наклоняеть,
„Только уста омочаетъ, подиѣбъ въ устахъ не омочить.
„Чаше жъ его отъ трапезы счастливецъ семейственный гонитъ,
„И толкая рукой и обидной преслѣдуя рѣчью:
„Прочь ты изчезни! и твой здѣсь отецъ пишетъ съ друзьями!
„Плачущій къ матери, къ бѣдной вдовицѣ дита возвратится,
„Астіянаксъ мой, который всегда у отца на колѣнахъ
„Мозгомъ лиши агнцевъ пытался и тукомъ овецъ среброушилъ;
„Если же сонъ обнимать утомленного играми дѣтства,
„Сладостно спала онъ на ложѣ, при лонѣ корынтицы пѣжной,
„Въ мягкой постель своей, удовольствіемъ сердца блестая.
„Что же теперь испытаетъ, лишенный родителя, бѣдный
„Астіянаксъ пашъ! которого такъ называютъ Трояне;
„Шбо одинъ защищалъ ты врата и Троянскія стѣны,
„Гекторъ; а нынѣ, у вражыхъ судовъ, далеко отъ родимыхъ
„Черви тебе пожираютъ, раздранныго псамъ, нагого!
„Нагъ ты лежишъ! а тебѣ одинія сколько въ чертогахъ,

„Ри́зъ и прекрасныхъ и тонкихъ, сотканныхъ руками Троинокъ!
„Всѣ ихъ теперь я, несчастная, въ огненный пламень повергну!
„Сдѣлать ты ихъ бесполезными; въ нихъ ты лежати не будешъ!
„Въ сонъ Троинъ и Троинокъ сожгу ихъ, тебѣ я во славу!“

Такъ говорила рыдая; и съ нею стекали Троинки.

5.

Песнь XXIV.

Пріамъ у Ахиллеса (468 — 675.)

Такъ возгласивши, къ Олимпу великому быстро вознесся,
Гермесъ. Пріамъ, съ колесницы стремительно прынувъ на землю.
Тамъ оставилъ Идея, дабы онъ стоялъ, охраняя
Коней и муловъ; а самъ устремляется прямо въ обитель,
Где Ахиллесь находился божественный. Тамъ Пелеона
Старецъ увидѣлъ; друзья въ отдаленъ сидѣли; по двое,
Оградъ Арея Алжитъ и смѣртль коней Автомедонъ,
Близко стоя, служили; недавно онъ вечерю кончили,
Пиши вкусивъ и питья, и предъ ними еще столь оставался.
Старецъ, никѣмъ не примѣченный, входить въ покой, и Пелиду
Въ ноги упавъ, обмыаетъ колѣна и руки иѣлуетъ,
Страшныя руки, дѣтей у него погубившія многихъ!
Такъ если мужъ, преступленіемъ тажкии покрытый въ отчинѣ,
Мужа убившій, бѣжитъ, и къ другому народу приходитъ,
Къ сильному въ дому; съ изумленіемъ всѣ на пришелца взираютъ:
Такъ изумился Пелидъ, боговидного старца увидѣвъ;
Такъ изумилися всѣ, и одинъ на другого смотрѣли.
Старецъ же рѣчи такія вѣщаю, умоляя героя:

„Всомни отца своего, Ахиллесь, бессмертнымъ подобный,
„Старца, такого жъ якъ я, на порозѣ старости скорбной!
„Можеть въ самый сей мигъ, и его окруживши сосѣды,
„Ратью тѣснить, и никому избавити старца отъ горя!
„Но по крайней още мѣрѣ, что живъ ты и зная и слыша,
„Сердце тобой веселить, и вседневной лѣстится надеждой,
„Милого сына узрѣти, вернувшаго въ дому изъ подъ Трои.
„Я же, несчастнѣйший смертный, сыновъ возрастилъ бранноносныхъ
„Въ Трои святой, и изъ нихъ ни единого мнѣ не осталось!
„Я пятьдесятъ ихъ имѣль при нашествіи рати Ахейской:
„Ихъ девятьнадцать братьевъ отъ матери было единой;
„Прочихъ родили другія любезныя жены въ чертогахъ;
„Многимъ Ареи истребитель сломилъ имъ несчастнѣйшія колѣна.
„Сынъ остался одинъ, защищая онъ и градъ нашъ и гражданъ;
„Ты умертвилъ въ него, за отчизну сражавшагося храбро,

„Гектора! Я для него прихожу къ кораблямъ Мирмидонскимъ;
„Тыло его выкупити припесъ драгоценный я выкупить.
„Храбрый, почти ты боговъ! надъ монхъ злополучиемъ ежалься,
„Вспомнивъ Пелей родителя! я еще болѣе жалокъ!
„Я испытую, чего на землѣ не испытывалъ смертный:
„Мужа, убийцы дѣтей моихъ, руки къ устамъ прижимаю!”

Такъ говоря, возбудилъ обѣ отцѣ въ немъ плачевныя думы;
За руку старца онъ взялъ, отъ себѣ отклонилъ его тихо.
Оба они вспоминали: Пріамъ знаменитаго сына.
Горестно плакалъ, у ногъ Ахиллесовыхъ въ праху простертый;
Царь Ахиллесъ, то отца вспоминая, то друга Петрова.
Плакалъ и горестный стонъ ихъ кругомъ раздавался по дому.
Но когда насладился Пелидъ благородный слезами,
И желаніе плакати съ сердца его отступило;
Быстро восталъ онъ, и за руки старца простертого поднялъ,
Тронутъ глубоко и бѣлой главой и брадой его бѣлой;
Такъ къ нему говорилъ, устремляя крылатыя рѣчи:

„Ахъ, злополучный! много ты горести сердцемъ извѣдалъ!
„Якъ ты рѣшился, одинъ, при судахъ Мирмидонскихъ явитись
„Мужу предъ очи, который сыновъ у тебѣ знаменитыхъ
„Многихъ повергнуль? Въ груди твоей, старче, желѣзное сердце!
„Но успокойся, возсѣдь Дарданіонъ; и якъ мы ни скорбны,
„Скрысь въ сердца, и будемъ получати о горести нашей.
„Сердцу крушительный плачь ни къ чemu человѣку не служить;
„Боги судили всесильныхъ намъ человѣкамъ несчастнымъ
„Жити въ бѣдахъ на землѣ: и боги одни беспечальны.
„Дѣлъ глубокія урны стоять предъ прагомъ Зевеса
„Полны даровъ; счастливыхъ одна и несчастныхъ другая.
„Смертныи, которому вхъ посылаєтъ слѣсивъ Громовержецъ,
„Въ жизни своей перенѣмлю и горести находить и радость;
„Тотъ же, кому онъ несчастныхъ пошлеть, понюшній преданъ;
„Цужда грызуща сердце вездѣ по землѣ его гонить;
„Бродить несчастный, отринутъ безсмертными, скрѣтными презрѣнъ.
„Такъ и Пелей — дарами осыпали свѣтыми боги
„Съ юности нѣжной; укращенный выше сыновъ земнородныхъ
„Счастьемъ, богатствомъ, владыка могучій мужъ Мирмидонскихъ,
„Смертныи, супругой богини пріялъ отъ руки онъ безсмертныхъ.
„Богъ и ему ниспослаль злополучіе: онъ не имѣть
„Въ домѣ своеемъ поколѣнія, сына, наследника царства.
„Сынъ у Пелая одинъ, кратковѣчный; но я и до тинѣ
„Старца его испекою; а здѣсь, отъ отчизны далеко,
„Здѣсь я въ Троадѣ сижу, и тебе и твоихъ огорчаю.
„Самъ ты, о старче, мы слышали, здѣсь благоденствовалъ прежде.
„Сколько народовъ вѣщали обитель Макарова, Лезбосъ.
„Фригія, край плодоносный, а здѣсь Геллеспонтъ безконечный:
„Ты, среди всѣхъ, говорять, и богатствомъ блестялъ и сыпалъ.
„Но, якъ бѣду на тебе ниспослали небесныи боги,
„Около Трои твоей неумолимая брань и убийство.

„Будь терпѣнівъ, и печалью себе не круши безпрерывной.

„Ты ничего не успѣшь о сынѣ печалиться; плачешь

„Мертвого ты не подыжешь, но горе свое лишь умножишь!“

„Сыну Пелая,“ отвѣтствовалъ старецъ Пріамъ боговидный:

„Нѣть, не сяду я, Зевсовъ любимецъ, доколѣ мой Гекторъ

„Въ кущѣ лежитъ, погребенъ не преданный! Дай же скорѣе,

„Дай симъ очамъ его видѣти! самъ ты приучъ искушеніе;

„Мы принесли драгоцѣнное. О! насладись имъ, и счастливъ

„Въ край возвратися родимый, когда ты еще позволяешь

„Старцу мнѣ бѣному жити и свѣтло видѣти солнце!“

Грозно взглянувъ на него, говорилъ Ахиллесъ быстроногій:

„Старче, не гнѣвай мене! Разумѣю и сажу я, что должно

„Сына тебѣ возвратити; отъ Зевса мнѣ вѣсть приносила

„Матерь моя среброногая Нимфа морская Фетида.

„Чувствую, что и тебе, отъ мене ты Пріязнь не скрыши:

„Сильная бога рука провела къ кораблямъ Мирмидонскимъ.

„Нѣть, не осмѣшился бѣ смѣртный, и юладостью пылкой цвѣтующій,

„Въ станъ нашъ вступити: отъ стражей недремлюющихъ онъ бы не скрылся,

„Ни засововъ легко бѣ на воротахъ можно не отвѣнить,

„Смолкли жъ, и болѣе мнѣ не волнуй ты болящаго сердца;

„Или страшись, да тебе, не взирая, что ты и молитель,

„Въ кущѣ моей я по кину, и Зевсовъ завѣтъ не нарушу.“

Такъ говорилъ; устрашился Пріамъ, и покорный умолкнулъ,

Сынъ же Пелесевъ, икъ левъ, изъ обители кинулся въ двери;

Но не одинъ, за царемъ устремились два изъ клевретовъ, [“])

Сильный Алкимъ и герой Автомедонъ, которыхъ между друговъ

Болѣе всѣхъ Пелсюнъ почиталъ, по Патроклѣ умершемъ.

Быстро они отъ ярии отрѣшили и коней и муловъ;

Въ кущу ввели и глашата старцева тамъ посадивши

Мужа на столъ посыпшю съ красивого царскаго воза,

Собрали весь многоцѣнныи за голову Гектора выкупъ;

Двѣ лишь оставили ризы и тонкій хитонъ хитротканый,

Съ мыслию, чтобы тѣло покрытое въ дозъ отпустятъ отъ Целса.

Онъ же, вызывавъ рабынъ, повелѣлъ имъ омыти, застами

Тѣло памазати, тайно, чтобы сына Пріамъ не увидѣлъ;

Онъ опасался, чтобы гнѣвой не вспыхнула отецъ огорченный,

Сына узрѣвъ; и чтобы самъ онъ тогда не подвигнулся духомъ

Старца убить, нарушити священный Зевса завѣты.

Тѣло рабыни омыли, умаслили мастью лушистой,

Въ новый одѣли хитонъ, и покрыли прекрасною ризой;

Самъ Ахиллесъ и поднялъ и на одръ положилъ Пріама;

Но друзья совокупно на блещущій возвъ положили.

Онъ же тогда возопилъ, именуя любезнаго друга:

„Храбрый Патроклъ! не ропщи на мене ты, ежели слышишъ

„Въ мрачномъ Аидѣ, что я знаменитого Гектора тѣло

[“]) Клевреть, товарищъ.

„Выдалъ отцу: не презрѣшими онъ заплатилъ мнѣ дарами.
„Въ жертву тебѣ и отъ нихъ принесу я достойную долю.“

Такъ произнесъ, и подъ сѣнѣ возвратился Пелидъ благородный;
Сѣль на изящно украшенныхъ креслахъ, оставленныхъ прежде,
Противъ Пріяма стоявшихъ, и слово къ нему обратилъ онъ:

„Сынъ твой тебѣ возвращень, якъ желать ты, божественный старче;
„Убрань лежитъ на одрѣ. Съ восходомъ зори возвращаюсь,
„Самъ ты увидишь его; но теперь мы о пищѣ воспомнимъ.
„Пиши забыти не могла и печастная мать Нюоба,
„Матерь, которая разомъ двадцать дѣтей потеряла,
„Милыхъ шесть дочерей и шесть сыновей розгѣставшихъ:
„Юношѣ Фебъ поразилъ изъ блестящаго лука стрѣлами,
„Истощѣй Нюобѣ, а дѣвѣ Артемида. гордая лукомъ.
„Мать ихъ дерзала ровняться съ румяно лицомъ Летой:
„Лета двоихъ, говорила, а я многочисленныхъ матерей!
„Двое сини у гордившейся матери всѣхъ погубили.
„Девять дней валялись труны; и не было мужа
„Гробу предати ихъ: въ камень людѣй превратилъ Громовержецъ.
„Первыхъ въ десятый день погребли милосердны боги.
„Плачемъ по нимъ нетомяся, и мать вспомнила о пищѣ.
„Нынѣ та мать на скалахъ, въ пустынныхъ горахъ Сикилійскихъ,
„Где, повѣствуютъ, богини покончили любить въ пещерахъ,
„Нимфы, которыхъ часто у водъ Ахелоевыхъ пляшутъ:
„Тамъ, отъ боговъ превращенная во камень, страдаетъ Нюоба.
„Такъ, божественный старче, и мы помыслимъ о пищѣ.
„Время тебѣ остается оплакати милого сына,
„Въ Трою привезши; таѧ для тебе многополезенъ онъ будеть.“

Рекъ, и стremительно вставъ, Ахиллесъ бѣлорунную овцу
Самъ закалегъ; друзья, обнаживъ и опрятавъ, якъ должно,
Въ мелкія части искусно дробяты, прободаютъ рожнами,
Ловко пекутъ на огнѣ, и готовыя части снимаютъ.
Хлѣбъ между тѣмъ принесши, поставилъ на столъ Автомедонъ
Въ пышныхъ корзинахъ; но брашно дѣлиль Ахиллесъ благородный;
Оба къ предложеніемъ ляствамъ читательнымъ руки простерли.
И когда пигіемъ и щщей насытили сердце;
Долго Пріамъ Дарданій удивлялся царю Ахиллесу,
Виду его въ величеству; бога, казалось, онъ видитъ.
Царь Ахиллесъ удивлялся ровно Дарданиду Пріаму,
Смотря на образъ почтенный, и слушая старцевы рѣчи.
Оба они наслаждались, одинъ на другого взирая;
Но наконецъ возгласилъ къ Ахиллесу божественный старецъ:
„Дай мнѣ теперь опочити, Зевесовъ любимче! позволь мнѣ
„Сномъ животворнымъ хоть нѣсколько въ домѣ твоемъ насладитись.
„Ибо еще ни на мигъ у мене не смыкалися очи
„Съ днѧ, якъ несчастный мой сынъ подъ твоими руками погибнулъ;
„Съ оного днѧ лишь стенахъ и несчетная скорбя терпѣль я,
„Часто въ оградахъ дворовыхъ по сметищамъ смраднымъ валяясь.
„Нынѣ лишь ляствы вкусиша, и вина пурпурового нынѣ

„Принялъ въ гортань, но до той поры ничего не вкушалъ я.“

Такъ говорилъ; Ахиллесъ приказалъ и друзъмъ и рабынямъ

Стати на крылцѣ двѣ постели, и снизу хорошія полсти

Кинуты пурпурны, сверху ковры разстали дороги.

И шерстяныи плащи положити, чтобы старцамъ одѣтись.

Вышли рабыни изъ дома съ шылоющимъ свѣточемъ въ дланяхъ;

Скоро они поспѣшивши два уготовили ложа;

И Пріаму, шугу, горорилъ Ахиллесъ благородный:

„Спи у мене на дворѣ, прищелче любезный; да въ домъ мой

Вдругъ не придетъ кто нибудь изъ Данаевъ, который часто

Вѣжѣтъ совѣтъ совѣщати въ мою собираются кущу.

„Если тебе здѣсь кто либо мрачною ночью увидитъ,

Вѣрою царя извѣстить, предводители воинствъ Атрида;

И тогда замедленіе въ выкупъ мертвого встрѣтиши,

Слово еще, Дарданий; объяснися, скажи откровенно:

Сколько желашь ты дней къ погребу знаменитого сына?

Сколько я дней удержуса отъ битвъ, удержу и дружину?“

„Сыну Пелея,“ отвѣтствовалъ старецъ Пріаязъ боговидный:

„Ежели мнѣ ты позволишь почтити погребеніемъ сына,

Симъ для мене, Ахиллесъ, величайшую милость окажешь.

Мы, якъ ты знаешь, въ стѣнахъ заключены; древо здалека

Должно съ горъ добывать; Трояне повергнуты въ ужасъ.

Девять бы дней мнѣ желалось оплакивать Гектора въ домѣ;

Гробу въ десятый предати, устроня пиръ похоронный.

Въ первыиадесятъ насыпнати мертвому въ память могилу:

Но въ двадцатый день ополчнися, когда неизбѣжно.“

Старцу отвѣтствовалъ вновь быстроногий Пелидъ благородный:

„Будетъ и то свершено, якъ желаешь ты, старче почтенный.

Бранъ прекращаю на столько я времени, сколько ты просиншъ.“

Такъ произнесъ Ахиллесъ и Пріамову правую руку

Ласкаво сжать, чтобы сердце его совершенно споконъ.

Такъ отпустилъ; и они на передней крылцѣ опочили.

Вѣстникъ и царь, обращая въ умъ свою мудрыя думы.

6.

Пѣснь XXIV.

Гекторовы похороны. (677 до конца).

Всѣ и бессмертныи боги и конедоспѣшныи мужи,

Спали цѣлую ночь, усмиренныи сномъ благодатнымъ.

Гермесъ токмо заботного сонъ не ослабивъ сладкій,

Думы въ умъ обращавшаго, якъ Дарданида Пріама

Вывести зъ стана, привратнымъ незримого стражамъ священнымъ.

Сталь надъ главою Пріамовой, такъ возгласилъ Еріуній:

„Ты не радишь объ опасности, старче, и такъ, беззаботно
„Спиши у враждебныхъ мужей, пощаженный Пелеевымъ сыномъ!
„Многіи дадъ ты дары, чтобы выкупити мертвого сына;
„Но за живого тебе троекратной цѣною заплатить
„Дѣти твои, у тебе остающіеся, если узнаетъ
„Царь Атрейонъ о тебѣ, и Ахейцы другіи узнаютъ.“

Такъ провѣщаль; ужаснула Пріамъ, и глашатая поднялъ.
Гермесъ мгновенно запрягъ имъ и коней и муловъ временныхъ;
Самъ черезъ станъ ихъ быстро прогналъ, и никто не увидѣлъ.
Но лишь достигнули путники брода рѣки свѣтловодной,
Ксанеа пущиного, богомъ рожденного, Зевсомъ бессмертнымъ;
Тамъ благодѣтельный Гермесъ обратно вознесся къ Олимпу.

Въ ризѣ златистой Заря простиралась надъ всю землею;
Древній Пріамъ и стеницій и плачущій, гналь къ Илону
Коней; а мулы везли мертвца. И никто въ Илонѣ
Ихъ не узналь отъ мужей и отъ женъ благородныхъ Троянскихъ,
Прежде Кассандры прекрасной, златой Афродитѣ подобной.
Рано на замокъ возвѣдѣ, изъ дали въ колесницѣ узнала
Образъ отца своего, и глашатая громкого Трои;
Тѣло узрѣла на муахъ, на смертномъ простертое ложѣ;
Подняла горестный плачь, и вопила по пѣлону граду:
„Шествуйте, жены и мужи! Смотрите на Гектора сыниѣ,
„Вы, что живого, изъ битвъ приходившаго, прежде встрѣчали
„Съ радостью: радостью свѣтлой и граду онъ билъ и народу!“

Такъ вопіяла, и вдругъ ни жены не осталось, ни мужа
Въ Троѣ великой; скорбь несказанная всѣхъ поразила!
Всѣ предъ вратами столпились во встрѣчу везомого тѣла.
Всѣхъ впереди молодая супруга и вѣжная матерь
Плакали, рвали волосы, и на трупъ изступленно кидались.
Съ воплемъ главу обнимали; столпившись плакали стоя.
Вѣрно и цѣлый бы день до заката блестящаго солнца,
Плача надъ Гекторомъ храбрымъ, рыдали толпы за вратами;
Если бы старецъ Пріамъ не возвзвалъ съ колесницы къ народу:
„Дайте дорогу, друзья, чтобы мулы проѣхали; послѣ
Плаченье вы всѣ насыщайтесь, акъ мертвого въ домъ привезу я.“

Такъ говорилъ; розстутилась толпа и открыла дорогу.
Къ славному дому привезши, на пышно устроишомъ ложѣ
Тѣло они положили: пѣцевъ, начинателей плача,
Подлѣ него помѣстили, который голосомъ зрачныи
Пѣсни плачевныи пѣли; а жены имъ вторили стономъ.
Первая подняла плачь Андромаха, иладая супруга,
Гектора мужеубійцы руками главу обнимая:
„Рано ты гибнешь, супругъ мой цвѣтущій! рано вдовою
„Въ донѣ мене покидаешь! А сынъ, безсловесный младенецъ,
„Сынъ не достигнетъ юности! Прежде въ прахъ съ оснований
„Троя разсыплется: падь ты, хранитель ея псусыній,
„Ты, боронитель и града, защитникъ и жень и младенцевъ!“

„Такъ я погибъ и товарищи вѣрныи вѣстѣ со мною
„Были зарѣзаны всѣ, якъ кличистыи вепри, которыхъ
„Въ пышномъ дому гостелюбца, скопившаго много богатства,
„Рѣжутъ на складочный пиръ, на роскошный обѣдъ иль на свадьбу.
„Часто безъ страха видаль ты, якъ гибли могучіи мужи
„Въ битвѣ, иной одишоко, иной въ многолюдствѣ сраженъ —
„Злѣ же пришелъ бы ты въ трепетъ, отъ страха обмеръ бы, увида
„Якъ межъ кратеръ пировыхъ, межъ столы, покрытыи брашномъ,
„Всѣ на полу мы, дылящемся вашею кровью, лежали.
„Громкіи крики Пріамовой дочері-юной Касандры
„Близко услышала я: ножъ ей во грудь Клитемнѣстра вонзала
„Подѣ мене; полумертвый лежа и земль, а старался
„Хладную руку къ мечу протягнуть: она равнодушно
„Взоръ отвратила и мнѣ, отходящему въ область Аида,
„Тусклыхъ очей и мертвѣюшихъ устье не хотѣла заперти.
„Ихъ ничего огратительнѣй, вѣтъ, ничего испавистнѣй
„Дерзкобезстыдной жены, замышляющей хитро таکое
„Дѣло, якія навсегда осрамилася она, приготовавъ
„Мужу, богами ей данному, гибель. Въ отечество думалъ
„И возвратитися на радость возлюбленнымъ дѣтамъ и ближнимъ —
„Злое напротивъ замысла, кровавымъ убийствомъ злодѣйка
„Стыдъ на себе навлекла и на всѣ времена посрамила
„Поль свой и даже всѣхъ женъ, поведеньемъ своимъ безпорочныхъ.“

Такъ говорилъ Агамемнонъ; ему отвѣчая сказаъ я:
„Горе! конечно Зевсъ тромовержецъ потомству Атрея
„Быти вовѣкъ предназначиль игралищемъ бѣдственныхъ женскихъ
„Козней; полибо немало могучихъ мужей отъ Елены;
„Такъ и тебѣ издалека устропла смерть Клитемнѣстра.“

Выслушавъ слово мое, мнѣ отвѣтствовалъ царь Агамемнонъ:
„Надто довѣрчивыи быти Одиссей хочешь съ женою,
„Ей открываги все простодушно, что знаешь, не должно;
„Вѣръ ей одно, про себя сохрани осторожно другое.
„Но для тебе, Одиссей, отъ жены не опасна погибель;
„Слишкомъ розумна и слишкомъ незлобна твоя Испелона,
„Старца Икарія дочь благоправная; въ самыхъ цвѣтушихъ
„Лѣтахъ, едва сопряженный съ ней бракомъ, и ю ты покинулъ,
„Въ Трою отплыть, въ грудный, ленетати не знашій, младенецъ
„Съ ней былъ оставлеть тогда; онъ конечно теперь засѣдается
„Въ сонмѣ мужей; и отецъ, возвратися, съ нимъ увидится, нѣжно
„Къ сердцу родителя самъ онъ, якъ слѣдуетъ смыту, прижмется....
„Ма въ жъ козиодѣйка жена не дала ни одниль насладитися
„Взглядомъ на милого сына; я бытъ въ мгновеніе зарѣзанъ.
„Выслушай, другъ, мой совѣтъ и замѣтъ про себѣ, что скажу я:
„Скрый возвращеніе свое, и войди съ кораблемъ непримѣтно
„Въ пристань. Итаки: на иѣрность жены полагатися опасно.
„Самъ же теперь мнѣ скажи, ничего отъ мене не скрывай:
„Могъ ли ты что сѣѣдати о сынѣ моемъ? Не слыхалъ ли,
„Где онъ живетъ? въ Охроменѣ лъ? въ пѣсчаномъ ли Пилосѣ? Въ Спартѣ лъ

„Свѣтлопространной у славного дяди цара Менелая ?
„Ибо не умеръ еще на земль мой Орестъ благородный.“

Такъ вопросилъ Агамемнонъ; ему отвѣчая, сказалъ и:
„Царь Агамемнонъ, о сынѣ твоемъ ничего я не знаю;
„Где онъ и живъ ли, речи не могу; пустословіе вредно.“

Такъ мы, о многомъ минувшемъ бесѣдуя, другъ подъ друга
Смутно сидѣли, и слезы лилися по нашимъ ланитамъ.
Тѣни Ахиллеса Пелевса сына потому мнѣ звилась;
Съ нимъ былъ Патрокль, Антилохъ безпорочный и сынъ Теламоновъ
Бодрый Алкѣсъ, межъ Ахѣйцами мужескимъ видомъ и силой
Послѣ Пелевса сына великого всѣхъ превзошедшій.
Тѣни быстроногаго внука Еакова, ставъ предо мною,
Мнѣ, взорыдавши, крылатое кипула слово: „Зачѣмъ ты
„Здѣсь, Лаертидъ, многохитростныи мужъ, Одиссей благородный ?
„Что, дерзновенный, якое великое дѣло замыслилъ ?
„Якъ пропикуль въ предѣлы Аида, где мертвя только
„Тѣни отшедшихъ, лишенныя чувства, безжизненно вѣютъ?“

Такъ онъ спросилъ у мене и, ему отвѣчая, сказалъ я:
„О Ахиллесь, сынъ Пелевсъ, межъ всѣми Данайянъ первый,
„Здѣсь я за тѣмъ, чтобы Тирезій слѣпецъ прорицатель открылъ мнѣ
„Способъ вѣрнѣйшій достыгнути каменистой Итаки;
„Въ землю Ахеянъ еще я не могъ возвратитись; отчизны
„Милой еще не видалъ; я скитаюсь и бѣдствую. Ты же
„Между людьми и минувшихъ временъ и грядущихъ былъ счастьемъ
„Первый: живого тебе мы якъ бога бессмертного чтили;
„Здѣсь же надъ мертвыми царствуя, столь же велика ты, якъ въ жизни
„Нѣкогда бытъ; не ронди же на смерть Ахиллесь борзовный.“

Такъ говорилъ я и такъ онъ отвѣтствовалъ, тажко вздыхая:
„О Одиссей, утѣшенья мнѣ въ смерти не надѣйся дати;
„Лучше бъ хотѣлъ я живый, якъ поденщикъ, работая въ полѣ,
„Службой у бѣдного пахаря хлѣбъ добывать насущный,
„Якъ царствовать здѣсь надъ бездушными мертвими мертвый.
„Ты же о сынѣ извѣстіемъ душу теперь мнѣ порадуй.
„Былъ ли въ сраженъ мой сынъ? Въ переди ли у всѣхъ онъ сражался?
„Также скажи, Одиссей, не слыхаль ли о старцѣ Пелеѣ?
„Все ли по прежнему онъ новелитъ земли Мирмидонской?
„Цѣль ужъ его и въ Елладѣ и Фтиї честити престали,
„Драхлого старца, безъ рукъ и безъ ногъ изиуреннаго въ силахъ?
„Въ области дна ужъ защитникомъ быти ему не могу я;
„Нынѣ ужъ я не таковъ, якъ бывало, когда въ отдаленой
„Троѣ губиль ополченья и грудью стоять за Ахеянъ.
„Если бъ такамъ хоть на мигъ я въ жилищѣ отцевомъ явился,
„Ужасъ бы сильная тая рука навела тамъ на многихъ,
„Власти Пелея не чтушихъ и старость его оскорбившихъ!“

Такъ говорилъ Ахиллесь, и ему отвѣчая, сказалъ я:
„Свѣдати я не могъ ничего о старцѣ Пелеѣ великому;
„Но о твоемъ благородномъ, возлюбленномъ Иеоптолеизѣ

„Все, Ахиллесъ, якъ желаешь, тебѣ розскажу я подробно.
„Самъ я его въ корабль крутобокомъ чосмъ отъ Скироса
„Моремъ привезъ къ эгейнолатинъ Данаямъ въ Троянскую землю;
„Тамъ на совѣтахъ вождей о судьбѣ Илиона всегда онъ
„Голосъ свой прежде другихъ подавалъ, и въ розумныхъ сужденьяхъ
„Мною одниятъ лишь и Пестромъ мудрымъ бывалъ побѣждаемъ.
„Въ полѣ же Троянскомъ широкомъ, где гибельной мѣду мы бились,
„Онъ никогда близъ дружинъ и въ толпѣ не хотѣть оставатись;
„Быстро впередъ выбѣгаль онъ одинъ, упреждая храбрѣшихъ;
„Много враговъ отъ него въ истребительной битвѣ погибло;
„Я же не могу, ни назвати, ни счислитъ, сколь много народа
„Въ краѣ Троянскомъ побить онъ, где грудью стоялъ за Артіянъ.
„Такъ Европила, Телефова сына, губительной мѣду
„Онъ писпровергъ, и кругомъ молодого вожда всѣ Кетейцы
„Пали его, златолюбія женскаго бѣдственной жертвой.
„Послѣ Мемнона, подобного богу, быть всѣхъ онъ прекраснѣй.
„Въ чрево коня, сотвореннаго чудно Епесомъ, скрытись
„Быть онъ съ другими вождями назначенъ; а двери громады
„Миѣ отвортъ, затворятъ и стеречь поручили Ахѣцы.
„Всѣ, при вступленіи въ конскія пѣдра, вожди отирали
„Слезы съ ланитъ и у каждого руки и ноги тряслись;
„Въ немъ же единомъ юнѣ никогда не подгѣтнли очи
„Страха; не помни, чтобы онъ отъ чего поблѣднѣль, содрогнулся,
„При заплакалъ. Не разъ убѣждалъ онъ мене изъ затвора
„Датъ ему выйти и, стиснувъ одною рукою двуострый
„Мечъ, а другою оббитое мѣдью копье, цорвался
„Въ бой на Троянъ. А когда бысть разрушенъ Пріамовъ великий
„Градъ, онъ съ богатой добычей, съ дарами почетными попытъ
„Въ край свой, ни издали мѣткимъ, ни вблизи долгоострой
„Мѣдью меча не пронзенный ни разу, якъ часто бываетъ
„Въ жаркомъ бою, где убийство кипитъ и Арей весселится.“
Такъ говорилъ я, душа Ахиллесова съ гордой осанкой
Крокомъ широкия, по ровному Асфодилонскому лугу
Тихо пошла, веселися великою славою сына.

Души другихъ знаменитыхъ умершихъ явились; со мною
Грустно они говорили о томъ, что тревожило сердце
Каждому; только душа Теламонова сына Аякса,
Молча, стояла въ дали, одинокая, все на побѣду
Злобясь мою, мнѣ отдавшую въ станъ Артіянъ доспѣхи
Сына Пелесева. Лучшему между вождей повелѣла
Датъ ихъ Фемида; судили Трояне; ихъ судъ имъ Аеина
Тайно внушила... Зачѣмъ, о! зачѣмъ одержать я побѣду,
Мужа такого низведшаго въ пѣдра земныя? Погибъ онъ
Бодрый Аяксъ, и лица красотою и подвиговъ славой
Послѣ великого сына Пелесева всѣхъ превзошедшій.
Голосъ возвысивъ, ему я сказалъ миротворное слово:
„Сынь Теламоновъ, Аяксъ знаменитый, не долженъ ты, мертвый,
„Долше со мной враждовати, скрушаешься о гибельныхъ, взятыхъ

„Мною оружіахъ ; иими Дашалъ жестокое боги
„Зло приключили ; ты , наша гвердына , погибъ ; о тебѣ мы
„Всѣ , якъ о сынѣ могучемъ Пелея , всечасно крушились ,
„Раннюю смерть поминая твою ; въ ней никто не виновенъ ,
„Кромѣ Зевеса , постигшаго рагъ копъеноносныхъ Данаевъ
„Страшной бѣдою : тебе онъ судьбинѣ безвременно предаль .
„Но подойди же , Аляксъ ; на мгновеніе бесѣдой съ тобою
„Дай насладитись мнѣ ; гиѣвъ изгони изъ великого сердца .“

Такъ я сказалъ ; не отвѣтствовалъ онъ ; за другими тѣлами
Мрачно пошелъ ; напослѣдокъ скрылся въ глубокомъ Еревѣ .
Можетъ , стала бы онъ гиѣвный со мной говорить иль я съ нимъ ,
Если бѣ мене не стремило желаніе милого сердца
Души другихъ знаменитыхъ умершихъ увидѣти . Скоро
Въ адѣ узрѣль я Зевесова мудрого сына Миноса ;
Скинѣтръ въ десницаѣ держа золотый , тамъ умершихъ судиль онъ .
Сидя ; они же его приговора , кто сидя , кто стоя ,
Ждали въ пространномъ съ врагами широкими домѣ Аида .
Послѣ Миноса явилась гигантская тѣнь Оріона ;
Гигант по широкому Асѳодилонскому луту звѣрей онъ —
Ихъ же своею желѣзной пичѣмъ ис крушилъ дубиной
Нѣкогда самъ онъ убѣль на горахъ неприступно - пустынныхъ .
Титія также увидѣла я , сына прославленной Гені ;
Левить занять десятинѣ подъ огромное тѣло , недвижимъ
Тамъ онъ лежалъ ; по бокамъ же сидѣли два коршуна , рвали
Печень его и терзали когтями утробу . И руки
Тщетно из шкѣ подымалъ онъ . Латону , супругу Зевеса ,
Шедшу къ Пнею , онъ осрамилъ на лугу Папопейскомъ .
Видѣль потомъ я Тантала , казнѣмого страшною казнью :
Въ озерѣ свѣтломъ стояль онъ по горло въ водѣ , и томимый
Жаркою жаждой , падармо воды захлебнути срывался .
Только что голову къ ней онъ склонилъ , уповая напитись ,
Съ шумомъ она убѣгала ; внизу жъ подъ ногами ивлялось
Черное дно и его осушашъ во мгновеніе Демонъ .
Много росло плодоносныхъ деревъ надъ его головою ,
Яблонь и груши и гранатъ , золотыми плодами обильныхъ ,
Также и сладкихъ смоковницъ и маслинъ роскошно цвѣтущихъ .
Голодомъ мучасъ , лишь только къ плодамъ онъ протягивалъ руку ,
Разомъ всѣ вѣты деревъ къ облакамъ поднималисѧ темны .
Видѣль я также Сизифа , казнѣмого страшною казнью ;
Тяжкій камень слизу обѣяніи влекъ онъ руками
Въ гору ; напрягши мышцы , ногами въ землю упершись ,
Камень двигалъ онъ вверхъ ; но едва достигалъ до вершины
Съ тяжкой пошей , назадъ устремленный и невидимой силой ,
Внизъ по горѣ на ровнику катился обманчивый камень .
Снова силился вздигнути тажесть онъ , мышцы напрягши ,
Тѣло въ поту , голова вся покрыта черною пылю .
Видѣль я тамъ наконецъ и Ираклову силу , олигъ лишь
Призракъ воздушный ; а самъ онъ съ богами на свѣтломъ Олимпѣ

Сладость блаженства вкушалъ близъ супруги Гебея , цвѣтущей
Дочери Зевса отъ златообутой владичицы Иры.
Мертвыи шумно летали надъ нимъ , якъ летають въ престраху
Хищныи птицы ; и таиной подобаясь ночи , держаль онъ
Лукъ напряженный съ стрѣлой на тугой тетивѣ , и ужасно
Вокругъ озирался , якъ бы готовая выстрѣлиги ; страшныи
Перевязь блескъ издавала , ему поперекъ перерѣзъ
Грудь златолитныи ремень , на которомъ съ чудеснымъ искусствомъ
Львы грозноокіи , дикии вепри , лѣсныи медведи ,
Битвы , убийство , людей истребленье изваяны были ;
Тотъ , кто свершила бы подобное чудо искусства , не могъ бы ,
Самъ превзошедшъ себе , ничего уже лучше создати.

Взоръ на мене устремивъ , угадаль онъ немедленно , кто я ;
Жалобно , тяжко вздохнуль и крылатое бросилъ мнѣ слово :
„О Лаертидъ , многохитростный мужъ , Одиссей благородныи ,
„Иль и тобой , злополучный , судьба непреклонно играеть
„Такъ же , якъ мнай подъ лучами всезрящаго солнца играла ?
„Сынъ я Крониона Зевса ; но тѣль отъ безмѣрныхъ страданій
„Не былъ спасенъ ; покоритись подъ власть недостойного мужа
„Мнѣ повелѣла судьба . И труды на мене возлагаль онъ
„Такжкии . Такъ и отсюда была иса троеглавого должень
„И увести : уповать онъ , что будеть этъ трудъ не по силамъ .
„И же его совершила и похищенъ быть песь у Аида ;
„Помощь мнѣ подали Ерпий и дочь громовергца Аѳина .“

Такъ мнѣ сказавъ , удалился иъ обитатель Аидау призракъ .
Я жъ неподвижно остался на мѣстѣ и ждалъ , чтобы явился
Кто изъ могучихъ героеvъ , давно знаменитыхъ и мертвыхъ .
Зрѣти хотѣль а великихъ мужей въ отдаленный вѣкъ
Славныхъ , богами рожденныхъ Тезея царя , Пиритоя ,
Многихъ другихъ ; но , толпою безчисленной души слетѣвшись .
Подняли крикъ несказанный ; былъ схваченъ а ужасозъ блѣдныи ,
Въ мысляхъ , что хочетъ чудовище , голову страшной Горгоны ,
Выслати съ мрака Аида противъ мене Персефона :
Я побѣжалъ на корабль и вельть , чтобы немедля ни мало ,
Люди мои изъ исто собрались и вернь отвѣзали .
Всѣ на корабль собралиси и сѣли на лавкахъ у весель .
Судно спокойно пошло по течению водъ Океана ,
Прежде на веслахъ , потомъ съ благовѣющимъ вѣтрояи попутнымъ .

Изъ Енеиды.

1.

Песнь II.

Лаокоонъ и змѣи. (199 — 227.)

Тутъ явилось другое неслыханно страшное чудо
Нашимъ очамъ и вселило въ сердца неописанный трепетъ!
Лаокоону Нептуновъ избранный жрецъ всенародно
Тучного богу вола принасилъ передъ храмомъ на жертву...
Вдругъ четой отъ страны Тенедоса по тихому морю
(Вспомниувъ о томъ трепещу!) два змѣи возлегши на воды
Рядомъ плывутъ и медленно тягнутся къ нашему брегу:
Груди изъ волнъ поднялись; надъ водами кровавыя гребни
Дыбомъ; глубокій излучистый слѣдъ за собой покидалъ,
Вются хвости; розгибалась, сгибалась вздымаются спины.
Пынявшись влага подъ ними шумягть; всползаютъ на берегъ;
Ярко налитыя кровью очи и рдѣютъ и блещутъ.
Съ свистомъ проворными жалами лижутъ отвертыя пасти.
Мы поблѣдились розбѣжались. Чудовища скочили дружно
Къ Лаокоону, и двохъ сыновъ его малолѣтнихъ
Разомъ настигнувъ скрутили ихъ тѣло и жадны втиснувъ
Зубы имъ въ члены, загрызли мгновенно обоихъ, на помощь
Къ дѣтамъ отецъ со стрѣлами бѣжитъ; по змѣи напавши
Вдругъ на него, и запутавши крѣпкими кольцами, дважды
Чрево и грудь и дважды шею ему окружили
Тѣломъ чешуйнымъ, и грозно надъ нимъ поднялись головами.
Тщетно узы розорватъ напрягаетъ онъ слабыя руки —
Черный ядъ и пѣна текутъ по священнымъ повязкамъ;
Тщетно, терзаемъ, произительный стонъ ко звѣздамъ онъ подъемлетъ.
Такъ, отряхая, топоръ невѣрно въ шею воинственный,
Бѣсится волъ и реветь оторвавшись отъ жертвойной цѣпи.
Быстро віясь побѣжали ко храму высокому змѣи;
Тамъ достигши святилища гиѣвной Тритоны припали,
Мирно къ стопамъ божества и подъ щитъ улеглися огромный.

2.

Песнь II.

Смерть Пріяма. (469 — 558.)

Всѣхъ опредя, напиравъ на преддверіе Пирръ бѣдоносный,
Грозенъ, якъ пламенныи мѣдной броней и стрѣлами сия.
Такъ на солнѣ змѣя, напитавшия ядомъ растений,
Долго лежитъ неподвижна подъ тягостнымъ холодомъ снѣга,
Варугъ, чешуи обновивъ, расправляетъ красы молодыя,
Скользкій волнуетъ хребетъ, золотистую грудь надуваетъ.
Вѣтъ въ лучахъ и жалоны тройныхъ, розигравшись блещетъ.
Съ нимъ великанъ Перифасъ и правитель Ахилловыхъ коней
Оруженосецъ Автомедонъ и дружина Скирианъ,
Шумно къ чертогамъ тѣсняться и пламень кидаются на кровли,
Самъ же, у всѣхъ впереди, онъ огромной двуострой сѣквой
Рушить затворы, съ притолокъ тяжкихъ, окованныхъ мѣдью,
Петли сбиваешь, брусья пробить и плотныя доски
Варугъ прорубить — широкою щелью развинулись двери.
Видимы стали и внутренний дворъ и ряды переходовъ,
Видима древняя храмина прежнихъ царей и Пріяма,
Видимы въ сѣнахъ и стражи, хранители царского прага.
Въ самомъ же домѣ и жалобный крикъ и шумъ и волненье;
Звонки своды чертоговъ наполнивъ произительнымъ стономъ,
Жены рыдаются; къ звѣздамъ подымается отчаянья голосъ.
Благодыя матери, бѣгая въ мутномъ безуміи страха,
Праги объемлютъ дверей и къ нимъ прилипаютъ устами.
Варугъ вторгается Пирръ, якъ отецъ неизбѣжно — ужасный.
Тщетны заграды; низринута стража, таrantъ стѣнобойный
Сшибъ ворота; роскошевши, огромны рухнули створы;
Силѣ прочистился путь, и въ проломъ, опрокинувъ переднихъ,
Ринулъся Грекъ, и врагами обители всѣ закипѣли.
Менѣе грозенъ, плотину прорвавъ и разрушивши стѣну,
Съ ревомъ и пѣной стремится потокъ изъ береговъ и, ровину
Шумнымъ розливомъ окрестъ потопивъ, стада и заграды
Минть по полямъ. Я видѣла убийствомъ ярмого Пирра;
Видѣла обонихъ Атидовъ, дымящихся кровью въ обители царской;
Видѣла Гекубу и сто невѣстокъ ея въ Пріама,
Кровью своею воздвигнутый или алтарь обагрившихъ.
Вдругъ пятьдесятъ сыновиныхъ брачныхъ чертоговъ, надежда
Внуковъ толикихъ, и стѣны, добычъ многочисленныхъ златомъ
Гордыя, пали — пожаромъ забытое схвачено Грекомъ.
Знать желаешь, бытъ можетъ, Царица, что было съ Пріамомъ?
Вида паденіе града, вида пылающій замокъ,
Вида врага, захватившаго внутренность царского дома,
Старецъ давно — позабытую броню на трепетны плечи,
Сгорбллены тягостью лѣтъ, чрезъ силу надѣль, бесполезный

Мечь опоясалъ и въ сопы враговъ пошелъ на погибель.
Въ самой срединѣ царскихъ чертоговъ, подъ небомъ открытымъ
Былъ великий алтарь; надъ нимъ многолѣтняго лавра
Тень наклонялась и лики домашнихъ боговъ обнимала.
Тамъ съ дочерами сидѣла Гекуба. Вотще, пріотившись
Робко подъ жертвенникъ, словно якъ стая престрашнна горлицъ
Въ грозу подъ вѣтви, куниры бессмертныхъ онѣ обнимали.
Вдругъ царица одѣтого бронею юности бранной
Видитъ Пріамъ. „Куда ты, бѣдный супругъ?“ возгласила:
„Что ополчило тебе? Къ чему безроздудная бодрость?
„Нынѣ такая ли помощь, такой ли защитникъ Пергаму
„Пужны? Пергама не спась бы теперь и великий мой Гекторъ!
„Съ нами останься, Пріамъ: сей алтарь защитить насть,
„Или умремъ нерозлучны.“ Сказала и руку супругу
Давши, старца съ собой посадила на мѣстѣ священномъ
Вдругъ изъ убийственныхъ Пирровыхъ рукъ убѣжавшій Политосъ,
Сынъ послѣдний Пріама, сквозь копья, сквозь сонмища вражды
Вдоль переходовъ, пустыми чертогами, раненый личится;
Быстро за нихъ сверкающій Пирръ съ неизбѣжнымъ убийствомъ
Гонится.. близко; пагналь, достигнуль желвазомъ;
Къ лону родителей кинулся юноша въ страху, предъ ними
Паль, содрогнулся... и жизнь пролилася потоками крови.
Туть закипѣло Пріамово сердце. Самъ ногибая,
Онъ не стерпѣлъ толикого горя, и гибко воскликнулъ:
„О чудовище! Боги тебѣ, святотатцій убийца,
„Боги, — если живетъ въ небесахъ правосудная жалость —
„Мзду низношлють; по заслугѣ получишь награду, губитель!
„Ты, предо мною моего ростерзавшій послѣднаго сына.
„То — ли Ахилль, отъ тебе названъемъ отца поносимый,
„Сдѣлалъ съ Пріамомъ врагомъ? Онъ, красиѣя, почтилъ униженье
„Старца молящаго; даљ схоронити мнѣ мертвое тѣло
„Гектора сына, и въ Трою мене отпустилъ безъбидно.“
Такъ онъ сказалъ, и копье безсильное слабой рукою
Кинулъ; оно, ударяясь въ мѣдь зазевѣвшую глухо,
Тронуло выгибъ щита, и на немъ безъ движенья повисло.
Яростно Пирръ возопилъ: „Иди же съ поносной отсасъ
„Вѣстью къ Целиду отцу, не забудь о безславныхъ дѣяньяхъ
„Пирра сказати ему; теперь же умри!“ Безощадно
Онъ передъ жертвенникъ дрогнувшій старца повлекъ; сѣдинами
Шуйцу, облитую кровью сыновней, опуталь, лесинецъ
Мечь замахнувъ и въ ребра до самой вонзилъ рукоять.
Такъ совершилася участъ Пріама; такъ онъ покинулъ
Землю, зревша добычей пожара Пергамъ и падене
Трои, нѣкогда сильный властитель народовъ, державный
Азіи царь... и великое тѣло на брезѣ пустынной
Нынѣ безъ чести лежитъ, обезглавлено, трупъ безъимянный!

3.

Пѣснь II.

Благство Енея.

.... Широкія плечи склона и на шею
Сверхъ одѣянья накинувъ косматую львишую кожу,
Старца подъемлю; идемъ, Асканій мою обхвативши
Крѣпко лесницу, бѣжитъ торопяся кроками первовыми съ боку;
Слѣдомъ Креузъ; идемъ, пробираясь мглою по стогнамъ,
Я- же, безстрашнымъ окомъ смотрѣшій на тучи
Сгрѣхъ, и отважно встрѣчавшій дружины враждебныя Грековъ,
Тутъ при малѣйшемъ звуцѣ блѣдиѣхъ, при шороху каждомъ
Медицъ, робя за спутника, въ страху за юную ишу.
И уже достигаль я воротъ, я мнѣть, что опасный
Путь совершился.... вдругъ не вдали голоса раздалися,
Что- то мелькнуло, послышалася топотъ. Пристально въ сумракъ
Смотрѣть Ахизъ: „мой сынъ! мой сынъ, бѣжи!“ возопилъ онъ.
Идуть! сверкаютъ щиты! оружіе мѣдное блещетъ!....
Кто изъяснитъ? Божество — ли якое враждебною силой
Умъ мой смущило.... но, въ сторону бросясь, чтобы миновать
Встрѣчи избѣгнутъ, далекимъ обходомъ я вышелъ изъ града;
Боги! Креуза исчезла; во тѣхъ-ль, осѣщенная рокомъ,
Сбилась съ дороги, иль, где отдохнути утомлена, съма —
Я не знаю; съ тѣхъ поръ мы нигде уже ю не встрѣчали.
Только тогда я утрату, опоявшись, замѣтилъ, когда мы
Холма святаго и древняго храма Цереры достигли.
Тамъ собрались мы, убогій остатокъ Троянъ — а Креузы
Не было, къ горю сопутниковъ, сына, отца и супруга,
О кого изъ людей и боговъ я не кляль изступленій!
Было- ли что для мене и въ паденіи Пергама ужаснѣй!
Сына Іулъ съ Ахизомъ отцемъ и съ Пенатами Трои,
Спутникамъ вѣбривъ, въ излучинѣ дола велю нѣ сокрытись;
Самъ же блестящей одѣянъ бропей, возвращаюся въ Трою.
Вновь рѣшено боевыи труды испытатъ по горящимъ
Стогнамъ Пергама промчаться, подставитъ грудь подъ удары.
Къ темному праку ворогъ, черезъ кои мы вышли изъ града
Прежде сѣшъ, чтобы, снова по свѣжему нашему слѣду
Трою пройдя, замѣчательнымъ окомъ всмотрѣтись въ принѣты:
Всюду ужасъ! даже молчанье въ трепетъ приводить!
Къ дому Ахиза — не тамъ ли она, не туда- ли сї случай
Путь указалъ — я бѣгу: но Данаи ужъ грабили домъ нашъ:
Все испровергнутъ; съ воплями врагъ по обители рыскаль
Пламень пожара уже прошибалъ, изъ-подъ верхнія кровли
Вихремъ взывавшая искры и въ воздухъ страшно гремѣло.
Я обратился къ Пріамову дому, къ высокому замку:
Боги! боги! въ притворѣ пустого Юпонина храма

Звѣрскій Улісъ и Фенікъ у добычи стояли на стражѣ;
Тамъ сокровища Трои, богатства сожженыхъ святыницъ,
Чаши златыя, престолы боговъ и убранства и ризы
Въ грудахъ лежали; младенцы и бѣдныя матери долгимъ
Строемъ стояли въ близи
Презя мене окружавшую гибель, дерзнулъ я во мрацѣ
Голосъ возвысити; кликъ мой печальный раздался по стогнамъ.
„Где ты, Креуза?“ взывалъ я, взывалъ . . . но было напрасно.
Въ аростномъ горѣ по грудамъ разрушенныхъ зданій бѣгаль я.
Вдругъ передъ очи мои появилась призракомъ, легкой
Тѣнью она . . . и казалась возвышеній прежняго становъ.
Я ужаснулся, волосы дыбомъ, а голосъ замеръ быль.
Тихо съ усмѣхомъ, смиряющимъ душу, сказала Креуза:

„Тщетной заботѣ почто предаеися, безумно печалясь?
О Еней, о сладостный другъ, не безъ воли бессмертныхъ
Было сіе: мнѣ не должно ити за тобой изъ Пергама;
То запрещаетъ владыка небесь, громодержецъ Юпитеръ.
Долго изгнаникомъ будешь браздить безпредѣльное море;
Тамъ въ Гесперій, где волны Лидійского Тибра по тучнымъ,
Люднымъ ровнишамъ обильно-медлительнымъ токомъ ліются,
Свѣтлосе счастье, и царскій вѣнецъ и невѣсту царевну
Ты обрѣтешь. Не томи-жъ по Креузѣ утраченной сердца;
Нѣтъ! ни дверей Мирмидона, ни пышныхъ черговъ Долопа.
Я не увижу; не буду рабиню матери Грека.
Дочь Дарданій, вѣчной Венеры невѣстка. . . .
Бытъ при себѣ мнѣ судила великая матерь бессмертныхъ.
Ты же прости; поминай о супрѣуз любовию къ сыну.“

Смолкла — и тихо со мной, проливающимъ слезы, rozсталась.
Много хотѣлъ я речи, но она улетѣла; трикраты
Я за летающе тѣнью руки простеръ и трикраты
Легкак тѣнь изъ напрасно — объемлющихъ рукъ ускользнула,
Словно якъ вѣющий воздухъ, словно якъ сонъ юнолетній.
Такъ миновалась ночь; возвращаюсь къ товарищамъ бѣгства;
Много, толпою притекшихъ изъ Трои, сопутниковъ новыхъ
Тамъ нахожу, изумленный: матери, мужи, младенцы,
Жалкій народъ бѣглецовъ, невозвратно утративъ отчизну.
Съ бѣднымъ остаткомъ сокровищъ, тѣснился тамъ, приготовясь
Купно со мной за моря искати завѣтного брега.
И уже восходилъ надъ горой свѣтловосный Люциферъ
Юного для благовѣстникъ, и всѣ ворота Иліона
Заперты были врагомъ . . . упованье исчезло! судьбинѣ
Я уступилъ и Анхиза понесъ на высокую Иду.

Изъ Мессіады.

Песнь II.

Аббадона.

Сумраченъ, тихъ, одинокъ на ступеняхъ подземного трона
Зрѣлся отъ всѣхъ удаленъ Серафимъ Аббадона. Печальной
Мыслию бродилъ онъ въ минувшемъ: грозно въ дали передъ взоромъ,
Сгутнымъ, потухшимъ отъ тяжкія тайныя скорби, являлась
Мука на муцѣ, темная вѣчности бездна. Онъ вспомнилъ
Прежнее время, когда онъ, невинный, былъ другъ Абділа,
Свѣтлое дѣло свершившаго въ день возмущенія предъ Богомъ:
Къ трону Владыки одинъ Абділь непрельщенъ, возвратился.
Другомъ влекомъ, ужъ почти улетая отъ враговъ Аббадона;
Вдругъ Сатана ихъ настигъ, въ колесницѣ гремя и блестая,
Звучно торжественнымъ кликомъ зовущихъ грянуло небо;
Съ шумомъ почалися рати мечтой божества упосеныхъ.
Ахъ, Аббадона, бурей безумцевъ отъ друга оторванъ,
Мчится, не внемля прискорбной, грозящей любви Абділа;
Тьмой божества отуманенъ, взоровъ молящихъ не видитъ;
Другъ позабытъ, въ торжествѣ къ полкамъ Сатаны онъ примчался.
Мраченъ, въ себе погруженъ, пробѣгалъ онъ въ языкахъ всю повѣсть
Прежней, невинная младости, мыслиль обѣ утѣ созданья.
Вкупи и вдругъ сотворилъ ихъ Создатель. Въ возрасту рожденія
Всѣ вопрошали другъ друга; „Скажи Серафимъ, братъ небесный,
„Кто ты? Откуда прекрасный? Давно ль существуешь, и зрѣль ли
„Прежде мене? О, повѣдай что мыслиши? Намъ вѣѣть безсмертье!“
Вдругъ изъ дали свѣтозарной на нихъ благодатью слѣдѣла
Божія слава; узрѣли все небо, шумящее сопромъ
Новосозданныхъ для жизни; къ Вѣчному облаку свѣта
Ихъ вознесло, и, завидѣвъ Творца, возгласили: „Создатель!—
Мысли о прошлаго тѣснились въ душѣ Аббадона, и слезы,
Горкія слезы, бѣжали потокомъ по впалымъ ланитамъ.
Съ трепетомъ внялъ онъ хулы Сатаны и воздвигся пахмуренъ;
Тажко вздохнулъ онъ трикраты — такъ въ бѣгвѣ кровавой другъ друга
Браты сразившій тажко въ томлены кончины вздыхаютъ —
Мрачнѣй взоромъ окинувъ совѣтъ Сатаны, онъ воскликнулъ:
„Будь на мене вся паскотовыхъ злоба — вѣщати дерзаю!
„Такъ, я дерзаю вѣщати, чтобъ Вѣчного судь не сразилъ насъ
„Ровною казнью! Горе тебѣ Сатана — возмутитель!

„Я ненавижу тебе, ленавижу, убийца! Во вѣки
„Требуй Огнь, нашъ Судя, отъ тебе развращенныхъ тобою,
„Нѣкогда чистыхъ наслѣдниковъ славы! Да вѣчное: „Горе!“
„Грозно гремитъ на тебе въ семь совѣтъ духовъ погубленныхъ!
„Горе тебѣ, Сатана! Я въ безумствѣ твоемъ не участникъ!
„Нѣтъ, не участникъ въ твоихъ замысленіяхъ встали на Мессію,
„Бога - Мессію сразити!... Ничтожный! о коять ты вѣщаешь?
„Оять Всемогущій, а ты пресмыкаешься въ праху бессильный,
„Гордый невольникъ... Поплѣтъ - ли смертному Богу искупленье,
„Тльна - ль оковы розторгнуты мыслишь — тебѣ - ль съ Нимъ боротись?
„Ты - ль розтерзаешь бессмертное тѣло Мессіи? Забылъ - ли,
„Кто Огнь? Не ты - ль оналенъ всемогущими гиѣва?
„Иль на челѣ твоемъ мало ужасныхъ слѣдовъ отверженія?
„Шль Вседержитель добычуе будеть безумства бессильныхъ?
„Мы, заманившіи въ смерть человѣка... О горе мнѣ, горе!
„И вашъ сообщникъ!... Дерзнемъ - ли возстati на Дателя жизни?
„Сына Его, Громовержца, хоченъ убiti — о безумство!
„Сами хотеть въ слѣпотѣ истребити къ спасенью дорогу!
„Нѣкогда духи блаженныи, сами на вѣки надежду
„Прожитаго счастія, мукъ утоленія ячимся разрушити?
„Знай - же, сколь вѣрно, что мы ощущасмъ съ двоякимъ страданіемъ
„Муку паденія, когда ты въ сей безднѣ изгланъ и ночи
„Гордо о славѣ твердиши намъ, столь вѣрно и то, что, сраженій,
„Ты со стыдомъ на челѣ отъ Мессіи въ свой адъ возвратиши.“

Бѣшенъ, кипѧ нетерпѣніемъ, внималъ Сатана Аббадонѣ;
Хочеть съ престола въ него ударити огромной скалою —
Гиѣвъ обезсиліль грозно подъятую съ калицѣмъ десницу.
Топнуль, ярся, ногой и трикраты отъ бѣшенства вздрогнуль;
Молча воздвигнись, трикраты сверкнуль онъ на Аббадону
Пламенныи взоромъ, и взоръ быль отъ бѣшенства ярокъ и мраченъ:
По презрѣти быль не властнъ. Ему предстояла Аббадона,
Тихій, безстрашныи, съ унылымъ лицемъ. Вдругъ восприянула свирѣпый
Адрамелехъ, Божества, Сатаны и людей ненавистникъ.

„Въ вихрахъ и буряхъ хочу отвѣчатъ тебѣ, робкій!“ вѣщааль онъ:
„Грину грозою отвѣтъ мой безумцу. Ты - ли ругатись
„Слѣшь богамъ? Ты - ли презрѣнійшій въ сониѣ безплотныхъ,
„Въ праху своемъ Сатану и мене оскорблити замыслилаъ?
„Нѣтъ тебѣ казни; казнь твоя: мыслей бессильныхъ ничтожность.
„Рабъ, удались; удались малодушный; прочь отъ могущихъ;
„Прочь отъ жилища царей; исчезай, пепримѣтный, въ пучинѣ;
„Тамъ да создастъ тебѣ царство мученій твой Вседержитель;
„Тамъ проклянай безкапечность, или, ничтожности алчныи,
„Въ пизкомъ бессилии рабски предъ небомъ глухими пресмыкайся.
„Ты - же, отважимъ, средь самого неба паркшайся Богомъ,
„Грозно въ кипѣніи гиѣва на брань полетѣвшій съ Могущимъ,
„Ты, обреченный въ грядущемъ несмѣтныхъ міровъ повелитель,
„О Сатана, полетимъ; да узрягъ насть въ могущество духи;
„Да поразить ихъ, зкъ буря, помысловъ нашихъ отважность!“

„Се лавирионы коварства: всѣ наимъ пути ихъ отверсты;
„Въ мрацѣ ихъ смерть не найдеть онъ изъ бѣдственной тьмы ихъ исхода.
„Если - жъ, наставленный небомъ, разрушить Онъ хитрыи ковы —
„Пламенины бури пошлиемъ, и его не минуетъ погибель.
„Горе, земля, мы грядемъ; ополченныи смертью и адомъ!
„Горе безумнымъ, кто насть отразити на землѣ взмечтаетъ!“

Адрамелехъ замолчалъ, и смущилось, якъ бура собранье.
Страшно отъ топота ногъ ихъ вся бездна дрожала; якъ будто
Съ громомъ утесь за утесомъ валился; съ кликомъ и воемъ,
Гордыи славой грядущихъ побѣдъ, всѣ воздвиглися, дикий
Шумъ голосовъ поднялся и отгремулъ съ востока на западъ;
Всѣ заревѣли: „погибли, Мессія!“ Отвѣка созданье
Столь ненавистнаго дѣла не зрѣло. Съ Адрамелехомъ
Съ трона потекъ Сатана, и ступени, якъ мѣдныя горы,
Тажко подъ ними звенѣли; съ крикомъ, зовущимъ къ побѣдѣ,
Ринулись смутной толпой во врата ростворенный ада.

Изъ дали, медленно, слѣдомъ за ними летѣлъ Аббадона;
Зрѣти хотѣлъ онъ конецъ необузданно - страшного дѣла.
Вдругъ, нерѣшимой стопою онъ къ Ангеламъ, стражамъ Едема,
Робко подходитъ... Кто - же тебѣ предстоитъ, Аббадона?
Онъ, Абділь, непреклонный, нѣкогда другъ твой... а нынѣ?
Взоры потушивъ, вздохнулъ Аббадона. То удалитись,
То подойти онъ желаетъ; то въ сиротствѣ безнадежный,
Онъ въ безпредѣльное кинутись хочетъ. Долго стоялъ онъ
Трепетенъ, смущный; вдругъ, ободрись, приступилъ къ Абділу;
Сидѣло билось въ пѣнь сердце; тихія слезы катились,
Ангеламъ токмо знакомыя слезы, по блѣдныиа лашитамъ;
Тѣжкими вздохами грудь воздымалась; медленный трепетъ
Смертнамъ и въ самоль боренъ съ концемъ неиспытанный, мучиль
Въ робкомъ его приближеніи... Но, ахъ, Абділовы взоры,
Ясны и тихи, неотвратимо смотрѣли на славу
Вѣчнаго Бога; его - жъ Абділь не замѣтилъ. Якъ прелестъ
Первого утра, якъ юладость первой весны мірозданья,
Такъ Серафимъ блесталь, но блесталь онъ не для Аббадоны.
Онъ отлетѣлъ, и одинъ, посреди опустившаго неба,
Такъ невнимаемъ гласомъ взывалъ изъ дали къ Абділу:

„О Абділь, брате, иль на вѣки ты мене отринулаъ?
„Такъ, на вѣки я розно съ возлюбленными... страшная вѣчность!
„Плачь обо мнѣ, все твореніе; плачте, вы первенцы свѣта;
„Онъ не возлюбитъ уже никогда Аббадоны, о плачьте!
„Вѣчно не бытъ мѣ любимымъ; увишите вы тайныиа сѣни,
„Где мы бесѣдой о Бозѣ, о дружбѣ нѣжно сливались;
„Свѣтыиа небесныиа потоки, близъ коихъ, сладко объезляясь,
„Мы воспѣвали чистою пѣснію Божію славу,
„Ахъ, замолчите, иссякните: нѣтъ для мене Абділа,
„Нѣтъ, и на вѣки не будетъ Адъ мой, жилище мученья,
„Вѣчнай ночь, унывайте вѣтъ со мною: на вѣки
„Нѣтъ Абділа; вѣчно мялъ милого брата не будетъ.“

Такъ тосковалъ Аббадона, стоя предъ вхodomъ въ созданье
 Строемъ котлиса звѣзды. Блескъ и крылаты громы
 Встрѣчу ему Орионовъ летящихъ его устрашили;
 Цѣлыи вѣки не зрѣль онъ, тоской одинокой томивый,
 Свѣтлыхъ міровъ; погруженъ въ созерцанье, печально сказалъ онъ :
 „Сладостный входъ во блаженство, почто загражденъ Аббадонъ?
 „О, для чего не могу я опять залетѣти въ отчизну,
 „Къ свѣтлымъ мірамъ Вседержителя, кипути вѣчно
 „Область изгнанья? Вы, солнца, прекрасныя чада созданья,
 „Въ оный торжественный часъ, якъ, блестая, изъ мощной десницы
 „Вы полетѣли по юному небу, — я былъ вѣнье прекраснѣй.
 „Нынѣ стою, помраченный, отверженный, сирый взгнаниникъ,
 „Смутный, среди красоты мірозданья. О небо родное,
 „Видя тебе, содрогаюсь: тамъ потерялъ я блаженство;
 „Тамъ, ополчившись на Бога, стала грѣшница. О, миръ непорочный,
 „Милый товарищъ мой въ свѣтлой долинѣ спокойствія, где ты?
 „Тщетно! Одно лишь сияненье при видѣ небесныя славы
 „Миѣ Судія отъ блаженства оставилъ — печальный остатокъ!
 „Ахъ, для чего я къ нему не дерзну изречи: мой Создатель!
 „Радостно-бы иѣжное имя Отца уступить непорочнымъ;
 „Пусть неизгнаныи въ чистомъ восторзѣ: Отче, восклицаютъ.
 „О Судія непреклонный, преступникъ молитъ не дерзаетъ,
 „Чтобъ хоть единицъ Ты взоромъ его посѣтилъ въ сей пручинѣ.
 „Мрачныи, полныи ужаса, мысли и ты, безнадежность,
 „Грозный мучитель свѣрѣствуй!... Потко я живу?.. О ничтожность.
 „Иль не узнать тебе?.. Проклинаю сей день ненавистный,
 „Зрѣвшій Создателя въ шествіи свѣтломъ съ предѣловъ востока,
 „Слышавшій слово Создателя: буди! слышавшій голосъ
 „Новыхъ бессмертныхъ, вѣщавшихъ: и братъ нашъ возлюбленный созданъ.
 „Вѣчность, почто родила ты сей день? почто онъ былъ ясенъ,
 „Мрачностию не быть той ночи подобенъ, которою Вѣчный,
 „Гиѣва грозой ополченный, Себѣ облекаestъ? Потко онъ
 „Не быть, проклятіе Бога гнетомъ, обнаженъ отъ созданій?..
 „Что я изрекъ?.. О хулитель, кого предъ очами создавъ
 „Ты порицаешь? Вы, солнца, мене опалите: вы, звѣзды,
 „Гряньтесь ко мнѣ на главу и укрывите мене отъ престола
 „Вѣчныи правды и ищеныи! О ты, Судія непреклонный,
 „Или надежды вѣчности Твоя для мене не скрывается?
 „О Судія, Ты Создатель, Отецъ... что вѣщаю, безумецъ!
 „Миѣ-ль призывати Егову, звати Его именами,
 „Страшными грѣшнику? Ихъ лишь даруетъ одинъ Примиритель;
 „Ахъ, улетимъ; ужъ возвидитись Его всемогущіи громы,
 „Страшно ударить въ мене... улетимъ... по куда?.. где отрада?!”
 Рекъ, и ударился быстро во глубь безпредѣльныхъ безднъ..
 Горько взывалъ онъ: „сожжи, уничтожь мене, огнь разрушитель!“
 Волни исчезли въ пустынѣ... и огонь не притекъ разрушитель.
 Смутный онъ снова помчался къ мірамъ и приникъ утомленный
 Къ иѣкому пышноблестящему солацу. Оголѣ на бездны

Скорбно смотрѣть онъ. Тамъ звѣзды кипѣли, якъ свѣтлое море;
Вдругъ налегла на солнце заблуждшая въ бездѣлъ планета;
Часть сей насталь разрушеныя.... уже задымилась и рдѣла...
Къ ней полетѣлъ Аббадона надѣясь разрушитись вкупѣ...
Дымомъ она розлетѣлась, но ахъ.... не погибъ Аббадона!

Изъ Повѣсти „Ундин“

Пріездъ рыцаря.

Въ ясный, весенний
Вечеръ сидѣлъ передъ дверю избочки своей престарѣлый,
Честный рыбакъ и подчинившись сѣть. Сторона та, въ которой
Жилъ онъ, была прекрасное мѣсто. Лугъ, где стояла
Хижина, длинной косою входила въ широкое лоно
Мора: можно было думати, что берегъ душистый
Въ свѣталазурныя, чуднопрозрачныя воды съ любовью
Нѣжно тѣснился, — что море, влажной, трепещущей грудью
Нѣжно прижавшись къ нему и его обнимая, плѣнялось
Свѣжестю шелковой зелени, блескомъ цвѣтовъ и прохладой
Темныхъ сѣней древесныхъ. Правда, въ краю томъ не много
Было людей: рыбакъ съ женою — и только; дремучий
Лѣсъ отдѣлялъ полуостровъ отъ твердой земли. И ужасенъ
Быть тогъ лѣсъ своей темнотой неприступной; и слухи
Страшны были о немъ во народѣ. Тамъ было нечисто:
Злыи духи гнѣздилися въ немъ и страшили прохожихъ,
Такъ что не смѣди и близко къ нему подходити. Но смирный
Старый рыбакъ не боялся враждебныхъ духовъ: на продажу
Рыбу носиль онъ въ городъ, лежащій за лѣсомъ; полонъ
Набожныхъ мыслей, входилъ онъ въ его глубину, и ни разу
Тамъ ничего онъ не встрѣтилъ, хранимый пебесною силой.

Сидя безопасно въ тотъ вечеръ за неводомъ, вдругъ онъ услышалъ
Шумъ въ лѣсѣ, якъ будто бы топотъ коня и желѣзной
Брони звукъ; онъ слушаетъ; шумъ приближается; робость
Нимъ овладѣла, и все, что до тѣхъ поръ въ ненастныхъ ночи
Снилось ему о таинственномъ лѣсѣ, представилось разомъ
Мысламъ его; особенно же пѣкто огромного роста,
Бѣлый, всегда головою странно кивающій. Въ темный
Лѣсъ онъ со страхомъ глядѣть, и ему показалось, что въ самомъ
Дѣлѣ сквозь черныя вѣтви смотрѣть кивающій призракъ.
Вспомнивъ однако, что все нѣкакъ еще не случилось
Съ ними бѣды ни въ лѣсу, ни въ избочкѣ, въ которой такъ долго

Жиль онъ съ женою вдвоемъ; что нечистый надъ ними не властенъ :
 Онъ ободрился, прочелъ молитву, и сдѣлалось скоро
 Даже ему и смѣшно, когда онъ увидѣлъ, якую
 Шутку съ нимъ глупая робость сыграла: кивающій образъ
 Былъ не что иное, якъ быстрый ручей, изъ средины
 Лѣса бѣгущій и съ пѣнной впадающій въ море; шумъ же,
 Слышаній нимъ, былъ отъ рыцаря: скакомъ на бѣломъ
 Бодромъ конѣ изъ чащи лѣсной овъѣхалъ и прямо
 Къ хижинѣ ихъ приближался. Мантіей алого цвѣта
 Былъ покрытъ его фиолетовый, золотомъ шитый,
 Стройный колетъ; на бархатномъ черномъ баретѣ вились
 Бѣлымъ перья; висѣлъ у бедра на цѣли драгоцѣнной
 Мечь съ златой рукоятью искусной работы; а бѣлый
 Рыцаревъ конь былъ статенъ, силенъ и живъ, — онъ копытомъ
 Легкимъ едва къ луговой муравѣ прикасалась, воздушной
 Поступью шель и, сгибая красивую шею якъ лебедь,
 Грызъ узду, облитую пѣнной. — Старикъ, пораженный
 Видомъ статного рыцара, неволь покинулъ, и снявши
 Шапку, смотрѣлъ на него съ привѣтной улыбкой. Приближась
 Рыцарь сказалъ: „могу ли я съ конемъ найти здѣсь на туу
 „Ночь убѣжище?“ — „Милости просимъ, гость благородный;
 „Лучшимъ стойломъ будеть коню твоему нашъ зеленый
 „Лугъ, подъ кровлей сѣнестыхъ деревъ, — а вкусную пищу
 „Самъ онъ найдеть у себя подъ ногами; тебѣ же мы охотно
 „Уголь очистимъ въ нашемъ угогомъ жилищѣ и ужинъ
 „Скудный съ тобою роздѣлимъ.“ Рыцарь кивнулъ головою,
 Спрыгнулъ съ коня, его розуздаль и по свѣжелу лугу
 Бѣгатъ пустыль; потомъ сказалъ рыбаку: „ты охотно,
 „Добрый старикъ, принимаешь мене, но когдабѣ и не столько
 „Былъ ты говорчікъ, то все бы со мной не порадилъ ты нынѣ:
 „Море, вижу я, здѣсь передъ нами, и дальше дороги
 „Нѣть ніакой; а вечерояъ поздно во тотъ проклятый
 „Лѣсъ возвращатись, избави Боже!“ — „Не станемъ о томъ же
 „Надто много теперъ говорити,“ казалъ озиралъ
 Старый рыбакъ, и въ хижину ввелъ усталого гостя.
 Тамъ, передъ яснымъ огнемъ горѣвшимъ въ каминѣ, и въ чистой
 Горницѣ грецетный блескъ розливавшійся, на креслѣ широкомъ,
 Съ спинкой рѣзною, сидѣла жена рыбака пожилая.
 Гости увидѣвъ, старушка встала, ему поклонилась
 Чинно и сѣла опять, ему отадати не вздумавъ
 Мѣсто свое. Рыбакъ, засмѣявши сказаъ: „благородный
 „Рыцарю, въ зло не вѣши, что хозяйка моя свое кресло
 „Лиши для себѣ сберега; у насъ такій ужъ обычай, —
 „Лучшее мѣсто всегда старикамъ уступается.“ — „Что ты,
 „Дѣду!“ съ кроткой усмѣшкой сказала хозяйка: „вѣдь гость нашъ
 „Вѣрно такій же Христовъ человѣкъ, якъ и мы, и придется ли,
 „Самъ ты скажи, молодому на умъ, чтобъ ему уступили
 „Стары люди лучше мѣсто? Садися, мой добрый

„Рыцарь, на ту ю лавочку,“ она продолжала, „да только
„Тише сиди, не ворочайся, южка одна ненадежна.“

Рыцарь взялъ осторожно лавочку, придвигнулъ къ камину,
Сѣлъ, и сердцу его такъ стало пріятно, якъ будто бъ
Былъ онъ у милыхъ родныхъ, возвратясь изъ чужи въ отчизну.
Стали они бесѣдовати. Рыцарь свѣдѣти о страшномъ
Лѣсъ хотѣлъ, но рыбакъ ночною порою боялся
Рѣчь о немъ заводити; за то о своей одинокой жизни
И промыслѣ трудномъ своеемъ розсказывалъ много.
Съ жадностю слушали мужъ и жена, когда говорилъ имъ
Рыцарь о томъ, якъ въ розныхъ земляхъ онъ бываль, якъ отцевскій
Замокъ его у истоковъ Дуная стоять, якъ прекрасна
Та сторона; онъ прибавиль: „мене называютъ Гульбрандомъ,
„Имя же замка Ринштетенъ.“ — Такъ говоря, не однажды
Рыцарь слышалъ якій - то шорохъ и плескъ за оконщемъ,
Точно якъ будто водой кто спрыскивалъ стекла спаружи.
Всякій разъ съ досадой нахмуривалъ брови, послышавъ плесканіе,
Старый рыбакъ; по когда же якъ ливнемъ вдругъ обдало стекла,
Такъ что окно зазвенѣло и въ горницу брызги влетѣли,
Съ сердцемъ вскочилъ онъ и крикнулъ въ оконце съ угрозой: „Ундин!
„Полно жартовати; стыдно; въ хижинѣ гости.“ При томъ же
Словѣ стало таинъ тихо, лишь изрѣдка слышень бытъ легкій
Шепотъ, якъ будто бы кто потихоньку смѣялся. „Почтенный
„Гостю, не взыщи,“ сказалъ рыбакъ, возвратившись на мѣсто:
„Можеть бытъ“ шалостей много еще ты увидишь, но злого
„Умысла нѣтъ у нея. То наша дочка Ундин,
„Только не дочка родная, найденыши; сущій младенецъ,
„Все прокажитъ, а будеть ей лѣтъ ужъ осынадцать; но сердце
„Самое доброе въ ней.“

Изъ Тассовой поэмы:
„Освобожденный Иерусалимъ.”

Избрание сюжда — сюждей.

. И день сошелъ
На землю незабвенный.
И всѣ собрались на совѣтъ
Въ смирены душъ глубокомъ;
Межъ нихъ витѣйствуетъ Готфредъ,
И льется рѣчъ потокомъ :

„Вожди, поборники Христа !
Васъ Царь избралъ Небесный
Въ отищеніе за честь Креста;
Васъ перстъ Его чудесный
Провелъ средь вражескихъ мечей,
Средь ужасовъ природы,
Чрезъ всѣ опасности морей;
И многіи народы
Склонились къ нашимъ знаменамъ
О имени Христовомъ ;
Всюда предходитъ слава намъ ,
Всюда намъ Богъ покровоуъ.

„Но мы оставили дѣтей
И милый край отчизны ,
Но мы невѣрности морей
Вѣялись съ страхомъ жизни
И всѣмъ опасностямъ пути
Къ предѣламъ отдаленнымъ —
Не съ тѣмъ , чтобы цѣпи привести
Народамъ покоренныхъ ;
И не молвы ничточный глашъ
Ничтоожной листиль намъ славой :

Другая цѣль уччала насъ
На поприще кроваво :
„Хоругви Вѣры водрузити
Въ сватыхъ стѣнахъ Сиона ,
Невѣрныхъ иго низложити ,
Тиранство свергнуть съ трона ,
Давивше оловомъ сердца
Христовыхъ чадъ доныѣ ,
И царство съ славою Творца
Создати въ Палестинѣ , —
Обезпечите къ Грому путь
Несящимъ сердца дани ,
Свободу дати имъ во грудь , —
Вотъ нашихъ цѣль желаній !
„Мы доблестью гремимъ — давно ,
Несчастій — тымы презрѣли ;
Для славы жъ — мало сдѣлано ,
И — ничего для цѣли !...
Смирнись Турокъ племена ,
Въ рукахъ Антиохія ,
И Персія поражена —
Поникла гордыхъ выѣ , —
Великія дѣла ! но намъ
Цѣмъ листитись въ семь стяжаны ?
Хвала и слава Небесамъ !
Оно — Небесь даяніе .
Но если мы и горній зовъ
И горюю цѣль забудемъ ;
Не славой мѣра и вѣковъ ,
Но жалкой притчей будемъ .
„О иѣть ! не посрамимъ даровъ
Небесной благодати ...

И долгъ избранныхъ отъ вѣковъ
Для славныхъ предпріятій —
Достойнымъ вѣнчали концемъ
Великого начало...
Путь чистъ и тишина кругомъ
И счастье просіяло
И усмѣхнулось намъ съ весной,
И мы къ стѣнамъ Сиона
Не учимся вѣрною стезой?
И где еще препона?...

„Вожди! я заклинаю васъ —
И племена живыи
И поздній родъ внушишь мой гласъ
И высоты сватыи —
Приспѣю время для побѣды!
Пождемъ ли — пройдетъ мимо;
Пождемъ — и въ дахъ склонить полетъ
Что близко было зrimо.
Предвижу я, — когда продлимъ
Бездѣствіе мы нынѣ,
Египетъ воинствомъ своимъ
Дасть помочь Палестинѣ.”

Умолкъ, и шопотъ пробѣжалъ
Въ собраиніи героеvъ.
Тогда пустинникъ Петrъ возсталъ,
Рожденный не для боевъ,
Но вождь, но первый, къмъ открыть
Къ Сиону путь далекій.
„Готфреда рачь,” онъ говоритьъ,
„Гласъ истины высокой,”
И полный мудрости совѣтъ,
И сердца убѣжденье;
Но опытъ мнѣ протекшихъ лѣтъ
Одно внушилъ сомнѣніе:

„Склопяю ль къ нимъ мой тусклый взоръ —
И горькія обиды,
И вѣчный между пами споръ,
И самовластья виды,
И неоконченныи труды,
Великіи началомъ,
Являютъ мрачныи слѣды
Подъ мрачныи покрываломъ.
И первая всѣхъ золъ вина —
Роздѣль верховной власти:
Где власть межъ всѣхъ уравнена,
Тамъ въ вѣчномъ спорѣ страсти.

„Где не слилася власть въ одномъ,
Могущемъ, для боязни,
И поощренія — съ судомъ —
Творити мзду въ казни,
И въ санѣ достоинствъ облекати:
Тамъ слабый членъ правленья
Невольно осужденъ блуждати
По безднѣ треволненія.
О, будь же въ васъ одинъ Вождомъ!
Досель вы были равны:
Огсемъ ему въ пути святому
Вручите скіпѣтъ державный.”

Умолкъ благочестивый мужъ.
Но где, Небесна Сила!
Где ты не проникала душъ?
Ты старца вдохновила;
Ты рѣчь его въ сердцахъ вождей
Глубоко начертала,
И змысли спасительну для всей
Дружини указала.
Вильгельмъ и Гельфъ — дотолъ имъ
Всѣхъ большии виды лъстили —
Готфреда первымъ своимъ
Вождемъ превозгласили.

Ихъ гласъ быль всѣхъ сердецъ отвѣтъ;
И полныи умиленья,
Готфреду витязей совѣтъ
Вѣряетъ жезль правленыи,
И власть — рѣшить, повелѣвати
Другими въ ратномъ полѣ.
Законы пленныхъ налагати
И братья вести по волѣ.
И быстро рознеслась кругомъ
Стогласною мольбою
Громова вѣсть: „Готфредъ Вождомъ,
Готфредъ вождей главою!”

И онъ предсталъ полкамъ; вся рать
Восторгомъ встрепетала;
И на чель его печать
Велитія сіала.
Пріянъ привѣтствіе подковъ
Съ повагою спокойной,
Отвѣтствуетъ имъ лаской словъ
Вождя — вождей достойной.

*Приближениe крестоносной
рати къ Ерусалиму.*

Уже вспорхнувшій вѣтероѣ
Аврору пробуждастъ;
Уже изъ райскихъ розъ вѣнокъ
На ней благоухаетъ;
И въ путь весь станъ уже готовъ,
Весь станъ въ доспѣахъ ратныхъ.
Раздался говоръ голосовъ
И громкихъ и невнятныхъ;
И въ скрѣ граниулъ трубный глаstъ,
Возвѣстникъ новыхъ боевъ;
И радость быстро разлилась
Въ волнахъ шумящихъ строевтъ.

Готфредъ по опыtamъ мудрецъ,
Смигаетъ ихъ волненіе
И укрощаетъ жаръ сердецъ,
Удобнѣй водѣ стремленье
У Сциллы свратитъ съ пути,
Сдергатъ вѣтру пустынныі,
Когда онъ мчится потрясти
Кремнисты Апенины
И въ бездну вкинути суда.
Всѣхъ чувство движетъ ново;
П и нетерпѣнью ихъ узда —
Одно Готфреда слово.

И всѣхъ стопы, и всѣхъ серда
Желанье окрыляло,
И нѣть желанію конца.
Но только солнце встало
Вверху небесной синевы
И полдень розигрался, —
Завидѣли церквей главы
И градъ имъ открывался:
И взоръ къ тебѣ, Ерусалимъ,
Прищельцы приковали!
Ерусалимъ! Ерусалимъ!
Стократъ они взывали.

Такъ смѣлая толпа пловцовъ,
Влекомыхъ силой страсти
Искати чужихъ береговъ
Въ далекой мїра части,
Блуждаетъ долго по морямъ,

Конча пути не зная;
Но лишь достигнетъ, но трудамъ
Желаемого края, —
Привѣтствуетъ его стократъ;
Сердца восторгомъ полны;
Забыты скорби въ часъ отрадъ,
Забыты грозны волны.

Но первый взглядъ, восторгъ Небесъ
Навѣявшій на рати,
Розсѣялся; восторгъ исчезъ
Въ минуту благодати:
Въ сердцахъ проснулись — и укоръ,
И страхъ, и сокрушенье;
Едвазвести дерзаютъ взоръ
На градъ, Христа селенъ,
Где, гость земли, Онъ привиталъ,
Где умеръ, преданъ гробу,
И въ свѣтломъ торжествѣ возсталъ,
Поправши ада злобы.

И шумъ едва слышимыхъ словъ
Прерывисты кляки,
Плачевный вздохъ, молебный зовъ
И стонъ и говоръ дикий
И гласъ веселья и скорбей —
Льють гуль глухій въ долины
И потрасаютъ емпирей.
Такъ вѣтъ, съ деревь вершины
Въ дубравѣ выеть вѣковой;
Такъ море вѣроломно,
Дробачись о утесь крутый,
Въ пустыняхъ стонетъ томно.

Идутъ, — стопы обнажены
Ведомыхъ и вожатыхъ;
Всѣ украшенья сложены,
И шлемовъ нѣть пернатыхъ;
Не блещетъ злато при бедѣ
И шелкъ не нѣжитъ тѣла;
Весь міръ забыть, всѣхъ мысль горѣ —
На небо возлѣла;
Всѣхъ очи пламень слезъ струятъ;
И, полны благодати,
Въ холодности себе винятъ
Ростроганныя рати.

Изъ Аристовой поэмы:
„Неистовый Орландъ.”

*Грифонъ сражается
въ турнирѣ.*

Теперь займусь Грифономъ я.
Онъ видитъ, что въ турнирѣ
Изломано не два коша,
Не три и не четыре,
А болѣе; тамъ въ осмеремъ
Сражаются героя,
И всѣ любимы Царемъ,
И всѣмъ знакомы боя,
Все молодцы и всѣ своей
Породой знамениты:
Кто Князь, кто Царь, кто сынъ Царей, —
И славой всѣ повиты.

Они поочередно всѣхъ
На битву вызывали,
И будь у сихъ, и будь у тѣхъ
Побѣду похищали.
Такъ тѣшили они Царя,
И Царь съ радостнымъ чувствомъ,
На милыхъ рыцарей смотря,
Плѣнялся ихъ искусствомъ.
И скоро розгорялся бой
Якъ на враждебномъ полѣ, —
Тогда онъ знакъ давалъ рукой,
Бой не тревожа ужъ болѣ.
Мартанъ, такъ звался мимый братъ
Коварной Оригиналы,
Мартанъ тѣмъ разомъ былъ и радъ,
Въ бою свѣдати сиды.

Глупецъ! якъ будь — то отъ того,
Что съ нимъ Грифонъ могучай,
Геройство перешло въ него,
И жарь души кипучай!
Онъ ждетъ, пока своей чредой
Два избранныхъ героя,
Персбровшись межъ собой
Оставлять поле бол.
Одинъ изъ сихъ, и ото быль
Властитель Селевкиды; —
Копьемъ Омбруна поразилъ
Въ лице изъ подъ егиды;
И отъ Омбруна отлетѣль
Довременно духъ жизни.
Народъ о витязѣ жалѣль, —
Онъ былъ краса отчизны;
Якъ человѣкъ и якъ герой
И якъ велиможа чудный,
Онъ первымъ былъ въ странѣ родной —
Въ Сиріи многодюдной.
Тутъ страхъ Мартономъ овладѣль :
Что если то — жь случится
И съ нимъ?... И онъ уже хотѣль
Въ позорный бѣгъ пустится.
Грифонъ, который принимать
Участье въ немъ живое,
Все наставаль и наставаль,
Чтобы онъ явился въ бой.
Мартанъ въ арену, — хоть не радъ
И — грусиль въ тихомолку:
Такъ робкій песь, когда велатъ,
Идеть на встрѣчу волку.

Но пять прижковъ — и, поднявъ лай,
Стоялъ, — въ передъ ни шагу;
Увидя волка невзначай,
Терялъ онъ отвагу;
И очей пламя, лоскъ зубовъ —
Все страхъ ему наводить.
Капитъ въ турнирѣ рой бойцовъ!
Мартанъ въ арену входить; —
И страхъ его оледнилъ,
Онъ не владѣлъ собою;
И вотъ кони поворотилъ,
И очи скрылъ рукою.

Не силь ли конь его умчалъ
Завидѣвши арену?
Зачѣмъ же мечъ въ руцѣ дремалъ?...
Нѣтъ, нѣтъ!.. и Демосѳену
Не удалось бы оправдати
Мартана въ тую пору.
Онъ не постыдѣлся меча поднять
И стать противъ напору.
Въ турнирѣ смѣхъ, а онъ бѣжитъ:
Завыла оборона;
Якъ будь — то шлемъ, броня и щитъ
У труса изъ картона.

О пемъ всюда забавный толкъ;
Надѣя нимъ народъ смѣется,
А онъ впередъ, якъ съ травы волкъ,
Бѣжитъ, не обернется.
Бѣжалъ, бѣжалъ и добѣжалъ
Усталый до посторон.
Грифонъ все видѣлъ и страдалъ,
И стыдъ томилъ героя.
Его товарищъ осрамленъ,
Осьмѧнъ всенародно;
Якъ на огнѣ горить Грифонъ
И не вздохнетъ свободно.

Позоръ товарища считалъ
Онъ собственнымъ позоромъ, —
И мимовольно измѣрялъ
Арену смутными взоромъ;
Народъ могъ думати о немъ,
Что думалъ о Мартанѣ.
Готовясь въ битву, обо всемъ
Розмыслилъ онъ заранѣ;
Неловкій крокъ, недовкій взмахъ
И сгиблъ все въ ягновеніе...,

Такое трусь — Мартанъ въ умахъ
Оставилъ впечатлѣніе.

Въ турнирѣ было той порой
Два брата — два героя
Тирисъ съ Коринбомъ; ихъ красой
Считали въ вихрѣ боя;
Грифонъ къ Тирису, и сорвалъ
Несчастного со стремня,
И на Коринба ужъ напалъ,
Занесши мечъ на темя.
Ужъ вскорѣ предъузналъ народъ
Кому вѣнецъ завидный
Чело веселое увѣть
И кто падеть постыдно.
Вотъ Салингеръ выходить въ бой,
Скупый казиохранитель
На схваткахъ пламенный герой
И войска предводитель;
Онъ и понити то не могъ,
Ему досадно было,
Что пристать въ дарь побѣдъ залогъ
Пришелъ, могущій силой.
Онъ, поднявши конь, грозятъ
Съ далека ужъ Грифону
И, вдаривши коня, летить,
И колегъ безъ пардону:

Грифонъ надежное конье
Схватилъ у стремянного
И, мужество призвавъ свое,
Изъ — за щита стальнаго
Ударилъ Салингерна въ грудь;
Копье, пробивши латы,
Нашло себѣ сквозь тѣло путь,
И паль дружинъ вожатый,
Народъ въ душѣ благодарили
Пришельца — паладина!
Народу менавистенъ былъ
Любимецъ Норандина.³⁾
За шия Кармондъ и Ерофиль,
Дамасскій граждане,
На землю рухнули безъ силъ.

³⁾ Норандинъ, Царь Дамаска, для забавы которого отбывались тііи рыцарскіи сраженія въ турнирѣ.

Одинъ на океанѣ
Другой на сушѣ быль воажденъ
Ограда боевого;
Одинъ легонько снять копьеъ
Съ стремени золотого;
Другой подъ тяжестью коня,
Не спесшого напора,
Въ послѣдний разъ сіньеять дни
Насытилъ жажду взора.

Царь Селевкійскій, только онъ
Изъ осмерыхъ остался;
Онъ лучшіе быль вооружень,
И конь ему достался
На долю лучшій, чѣмъ другимъ
И самъ онъ всѣхъ сильнейшій.
Грифонъ же выступилъ, и съ нимъ
Бой началь опаснейшій.
Сразились; тотъ и тотъ даетъ
Удары на забрало,
Но вѣрный чаще верхъ беретъ,
Все въ немъ грозой дышало.

Прочь кошья; мечъ о мечъ стучитъ;
Бойцы пылаютъ жароязъ.
Грифонъ въ Царя, — и щигъ трещитъ
Подъ роковымя ударомъ;
Оправа въ дребезги съ щита,
Летяты обломки стали.
Когда бы латы были тѣ

Отдѣлки малоцѣнной,
Ударъ, отдавшись на щигъ,
Поранилъ бы колѣно.

И Царь ударилъ въ тотъ же мигъ
Соперника въ забрало,
И вѣрно бы Грифонъ притихъ,
Забрала бы не стало;
Но очаровано оно
Фею было Бѣлою,
И подъ ударомъ ни одно
Звено не отлетѣло.
Грифонъ удары розсыпалъ,
И у Царя то латы
Мечемъ могучимъ розсѣкаль,
То шлемъ дробилъ пернатый.

Всѣ видѣли, кто изъ двоихъ
Былъ первый въ спорномъ полѣ,
Кобъ продолжался бой у нихъ,
Царя не остало бѣ болѣ;
Но чрезъ Герольда Норандина
Велѣгъ имъ розойтися;
И Царь въ пришлый пажадинъ
Мгновенно розошлися.
Безъ перевѣса тотъ и тотъ
Упорный бой оставилъ;
И Норандина весь народъ
Единодушно славилъ.

Изъ Мильтонова: Потерянного Рая.

Обращение къ Музъ поета - слыпца.

Хвала, о Музы, вамъ! я зреъ селенъ звѣздны;
Безстрашно пизходилъ въ подземны адски бездны:
Дерзну парити вновь въ священный емпирей;
Въ пространство вѣчное лазоревыхъ полей.
И небо я хочу узрѣти, міръ блаженный,
Свѣтломъ золотымъ согрѣтый, озаренный.
И се, я чувствую огонь лучей его,
Но свѣтъ угаснулъ ихъ для ока моего:
Зѣпцы тускны во тмѣ ночной врачаю,
И солнце средь небесь надармо зреъ желаю.
Увы! не посѣтить оно моихъ очей;
Мой не увидить взоръ златыхъ его лучей!
Но ты, пріятелька, божественная Муза!
Ты не прервешь со мной священного союза;
Не перестанешь гласъ мой слабый оживляти,
Когда я буду пѣснъ сватую воспѣвати.
Скитаюсь по горамъ, до облакъ вознесеннымъ;
Среди густыхъ лѣсовъ, по берегамъ зеленымъ
Не наслаждаюсь я уже ихъ красотой;
Въ одномъ безмолвіи бесѣдуя съ тобой.
Мѣста, живившія мой томный духъ смущенный,
Гора Сионская, и ты ручей священный,
Что при стопахъ ея такъ сладостно журчишь,
И чистую лазурь межъ кустами котишишь,
Васъ часто, о мѣста, я съ Музой посъщаю!
О мужи славныи, васъ часто призываю,
Слѣпцы, живущіи во громкихъ звукахъ миръ,
Терезій, Тамирись, божественный Омиръ!
Однимъ несчастіемъ я съ вами только равенъ;
Но, ахъ! подобно вамъ чему и я не славенъ?
Такимъ мечтаніемъ духъ томный напитавши,
И силу новую воображеню давши,

Вселенны чудеса я Музой воспѣваю
И огнь души моей въ сихъ пѣсняхъ изливаю.
Такъ скромный соловѣй въ ночной безмолвный часъ,
Сокрывающійся въ мракѣ лѣсовъ, лѣтъ свой сладкій глашъ.
И тодѣ, и день, и ночь — все снова возвратится;
Но для очей моихъ свѣтъ дна не возвратится.
Мой взоръ не отпочинетъ на зелени холмовъ;
Весна моя безъ розъ, и лѣто безъ плодовъ.
Увы! я не узрю — ни синихъ водъ безмѣрныхъ,
Ни утреннихъ лучей, ни пурпуровъ вечернихъ,
Ни богомужнаго и кроткого лица,
Въ чертахъ котораго мы образъ зришь Творца.
Во тщѣ красуются цвѣтовъ различны роды;
Исчезли для мене всѣ красоты природы;
И небо и земля покрылись страшной тьмой,
И книга дивная закрылась предо мною;
Все пусто, вѣчно все ночью поглотилось,
И солнце для мене на вѣки закатилось!
Простите на всегда, науки и труды,
Сокровища искусствъ и мудрости плоды:
Сокровищемъ искусствъ я больше не пльюся,
Плодами мудрости уже не наслаждауся, —
Все скрыла ночь! Но ты, любимица небесь,
Сойди на помощь миѣ, росторгни мракъ очесь,
Всего ты освѣти мене огнемъ пебеснымъ,
И не остануся въ потомствѣ безъизвѣстнымъ,
Открывъ безрепетно въ священной пѣсни сей
Сокрытое до лиесъ для смертного очей.

Изъ Дантова Ада.

Пѣснь IV.

Въ главѣ моей глубоко усыпленной
Внезапный громъ раздался: я вскочилъ,
Якъ человѣкъ престрахомъ пробужден-
ный. ^{o)}

^{o)} Поеть пробуждается у бездны ада,
къ которой перевезенъ быль Ха-
рономъ и ва краю которой онъ палъ
безъ чувствъ якъ усыпленный.

Кругомъ себе пристально я водилъ
Пытливый взоръ, покоемъ освѣженный,
Желаю знати мѣсто, где я быль.

Подъ нами внизъ спускали бездны склоны;
Злой скорбью бездна та была согрѣта,
И въ вѣчный громъ ея сливавшися стомы,
И глубина ея была безъ цвѣта:
Мой острый взоръ якъ ни пытался дна,

На что участи не пашель предмета.

„Подъ нами адъ — слѣпая глубина!
Сойдемъ же въ ню, я первый — ты за мною.“
Вождь *) рекъ и стала блѣднѣйший полотна.

Замѣтилъ то, я съ трепетной душою
Къ учителю: „когда робѣешь ты,
То чѣмъ же я свой трепетъ успокою?“

И онъ въ отвѣтъ: „даремы суэты!
При видѣ безды сей многострадальной
Мою тоску, за трепетъ принялъ ты.

„Идемъ, идемъ: нась путь торопитъ даль-
ний!“

Такъ говоря, мы вмѣстѣ съ нимъ вступали
Печальной безды въ кругъ первопачальный;

И тутъ, когда прислушиватись стали,
Тутъ не быль плачь, не вопли муки, но
Вздыханья вѣчныи воздухъ волновали:

Отъ скорби безъ мученій было то;
И скорбю той минуты, жены, дѣти,
Всѣ возрасты страдали за одно.

Вождь рекъ мнѣ: „не пытались ты, кто тѣ
дѣти?

И почему вздыханьемъ ихъ пѣть мѣры?
Грѣху они не попадали въ сѣти:

„Межъ ними суть и доблести призѣры,
Но яло то: они не крещены
И не прошли вратами вашей Вѣры.

„Предъ Христіянствомъ въ мірѣ рождены,
Для свѣтла Истины смыкали вѣжды:
Я въ ихъ семы, участникъ яхъ вины.

„Мы здѣсь живемъ — несчастныи неизѣжды,
Погибши незнаньемъ: нашъ удѣлъ
Томитись все желаньемъ безъ надежды.“

Отъ словъ его я сердцемъ заболѣль,
Когда среди страдающаго лика
Мужей, вѣничашыхъ доблестью, узрѣль.
„Скажи, скажи — учителъ и владыка,“

*) Вождемъ есть тутъ древній постъ
Виргилий, сопровождавшій Данта по
адѣ.

Рекъ я, желая вѣдати точнѣй,
Сколь Вѣры нашей власть была велика.

„Возмогъ ли кто заслугою своей
Или чужой, отсель въ предѣлы Рая?“
Проникнувъ въ тайный смыслъ моихъ рѣчей,
Онъ далъ отвѣтъ: „здѣсь вновѣ быль то-
гда я,

Когда низшелъ Могучій Постѣтитель,
Побѣдоносныи знаменемъ сіая. °)

„Съ нимъ отошли и первый нашъ Родитель,
И Авель — сынъ его и Мойсей,
Народа вождь и Господа служитель,

„Ной, Авраамъ, Давидъ — примѣръ Царей,
Израиль самъ съ семьей благословленной,
Съ отцемъ слѣпымъ, съ Рахелю своей,

„И многихъ къ жизни Онъ возвель бла-
женнѣй:
А знали нужно, что до тѣхъ Святыхъ
На свѣтѣ не было души спасенной.“

Такъ бесѣдуя, мы шаговъ своихъ
Средь сонма душъ ничѣмъ не прерывали,
Якъ густыи лѣсь прохода тѣли ихъ.

Путь не далекъ отъ края мы свершали,
Когда вдали огонь увидѣть и,
Лучи которого потмы пропали.

Хоть на мене не падаль блескъ огня,
Но могъ я зреТЬ ужъ, что въ толь же мѣсть,
Была мужей почетная семы.

„О ты стяжавшій всѣ познаній честія!
Скажи — кто тів? Имъ за что почетъ?
За чѣмъ одни, а не съ другими вмѣстѣ?
Онъ отвѣчалъ мнѣ: „тамъ где міръ живеть,
Звѣшитъ о нихъ прекрасная молва,
Которую и Небо признаеть.“

Межъ тѣмъ въ мой слухъ ударили слова:
„Воздайте честь великому Поету:
Вотъ тѣнь его обратно къ намъ пришла,“

*) Виргилий умеръ по инымъ 19. лѣтъ
до Р. Х., а по другиимъ, въ третомъ
году по Р. Х.

Гласть смолкъ — и памъ, ко встрѣчому
привѣту ;
Явилось четверо: по ихъ чертамъ,
Ни радости, ни скорбія примѣту.

Не могъ найти. Учитель началъ самъ :
„Смотри, — вонъ тогъ, что впереди якъ
главный,
Съ нечемъ въ руцѣ, идетъ на встрѣчу намъ ;

„То самъ Гомеръ — Поетъ самодержавныи,
За ниять Гораций, тутъ Овидій стройныи,
Въ концѣ Луканъ, Фарсалію славныи,

„И якъ изъ нихъ по праву и достойно
Со мною каждый званье роздѣляеть,
Мене честагъ — и такъ оно пристойно.“

Тутъ я узрѣлъ, який вѣнецъ сплетасть
Семья пѣвцевъ вкругъ своего Царя,
Что надъ другими якъ орель летаетъ.

Недолго межъ собой поговоря,
Они ко якѣ привѣту свой обратили:
Мой вождь, мене усышкой подаря ,

Къ нимъ ввѣль: они тогчась благоволили
Мене въ свое собраніе приняти (чили).
И въ ихъ премудрый сонъ шестынь вклю-

Мы шли къ огню, ведя слова опять ,
О нихъ же умолчати тутъ прекрасно,
Я было тамъ прекрасно ихъ сказати.

Предъ нами замокъ рисовался ясно;
Семь стѣнъ его семь разъ оболокли;
Кругомъ ручей журчалъ уныло — гласно.

Но мы ручьемъ якъ по суху прошли;
Семью врагами въ стѣны необъятны
Вступивъ, узрѣли на коврѣ земли

Сонъ новыи тѣней, величавыи, златыи;
Ихъ очи медленныи, поважны были,
Слова немноги, голоса прѣпты. ^{*)}

Мы къ сторонѣ нарочно отстушили;
Чтобы на свѣтломъ мѣстѣ и высокомъ
Узрѣти всѣхъ, которыи тамъ были.

Тутъ на емайловомъ лугу широкомъ

^{*)} Тѣяя словами описанъ у Данта характеръ мужей міра древняго.

Явился миѣ великихъ душъ соборъ :
Якъ вспомню ихъ, душа книгъ потокомъ !

Електру видѣлъ я — и съ нею хоръ
Троянъ и Грековъ — Гектора, Енея ;
Таѧ Цезаря сверкаль орлиниий взоръ.

Камила тутъ была, Пентезилея
Съ другой страны, и древній Царь Латинъ,
Дочь при себѣ Лавинію имѣя. ^{*)})

Таѧ первый Брутъ, свободы дикой сынъ,
И Римскихъ жены сіала тутъ краса ;
Вдали одинъ былъ видѣнъ Саладинъ.

Лишь только выше поднялъ я глаза,
Смотрю: сидитъ въ премудромъ окруженьи,
Всѣхъ мудрецовъ учитель и глава. ^{**))}

И весь ему несутъ благовоніе.
При немъ Сократъ, и ученикъ Платонъ,
А прочіи въ пристойномъ отдаленіи.

Тутъ Демокритъ, кому весь міръ есть союзъ
И случай править отъ начала вѣка;
Анаскаторъ, Емпедокль и Зенонъ ,

И Диогенъ, искашій человѣка,
Діоскоридъ, природы свойствъ пытатель,
Фалесъ, Орфей и нравственный Сенека ,

Евклидъ и Птоломей, земли познатель ,
Ипократъ, Галенъ и Аверроѣ,
Великого великий толкователь. ^{***)}

Я не могу припомнити весь строй;
Къ тому же и трудъ мене впередъ заводитъ:
Для дѣла словъ недостаетъ порой.

Тутъ сонъ вѣнцемъ отъ насъ ужъ отходитъ:
И зъ міра тихого мене посты
Въ міръ, вѣтрами волниуемый, уводить :

Иду туда, где тьма покрыла свѣтъ.

^{*)} Камила; воинственная дочь Метаба ,
цара Волковъ; Пентезилея, царица
Амазонокъ, убитая Ахилломъ.

^{**))} Аристотель, который въ середній вѣкъ
пользовался найвысшимъ почитаніемъ.

^{***)} Коментарій Араба Аверроѣ на Ари-
стотеля былъ ручною книгою ученыхъ
среднаго вѣка.

ЕПИЧЕСКО-ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЕЗИЯ.

I. Идилія.

Рыбаки.

(Переводъ изъ Теокрита.)

Повѣрь, Диафанъ, мнѣ: лишь бѣдность рождаетъ искусства :
Вина трудолюбія, бѣдность прямой нашъ учитель !
Якъ скоро заботы вокругъ изголовья тѣснятся,
Тогда мы не вѣримъ пріятнѣмъ ласканіямъ нѣги !
Едва зарумянится небо зарею,
Гласть нужды раздастся — и сонъ улетаетъ !
Два рыбари, старцы, вкушали спокойствіе ночи
На хладной соломѣ, подъ кровомъ, изъ лозъ соплетеннымъ,
Склоняся главами на пучки изъ вѣтвей зеленыхъ
Кругомъ ихъ лежали орудья ихъ жизни печальной :
Ловитва для рыбы — кошницы изъ гибкія вербы ;
Садки для храненія — обманчива пленника вольность ;
И верши коварны, горой у склонъ взгромождены ;
Розкинуты сѣти, и неводъ еще не готовый,
И длинныя лѣсы, и удочки съ пищею смертной ,
И верви, и восла, и лодка увязшая въ тинѣ.
Два бѣдныхъ платья, котомка со шапкой взорваной
Висѣли на гвоздѣ : вотъ все ихъ наслѣдно имѣніе ,
Вотъ все ихъ богатство ! ни ложекъ, ни чашъ деревянныхъ ,
Нѣть даже собаки, надежного стражи ночного ;
Не знали сосѣдей; сосѣдъ ихъ единое море ,
Которого волны , ласкаясь , почти досягаютъ
До хижины бѣдной. Еще , украшеніе мрака ,
Луна не свершила пути своего половины :
Любезна робота уже возбуждаетъ, тревожить
Покой рыболововъ. Встаютъ — отрасаютъ отъ вѣждей

Послѣднію дремогу ; и вскорѣ гласть раздастся
По зыбкому берегу. Ахъ ! сладостно утро въ робогѣ !

Одинъ изъ рыбаковъ.

Такъ ! нась обманули, товарищ ! сказали что ночи
Начнуть сокращатись , якъ скоро Зевесъ соизволить
Веселос послати къ намъ лѣто отъ горячаго свода.
Авроры не видно ! . . . а сколько я зрѣль сновидѣй !
О тяжкое время ! скажи, что ночь удержало ?
Скажи — я обманутъ . . .

Другій.

Ты лѣту не радъ , товарищу ! —
Повѣрь, времена вѣтъ текуть одинакой чредою ;
Тебе постыдили мечты , заботой рожденны :
Вотъ тайна — спокойся !

Первый.

Согласенъ съ Тобой , товарищу !
Ты , знаю , умѣешь сны разгадывать невнятны .
Я видѣлъ прекрасный , отъ друга его не скрываю !
Мы рыбы дѣлили , раздѣлили съ тобою сновидѣнья ;
Ты розумъ имѣешь ; сны толковати — не пустое !
Теперь же есть время ; и море бѣгаетъ волнами ,
И сонъ удалился. Почто намъ лежати безмолвно
На хладной соломѣ ?

Другій.

Скажи мнѣ твой сонъ по порядку.

Первый.

Когда , окончивши работы вечернія , сладко
Заснуть на соломѣ (нашъ ужинъ былъ весьма умѣренъ !)
Коль занять трудами , всегда я въ пищѣ умѣренъ ;
Мы такъ ужъ привыкли : заснуть я , и вдругъ мнѣ приснилось :
Что , сидя на брезѣ , ловилъ я быструю рыбу ;
Стадами металась , сребрилась въ водѣ чешуею !
За уодъ кидаюсь (на деревѣ близнемъ висѣла) —
Готова и пища , соблазни безсловесныя твари.
Послали . . . ожидаю. Якъ песь во снѣ ловить зайцевъ ,
Такъ рыбу мы ловимъ. Дрожитъ поплавокъ мой и тонѣтъ ;
Влеку . . . кровь лиласи . . . погнулся отъ тяжести прутникъ . . .
И прутъ опускаю . . . кипѣла вода предо мною . . .
Стремлюсь руками схватити ; — но если укуситъ ? —
Что пужды ! отважусь . . . укусить , що будетъ иною !
И бой начинаю ; весь ужасъ прошаль въ ту минуту.
Извлекъ ! — Чгожъ увидѣлъ ? — Ахъ ! злато , чистое злато
Движется на мягкой травѣ. И вѣ трепетѣ сердца
Вѣщаю : не ты ли дорогой любимиче Испуганъ ?

Не ты ль украшенье прелестной дщери Нерса?
Такъ точно! и тихо его отдаю отъ уды,
Чтобъ не было злата такъ долго въ подданствѣ желѣза!
Простершись на брезѣ, оно засыпаетъ.
Любусь добычей, клануся и всѣла богами,
Оставил море, и въ градѣ на вѣкъ поселились,
Блистая богатствомъ и славою, якъ горды владыки.
И здѣсь я проснулся, товарищъ! Кланусь, сказаъ правду.

Другій.

Спокойся, что въ клятвѣ? безъ нужды, нечестіе клятва!
Товарищъ, всѣ рыбы златы — обманчивый призракъ!
Теперь ты не соиний: смотри, где играла добыча,
Тамъ нѣтъ ничего . . . Ахъ, неслушай коварныхъ желаній!
Мы терпимъ голодную смерть, и видимъ сны золоты! . . .

Титиръ и Мелибей.

(изъ *Виргилія*)

Мелибей.

Покояся въ тѣни подъ зыбкимъ сводомъ ивы,
Пастухъ, сливаешь ты свѣрѣнъ звукъ игривый
Со гласомъ сельскихъ Музъ! . . . Ты весель, другъ! . . . а я —
Оставилъ родину, любезный край,
Отечества бѣгу! . . . подъ тѣнью безопаснай
Ты учишь птицъ лѣсы о Дельнѣ прекрасной,
И рѣзвый гуль въ дали твердить сю стократъ . . .

Титиръ.

О Мелибей, есть богъ, податель сихъ отрадъ! . . .
И будеть онъ мой богъ! Его олтарь священный
Баранокъ съ матерью лишь только розлученный
Здѣсь будеть кровью свою омывати:
Взгляни на свѣтлый лугъ — къ чemu другихъ искати? —
Тутъ стадо, тутъ пою, тутъ съ ровными рѣзвыюся:
Ему обязанъ всѣмъ.

Мелибей.

Безъ зависти дивлюся!

Куда ни обратись, гроза во всѣхъ мѣстахъ!
Слушаются поля! . . . Я сажъ, при сѣдинахъ,

И дрихль и слабъ, влекусь за тощими овцами;
А тую чутъ веду . . . бѣдняжка, подъ кустами
Теперь лишь двохъ ягнѧтъ несчастно родила;
На нихъ то вся моя надежда и была!
Якъ вгадати бѣду! а молвій не даромъ
На дубы древніе спускалися съ пожаромъ!
Не дармо вѣцій вранье даль голось надо мной . . .
Но, Титиръ, кто сей богъ, хранитель - гений твой?

Т и т и р ъ.

Ахъ, якъ же я былъ простъ! послухай для забавы:
И думалъ, городъ сей, о коемъ столько славы,
Что Римъ всѣ зовутъ, похожъ на нашъ родный,
Куда гоняли мы ягнѧтъ своихъ съ весны.
Такъ ровнымъ матери козленокъ мнѣ казался.
Такъ малое съ большими ровнятъ и пріучался.
Нѣть! Римъ среди градовъ такъ высится главой,
Якъ гордый киарисъ надъ низкою травой . . .
Но въ Римѣ, Мелибей, мой богъ, мое спасенье!
Но въ Римѣ видѣлъ я того, кому отъ насть
Курята олтаря въ году дванадцать разъ.
Со взоромъ кротости онъ видалъ мое моленіе:
Не бойся, мнѣ вѣщаль, съ тобой твое владѣніе!
Здѣсь скотъ свой розводи, сюда гоняй стада!

Медибей.

И такъ, твои поля съ тобою павсегда,
О счастливый пастухъ! Скажи, чего же болѣй?
Когда луги другихъ, забыты по неволѣ,
Лишь камень кажутъ намъ, лишь терномъ поросли:
Все вокругъ тебе цвѣтѣть! И предный плодъ земли
Не будетъ пищею агнать поворожденныхъ;
Ни язва не придетъ отъ стадъ къ намъ зараженыхъ!
Жестокой браны кликъ не возгримитъ въ твой слухъ;
Не придетъ злобный врагъ, о счастливый пастухъ:
На красныхъ берегахъ спокойныхъ рѣкъ родимыхъ,
Близъ крова милого, въ тѣни деревъ любимыхъ —
Тамъ радости твои! Шагъ ступиши — и лѣсокъ;
Здѣсь перелетный рой, спускаясь на лужокъ,
Жужжаніемъ къ тебѣ сонъ сладкій призываешь;
Здѣсь пѣсни пѣжныхъ садовникъ напѣваешь;
И голуби твои, утѣха юныхъ днѣй,
Воркуютъ о любви надъ хижиной твоей!

Титирь.

Пусть прежде робка лань, забыв молниевыны,
Для паства воспарить въ обители воницы.
Пусть прежде, измѣнивъ родительскимъ поэзмъ

И странствую по всѣмъ вселенныя концамъ,
Пѣть Германъ Тигровы, а Пароѣ Аарски воды;
Пусть прежде премѣнять жилище всѣ народы:
Не измѣнююсь — ему вся жизнь посвящена!

Мелибей.

А намъ изгнаникамъ — где смерть намъ суждена?
Мы, сирьи, влечемъ тяжело бремя горя —
Иль въ Ливію, иль въ Кипръ; пройдемъ ровинны моря —
Въ безвѣстный, новыій міръ — въ Британскій лѣса! . . .
Ахъ! если нѣкогда позволять небеса
Еще хоть разъ одинъ лѣсъ взрѣти знакомый
И бѣду хижину, подъ кровлею съ соломы:
Что, что тогда пайду на пивѣ я родной?
Колосьевъ нѣсколько, подавленныхъ травой!
Якъ! лучшія поля, трудовъ, рабочая тракта!
Добычей станутся пришельца супостата?
Добычей варвара — и жатва, и плоды? . . .
О ищеніе боговъ, гражданскія вражды!
Теперь трудись нашъ братъ, при холодѣ, при зною!
Теперь то, Мелибей, розаживай въ спокою
Свой добрый виноградъ, хранимый для дѣтей . . .
Ступайте козы, вы, отрада лучшихъ дней,
Счастливый прежде скотъ! ступайте . . . нѣть ужъ болѣ,
Сидя въ прохладѣ древъ, въ безнечности, на волѣ,
Не буду видѣть васъ, любуясь издали,
Висящихъ на краю тѣнистыя скалы! . . .
Прости, цвѣтущий край! вы, пѣсенки, простите! . . .
Что, козы бѣдныя, что томно вы глядите?
Нѣть! вы не будете уже въ очахъ моихъ
Счинывать листы кусточекъ молодыхъ! . . .

Титиръ.

Постой, куда бѣжишь? я плачу самъ съ тобою!
Чѣмъ бѣдному помочь? Останься здѣсь со мною!
Всѣмъ радъ, что богъ послалъ. Есть яблока у насъ,
Каштаны, добрый сыръ; теперь покоя часть!
Смотри: уже туманъ вдали сталъ подниматься
И тѣни, съ горь склонясь, длиннѣ становятся.

BIBLIOTEKA
MUZEUM W PRZEMYSLU
Plac Czackiego 3

II

ЕПИЧЕСКО - ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЕЗІЯ.

I. Идилій.

Рибаки (Переводъ изъ Теокрита)	52
Тигиръ и Мелибей (изъ Виргилія)	54
Тирсисъ	57
Црнъ (Переводъ изъ Клейста)	58
Нутешественникъ и Поселенка (изъ Гете)	61
Утренняя звѣзда	64

II. Балады.

Едуардъ (старинная Шкотская балада)	65
Лѣсный Царь (изъ Гете)	66
Канутъ и его придворный	—
Воздушный Корабль	67
Графъ Габсбургскій (изъ Шиллера)	68
Вѣрный конь (Сербская пѣсня)	70

III. Историческая Дума.

Велисарій	—
Смерть Олега	71
Похороны Олега	72
Кудесникъ	74
Ослѣпленный Василько (Историческая Дума списана на старинный ладъ)	—
Евпатій	75

IV. Притчи.

Судъ закона и милость благодати (Притча изъ священнаго писания)	76
Гроза въ Храмѣ	77
Угѣштель	78
Пророкъ	—
Смотрѣ крестовъ (изъ Хамисса)	79
Вечерь на Рождество	80
Ненасытимость человѣческихъ желаній	81
Мудрецъ Керимъ	83
Три други (изъ Тальмуда)	86

V. Повѣсти и Сказки.

Сраженіе со змѣемъ (изъ Шиллера)	—
Чернецъ (Урывокъ)	90
Недѣльное утро въ селѣ	91
Солнце и Мѣсяцъ	92
Овсяный кисѣль	93
Молитва сиротки	94
Насъ семеро	—
Схватка	96

III

Мой товарищ (изъ Удина)	97
Ходящій звонъ (сказочка изъ Гете)	—
Зникающійся рекрутъ (сказочка изъ Кастелія)	98

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЕЗИЯ.

I. Иины и Оды.

Богу (соц. М. Рейниса Фейта. Перевѣдь съ Голландскаго)	99
Хвали Творца!	100
Пѣснь Мойсеева при прохожденіи Чернаго моря	—
Псалть 64	101
Псалть 45	102
Спасителю	—
Подражаніе Іову	103
Хвала	105
Подражаніе псалму 14	—
Всемогущество	106
Изъ Богу	—
Гласъ къ Господу (псаломъ 76)	109
Горе и благодать (псаломъ 77)	100
Исканіе Бога (III кн. Царствъ, гл. 19. 11 - 13)	—
Благовѣщеніе	111
Молитва	—
Человѣку	112
Псалть 136	—
Молитва пѣвца	113
Псаломъ весняный	114
Тебѣ Бога хвалимъ	115
Слава во вышнихъ Богу	—
Привѣтствіе Е. В. Арх. Каролю Людвіку на прибытіе его до Галичини 1853 г.	116
Во память бракосочетанія Е. В. Ц. Францъ Йосифа съ Баварскою кн. Елизаветою	117
Къ Радости (изъ Шиллера)	—
Музика (Кантата)	119
Молитва во время сраженія (изъ Кернера)	120
Къ Меценату (Ода I. Горациі)	—
Къ Цезарю Августу (Ода II. Горациі)	121
Къ Республіцѣ (Ода XIV Горациі)	122

II. Елегіи.

Сельское кладбище (изъ Англійского)	123
На кладбищѣ	126
На розвалинахъ замка въ Швеціи	128
На смерть Гете	130
На смерть Андрея Балудянского сочинителя Церковной Исторіи Нового Завѣта	—
Во память усопшаго Франца С. гр. Стадіона бывшаго Намѣстника Галичины.	131
Завѣщаніе	132

IV

Сельская Елегія	133
Розвалины	134
Ночное раздуміе	135
Сельская сиротка	—
Уединеніе	136
Истина	—
Осенний листы	137
Ночь	138
Геллеспонтъ	—
Въ ночи	139
Вѣточка	140
Море	—
Смерть жатву жизни косить	—
Къ моимъ друзьямъ	141
Узникъ къ мотыльку	—
Не на яву и не во снѣ	142
Явленіе Мечты	143
Я пережилъ свои желанія	—
Воспоминанье	—
Спокойно дни мои цвѣли въ долинѣ жизни	144
Первая потеря (изъ Гете)	—

III. Пѣсни.

Думка въ зиѣ	145
Штишка	—
Цвѣтокъ	—
Жаворонокъ въ клѣтцѣ	—
Вечеръ	146
Мои думки	—
Къ мотыльку	147
Къ радости	—
Къ младенцу	—
Послѣдняя борьба	148
Путешественникъ (изъ Шиллера)	—
Пловецъ	149
Моя участь	—
Не унывай	150
Младенецъ	—
Къ друзьямъ	151
Чижикъ	—
Пловцы	—
По полю, полю чистому	152
Пѣсня Дездемоны (изъ Шекспира)	—
Пѣснь бѣдника	153
Велика тайна	—
Листокъ	—
Близость весны	154

Ехо	154
Моя звездочка	154
Приютная роща (изъ Мура)	154
Беззаботность птички	154
Туга (изъ Шиллера)	155
Тоска въ одиночествѣ	155
О русскомъ стихосложеніи	157

III. НЕЧЕРНОВЫЕ

621

621

621

621

621

621

Слово въ умозрѣніи
и въ чувствѣ

D

20,-

apr. 65, -

